Асанали Ашимов. С любовью - ваш Ашимов. Ашимов. 2009.

Описание: Живая легенда казахского театра и кино, актер Асанали Ашимов написал мемуары, где рассказывает о своем детстве и юности, о карьере, о трудностях профессии, о безвременно ушедших из жизни близких людях, о природе любви и женщинах, оставивших след в его жизни, об актерах и режиссерах, с которыми ему приходилось работать. «Атаман» делится с читателями секретами мастерства и всем тем, что обычно остается за кадром.

Вместо предисловия

Эта книга - результат давнего журналистского знакомства и работы с главным героем. Асанали Ашимов прожил яркую и насыщенную творческую жизнь, ему есть о чем рассказать поклонникам своего таланта. Однако когда речь зашла о книге, мэтр засомневался: не станет ли она очередной дежурной публикацией, не задевающей душу читателя? Но после долгих раздумий все же решил:

- Что ж, я возьмусь за это, если кому-то будут интересны взлеты, метания, интриги и наветы, шумный успех и опала, которые мне пришлось пережить... В конце концов, должен же я оставить своим детям и внукам нечто, что никогда не сгорит в инфляции и никакой дефолт такому наследию не будет страшен.

Свои воспоминания актер самокритично называет навязчивыми, иногда непричесанными мыслями. Может, и так, но поскольку этот человек оставил заметный след в казахстанском искусстве и его имя стало знаком качества и синонимом мастерства, то это уже История. И читателю наверняка будет интересно узнать о происходивших в его жизни событиях из первых рук, а не через сонм слухов, злословие и фантазии, которыми обросло имя актера.

Рассказывая о своей жизни, где было место и смешному, и мистическому, и горестному, он порой очень скромен, порой - эмоционален (волнение прорывалось в сбивчивом ритме шагов по комнате), но чаще полон веселой иронии по отношению к самому себе.

«Мне при моей профессии нельзя выставлять напоказ свои изъяны, - говорит он при этом. - Нет, я не стыжусь седины и морщин, я ими даже горжусь. Они же, как и я сам, носят звание лауреата Госпремии и народного артиста». И тут же вворачивает шутку, больше похожую на анекдот из жизни:

- Когда люди видят меня впервые «живьем», то обычно спрашивают: «Вы Асанали Ашимов?», а я им отвечаю:

- Нет, я его отец.

- Как сын, однако, похож на вас! - изумляются они.

- Однако шутки шутками, - спохватывается Асанали, - но сейчас поговорим о серьезном - все-таки я разменял уже восьмой десяток.

И начинается рассказ, в котором ни убавить, ни прибавить - так это было: люди, роли, жизнь.

Мне тридцать лет до ста

Я не люблю юбилеи. Зачастую помпезные, скучные, они похожи один на другой, а главное, до крайности лицемерны. «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Но поскольку от них никуда не деться, на свое 70-летие я с однокурсниками, как на «капустниках» в далекие студенческие годы, придумал интересный выход. Я вышел в сопровождении Райымбека Сейтметова и Сабита Оразбаева вальяжной походкой на сцену, где меня уже ждали Фарида Шарипова, Нукетай Мышбаева и Торгын Тасыбекова. «О, мои вдовушки! - обратился я к ним. - Давайте достойно отметим ваш юбилей». Это и в самом деле был и их праздник. Ведь мы все - одногодки. Ведущий подал нам шампанское, что потом стало поводом для злопыхательства некоторых газет: «В зале сидел муфтий, а они, бессовестные, распивали спиртное».

Да будет вам! Юбилей есть юбилей, это не религиозный праздник.

Потом мы с Фаридой, моей многолетней партнершей (я - Кебек, она - Енлик, я - Козы, она - Баян, я - Еламан, она - Акбала), сыграли фрагменты из наших спектаклей. Как зачастую родители не видят недостатков своих детей, так и я не заметил в облике Фариды примет возраста. Передо мной была та самая Фарида, которую я впервые увидел 50 с лишним лет назад, придя на актерский факультет консерватории,

- самолюбивая, гордая и подчас резковатая девчонка, которая везде и во всем хотела быть первой. Ей и в самом деле не было равных. Необычайно цепкая, она, стремясь попасть в первый состав, на удивление быстро выучивала роль.

Путешествие «по волнам памяти» получилось, на мой взгляд, отменное. По крайней мере, зрители, судя по реакции, не скучали.

Сын двух матерей

Когда я оглядываюсь на прожитую жизнь, то вижу, что радости в ней все-таки было больше, чем горя. Я рос без отца, но обласканный любовью двух матерей и заботой дяди Касыма - младшего брата отца - никогда не чувствовал себя сиротой.

В зрелой жизни у меня тоже был надежный тыл. Любящая жена, мать, сыновья, друзья, успех в работе... Я, казалось, готов был горы свернуть, жизнь была полна красок.

...Мои предки жили поначалу в Западном Казахстане, а затем в поисках более сытной жизни перекочевали через Кзыл-Орду в Джезказган, где и родился мой отец Ашим. В 30-х годах прошлого века часть моих родственников, спасаясь от голода, перекочевала в Узбекистан, а часть - в Джамбулскую область. Я родился по дороге туда - в Келесском районе Южно-Казахстанской области.

В Джамбулской области мои родичи основали целый район - Сарысуский. В доме, где кроме нашей жила еще и семья старшего брата отца -Алжана-коке, а позже и среднего, переехавшего из Узбекистана, была всего одна комната. Но нам не было тесно, наоборот, - тепло и уютно.

Недавно я поставил общий памятник двум своим матерям в пантеоне мавзолея святого Карабуры, что в Сузакском районе Южно-Казахстанской области.

Апа - мамой - я называл жену старшего брата отца - Алтынгуль. Она родила то ли шестерых, то ли семерых детей, но все они почему-то умирали в младенчестве.

А у казахов принято отдавать первенцев деду и бабке или же бездетным родственникам. Так я и мой двоюродный брат Аскарали стали считаться сыновьями Алтынгуль-апа.

Свою названую мать я боготворил. Она прощала мне шалости, у нее я находил защиту, если разгневанная родная мать пыталась меня наказать. Когда мне пришлось жить в интернате, то, бывало, всю неделю собирал для нее конфеты-подушечки, которые выдавали к завтраку. Апа радовалась им как ребенок. «Айналайын»,

- ласково говорила она и тут же скармливала конфеты мне.

Моя любовь к родной матери была смешана с жалостью. Она относилась к Алтынгуль-апе, которая была значительно старше ее, почтительно и никогда не прекословила ей, а меня, следуя давним народным традициям не обращаться к сыну старших родственников по имени, называла бала. Но женщины все же ревновали меня друг к другу. Чувствуя это, я старался подходить к матери, только когда мы оставались наедине. При этом я ее никак не называл. Ни апа, ни тяте, ни даже по имени - Тажихан. И, помню, всякий раз испытывал мучительное волнение, когда нужно было зачем-нибудь обратиться к ней. Бывало, глядя куда-то в сторону, я говорил: «Сегодня вернусь поздно, пойду смотреть кино в соседнем колхозе».

Первый раз я назвал ее мамой, когда она умирала. Она, словно не веря своим ушам, посмотрела на меня долгим изумленным взглядом.

Уже после ее смерти я понял, что мать жила только мною и только ради меня. Немногословная, она не высказывала своих чувств, мы с ней вообще очень мало разговаривали, разве что порой перекидывались парой шуток. Ее выдавали глаза. Они у нее блестели от радости, когда она смотрела на меня. Встречая меня из командировок, целовала мне руки - а в лицо, лоб или голову не смела. Глубоко набожная, мать свято верила, что Алтынгуль-апа, которая смотрит на нас с небес, это может не понравиться.

Мне вспоминается такой трогательный случай. Рано утром мы с сыном собираемся в командировку. Я - куда-то по республике, Саги уезжал на съемки в Белоруссию. И вот две матери провожают нас. Жена хлопочет возле Саги. Обнимая его, напоминает: кушай вовремя, одевайся теплее. И то же самое я слышу от своей матери. Держа меня, уже седого мужчину, за руку, она несмело упрашивает: береги себя, сынок.

Умирая, мать показала окружающим ее родственницам средний палец. Этот жест у казахов говорит о многом. Тем самым мать наказывала: он у меня не только единственный, он - «ортан колдай жігіт», то есть всем джигитам - джигит, берегите его.

Женское воспитание, вернее, та свобода, которую предоставляли мне мать и Алтынгуль-апа, пошли только на пользу. Я рано научился принимать самостоятельные решения. Грех так говорить, но иногда я думаю: может, и хорошо, что у меня не было отца. Вернись он с фронта, никогда не пустил бы меня в актеры: эту профессию в ауле не уважали

Мне было четыре года, когда началась война. Отца я в лицо не запомнил, в памяти остался лишь запах пота и еще оружейной смазки - колхозников перед отправкой на фронт обучали военному делу. Он высоко поднял меня над головой, а потом на минуту прижал к себе.

Отец не вернулся с фронта - пропал без вести. Когда от него перестали приходить письма, матери было всего 23 года. Она так и не смирилась с мыслью, что отца ее единственного сына нет в живых, и всю жизнь прождала его. Перед смертью отец часто снился ей. В полубреду мать ласково и нежно повторяла: «Бедолага, он сегодня снова приходил. У него, оказывается, другая семья». Имени мужа, как истинная восточная женщина, не называла, но все, кто был рядом, понимали

- речь идет о моем отце. Я уверен, что, если бы он в самом деле остался жив и завел где-то в чужих краях другую семью, а потом, спустя годы, приехал с женой и детьми в родные места, мать приняла бы их всех как самых близких и дорогих родственников. Совестливая и преданная, она, вспоминая моего отца, мечтала, видимо, об одном: «Пусть живет с кем угодно и где угодно, лишь бы был жив». Такая вот широкая и емкая натура была у моей героической матери.

Я не спрашивал, а она никогда не рассказывала мне об отце. О том, каким он был, я узнал от Улбобек-апа, жены Альжана-коке - одного из трех старших братьев отца. «Такой же, как ты,

- неунывающий весельчак», - сказала мне 94-летняя старушка, когда я ей, уже готовящейся уйти в мир иной, задал этот часто мучивший меня в последние годы вопрос.

...Я, разумеется, не понимал, что такое война, но, после того как отца и его братьев в доме не стало, взрослые стали меньше улыбаться, а главное, я познал, что такое голод. Утром мы пили пустой чай, в обед - тоже. Ожидание забеленного молоком вечернего супчика превращалось в пытку, день поистине длился дольше века. Это при том, что матери старались лучший кусок отдать детям.

В колхозе с началом войны не стало хватать рабочих рук. Мне было пять лет, когда таких мальцов, как я, уже сажали на быков, и мы молотили зерно на току.

Солнце печет все жарче, а быки все шагают и шагают монотонно. Попки стерты до крови, глаза заливает потом, от бесконечно наматываемых кругов кружится голова, кто-нибудь из ребятишек время от времени падает прямо на немолотое зерно. Взрослые поднимают - и снова сажают на быков. В обед мы, маленькие труженики тыла, едем в аул, чтобы попить чаю и немного поспать. Часа через два снова поднимают: «Айналайын, надо ехать на работу».

Сбежать, отлынивать - это и в голову не приходило. Напротив, нам всем хотелось сделать лучше и больше. Я, например, хоть и рос очень тихим и незадиристым малым, однако спуску никому не давал, если это касалось работы или учебы. Мою мать вызывали в школу единственный только раз - когда меня наградили пятью рублями за отличную учебу и ударный труд в поле. Наша детская бригада работала на уборке зерна, я приходил первым и уходил последним. Флаг победителя висел на моем участке все два месяца, что мы были в поле.

Дома тоже дел хватало. Уходя утром в поле, мать оставляла чашку с зерном. К ее приходу я должен был перемолоть его на дирмене, домашней мельнице, и замесить тесто для лепешек или лапши. К вечеру нужно было пригнать домой коз и овец, подоить их, развести огонь и вскипятить молоко. Это была моя святая обязанность - сделать заготовку к вечернему ужину. Однажды, заигравшись, забыл обо всем на свете. Я купался с мальчишками в пруду возле аула, как вдруг увидел мать. Она стояла на берегу с толстой палкой в руках. Я выскочил из воды и драпанул в степь.

В тот день мы ужинали без молока - ягнята и козлята, оставшись без пригляда, успели приложиться к материнскому вымени. Мать, еле двигаясь от усталости, домывала посуду. Я, глядя на нее, чувствовал себя до того виноватым, и так мне ее было жалко, что в какой-то момент не сдержался и заплакал. Это был крепкий урок. Несмотря на малолетство, я понял, что раз уж моя бесконечно добрая мать схватилась за палку и готова была поколотить меня, - значит, я сделал что-то непростительно плохое. С той поры о своих обязанностях не забывал никогда.

Плоды той дисциплины, к которой приучила меня мать, пожинаю до сих пор. Мне в голову не придет подвести кого-то и не прийти, например, на встречу, если пообещал. Может, и в своей профессии я достиг каких-то высот только потому, что боялся подвести своего педагога Аскара Токпанова, который за руку привел меня на актерский факультет.

В те военные и первые послевоенные годы, на которые пришлось мое детство, шел естественный отбор. Не совру, если скажу, что из ста детей военного времени выживал один. Я отношусь к этим счастливчикам. Когда учился в третьем классе, у нас в ауле началась эпидемия кори. Школу закрыли - в ней некому было учиться. Дети болели и умирали десятками. Две мои младшие сестренки тоже умерли, а я выжил, но когда первый раз после болезни вышел во двор, играть было не с кем - взрослые не успевали хоронить детей. Сейчас, когда спрашивают, как мне всякий раз удается восставать из пепла и начинать жизнь заново, я отвечаю: меня спасает иммунитет, приобретенный в детстве.

А как мы, дети войны, ждали весны! Она у нас ассоциировалась с теплом, молоком, айраном и жуа - диким луком. Зимы в военные годы почему-то всегда были суровыми. Но какими бы они злыми ни были, первого марта (этот день, говорили нам в школе, считается первым днем весны), мы сбрасывали чокай, самодельные сапожки, и бегали босиком до первого снега.

В памяти до мельчайших подробностей остался день, когда мне пришлось ночевать в пустой холодной школе. После обеда неожиданно повалил снег. За другими ребятишками приехали верхом на осликах их дедушки, а за мной ехать было некому. Мать я вообще не видел, она с утра до поздней ночи работала в колхозе, дома оставалась Алтынгуль-апа, да что толку - ослика ведь у нас все равно не было.

Глиняный пол обжигал холодом. Спасаясь от него, я с ногами забрался на парту и всю ночь не сомкнул глаз от страха: мне казалось, что по школе разгуливают шайтаны. В ту страшную ночь я, кажется, повзрослел на целую жизнь. За мной приехал под утро сосед - обе мои матери подняли в ауле тревогу. Что такое вообще колхоз? Это одна семья, все живущие там считают друг друга родственниками. Мы, дети, заигравшись, оставались ночевать в том доме, где заставала нас ночь.

В нашем ауле соблюдалась не социальная, а, я бы сказал, Божья справедливость. Да, бывало, люди не разговаривали друг с другом, рассорившись из-за какой-то ерунды, но бить лежачего - этого не было никогда. Пшеницу, помнится, в войну в первую очередь выдавали самым нуждающимся, и теми крохами, что имелись, мои односельчане делились с депортированными в наши края людьми. Таков был порядок, простой и непоколебимый.

Добрый свет моего аула до сих пор сопровождает меня. Он не давал мне, как говорят в народе, зажраться и забыть свои корни в самые-самые звездные годы моей актерской карьеры.

Сейчас там многое изменилось. Саманных домиков уже и не встретишь, нет и колодцев, из которых мы брали воду. Но если я вижу где-то полуразрушенную глиняную стену, то не могу удержаться, чтобы не подойти к ней, не посидеть на развалинах и не вспомнить былое. Знакомых лиц здесь тоже уже нет. Из товарищей моих детских игр в живых остался лишь один. Октябрь, так зовут его, и в детстве был очень добрым и бесхитростным малым, а сейчас, мне кажется, стал воплощением мудрости и человечности. Прошлым летом, когда я приезжал на родину на похороны одного из родичей, Октябрь отвел меня в сторону, чтобы спросить: «Это правда, что твоя жена беременна?». Получив утвердительный ответ, замахал руками:

- Все-все! Молчу и больше ничего не спрашиваю, а ты никому ничего не говори. Я буду молиться, чтобы малыш родился здоровым.

Мне было легко и просто с ним, звания и статус (Октябрь всю жизнь прожил в ауле, институтов не оканчивал, на пенсию вышел заведующим фермой) не играли никакой роли. Мне казалось, что передо мной не 70-летний старик, а тот самый мальчишка Октябрь, который умудрялся крохотный кусочек сахара или курта делить на весь класс.

...Меня часто спрашивают: не боюсь ли я старости? А мне нравится быть стариком, и если кто-то ненароком обращается ко мне как к «молодому человеку», это даже оскорбляет. Я уже не сыграю Козы-Корпеша, отошел от Кодара, сейчас приблизился к мудрости Карабая - отца Баян. Но коль все идет своим чередом, разве это плохо? Детство у меня не скажу, конечно, что было счастливым - все-таки оно пришлось на суровые военные времена, но зато насыщенносодержательным и даже, как мне кажется с высоты сегодняшних лет, романтичным. Я не был, повторюсь, обделен родительской любовью и вниманием, из детства вынес отменное здоровье. Задел на будущее, то есть юность, молодость и зрелые годы, благодаря такому детству тоже был хорошим. Теперь надо узнать, что такое старость. Сразу скажу: смерти я не боюсь, и туда, где меня ждут дорогие мне люди, хотелось бы прийти с улыбкой.

Я баловень судьбы?

Мне нередко задают вопрос: верю ли я в Бога? Отвечаю так: поскольку мне с детства внушали, что Его нет, то не могу же я в один день стать глубоко набожным человеком. Но я верю, что у каждого из нас есть свой бог и свои

проводники судьбы. Для меня это Шакен Айманов и народная артистка СССР Сабира Майканова, младший брат отца, дядя Касым, а еще Ыскак Прадар, дед по отцовской линии. Он, говорят, непоколебимо верил во Всевышнего, был чист душой и помыслами, ходил всегда в белоснежной одежде. Звание Прадар - святой - дал ему народ.

Он умер, когда мне было пять лет. И вот по какой причине. В годы войны в нашем колхозе, чтобы обеспечивать фронт мясом, построили свиноферму. Однажды дед, взяв медный кумган с водой, вышел по нужде на улицу. И надо ж такому случиться - во двор ворвался визжащий поросенок. Кумган выпал из рук деда, он едва не лишился чувств. Зайдя в дом, Ыскак Прадар упал на колени и взмолился Всевышнему, чтобы тот забрал его с этой грешной земли, где у самого дома бродят грязные чудища. А потом слег, и через три дня его не стало. Когда выносили тело, стоял яркий июльский день, степь изнывала от зноя - дождей не было несколько месяцев (так бывает в наших краях). И вдруг на небе появились белые облака, и, к изумлению аулчан, хлынул ливень. Он шел недолго - всего секунд пять. Люди сказали после этого, что Бог принял Ыскака Прадара на небесах.

Мне было лет семь или восемь, когда на жайляу со мной произошел удивительный случай. Встречая вечером вернувшуюся с пастбища отару, я не обнаружил одну из коз. Пошел искать ее в степи. Вдруг пропавшая коза неожиданно возникла передо мной. Но как ни пытался ее догнать, расстояние все не уменьшалось. Когда мы приблизились к аулу, коза ... исчезла. Каково же было мое удивление, когда, вернувшись домой, я обнаружил «пропавшую» в загоне. Объяснения этому случаю не могу найти до сих пор. Думаю, в ее образе мне явился дух Ыскака Прадара. В пору моего детства степь кишмя кишела змеями и каракуртами. Видимо, оберегая от их укуса, он, мой добрый дух, уводил меня в безопасную сторону.

Теплое дыхание своего деда я чувствую постоянно. Ыскак Прадар успокаивает меня, когда я, волнуясь, готовлюсь выйти на сцену, он был рядом, когда в Баянауле отмечалось 90-летие Шакена Айманова. Обратно мы с супругой Багдат возвращались в одной машине с Бибигуль Тулегеновой. Привал сделали через два часа у родника. Потом ни с того ни с сего меня почему-то пересадили в другую машину. А через пять минут случилась авария. Все отделались легким испугом, но, думаю, останься я рядом с водителем первой машины, все закончилось бы гораздо плачевнее.

Удачная женитьба на Багдат - моей нынешней супруге - и то, что 19 января 2008 года у меня родился сын Асанали, лучшее мое творение, - это все

покровительство моего незабвенного деда. Три года назад у себя на родине, в Жаилме, в знак благодарности деду, который стал ангелом-хранителем, не дающим угаснуть нашему роду, я построил мечеть. Она так и называется - мечеть Ыскака Прадара. Это святое строение похоже на оазис среди песков. Кругом из скважин бьет соленая вода, а я во дворе мечети выкопал колодец с хорошей пресной водой, посадил розы и, на радость детишкам, невиданное в тех краях дерево - елку.

На открытие мечети, а было это 8 мая - в день моего рождения, я пригласил гостей со всего Казахстана. Когда аким района закончил свою вступительную речь, на ослепительно сияющем небе появилась радуга, которая полудугой окружала солнце. Я сам, да и мои гости тоже, восприняли это как явление аруаха. Ыскак Прадар словно одобрял меня. Предсказательница из Шымкента, присутствовавшая на церемонии, сказала, что видела во дворе старика в белоснежной одежде, который вел за руку маленького мальчика. А через два года и восемь месяцев на свет появился Асанали-младший.

Приобщаюсь к цивилизации

Семилетку я окончил в колхозе «III Интернационал», а потом поехал в Байкадам - в районный центр, где была средняя школа. В тот же год Тажихан, мою родную мать, по разнарядке послали на целый год строить железнодорожную ветку Моинты - Чу. Когда ее наконец отпустили, то мать, не заезжая в аул, прямо из Джамбула поехала в Кентау к родственникам. Они помогли ей устроиться на работу в хлебопекарню. Так мать избежала очередной разнарядки - ехать на долгие месяцы туда, где больше всего не хватало рабочих рук.

После 8-го класса и я отправился в Кентау вслед за матерью. Жили мы с ней в саманном домике на краю города, а школа, куда я пошел учиться, располагалась в центре.

После нашей саманной завалюхи с глиняным полом этот двухэтажный дворец меня потряс! Высокие стены пахнут свежей известью, пол блестит от краски! Чистота подавляла меня, я так боялся ненароком что-то запачкать, что ходил только вдоль стеночки. Средняя школа имени Алтынсарина оказалась первой десятилеткой в городе. В ней учились дети из разных школ и даже городов - Туркестана, Жанатаса. Я, как всегда, попал в разряд самых тихих и стеснительных. Бывало, вызывают меня к доске, а я, хоть и вызубрил урок наизусть, краснею, бледнею и ничего не могу сказать. Не припомню, чтобы смеялись, но весь класс, казалось, смотрел на меня как на дикаря.

Недавно мне позвонила моя школьная учительница математики Полина Алиповна. Говоря о нашем выпуске, она напомнила мне такой случай. Как-то Полина Алиповна заболела и слегла в больницу, и ее замещал учитель-фронтовик, очень жесткий и суровый мужчина.

- Агай, когда вы уйдете? - не выдержал я однажды. - Когда к нам вернется наша апай?

Одноклассники, услышав это из моих уст, разинули рты. А учителя, придя навестить Полину Алиповну в больнице, оказывается, с изумлением рассказывали ей об этом:

- Представляешь, что выдал этот мямля Ашимов? У него голос прорезался!

Но этот, можно сказать, героический поступок я совершил, уже заканчивая школу. А в первые дни до того чувствовал себя здесь не в своей тарелке, что как-то схватил старый деревянный чемодан, с которым приехал в Кентау, и рванул в степь. Мать - за мной. Я убегал из ненавистного города с криками: «Не могу здесь больше оставаться! Я в аул хочу!». Мать поймала меня, отобрала чемодан и, плача вместе со мной, силой потащила обратно.

Первым из одноклассников протянул мне руку помощи Сейдахан Таимбетов. Он сел со мной за одну парту, на переменках мы держались вместе да и жили по соседству. Городской бойкий парень стал приобщать меня к цивилизации. В те годы девочки стеснялись танцевать с мальчиками, и он был моим партнером на школьных вечерах и в городском парке, где мы танцевали под музыку духового оркестра вальс и танго, которым он же меня и научил.

Сейдахан стал мне истинным другом, какой бывает ближе брата. После школы он учился в Ташкенте в политехническом училище. К тому времени, когда он приехал в Алма-Ату, я уже успел сняться в нескольких картинах, стал узнаваемым и, пользуясь этим, пошел хлопотать за друга в сельскохозяйственный институт. Способный парень, Сейдахан, отучившись, остался преподавать в родном вузе. В начале 90-х он одним из первых в Алма-Ате открыл частный ресторан «Акжайык». Это и сгубило его. Принимая каких-то зарубежных гостей, он велел приготовить лагман и, видимо, желая продемонстрировать, как едят это диковинное для иностранцев блюдо, положил в рот слишком большую порцию огненного лагмана. Надо было держать фасон- он сделал глоток и... сжег гортань. Незаживающая язва спровоцировала в итоге рак пищевода. Я возил его и к народным целителям, и к лучшим врачам, но все было бесполезно. Спортсмен, не знавший, что

такое болезнь, сгорел буквально за год. В 1994-м моего дорогого друга не стало, и я словно осиротел. Сейдахану я поверял все свои секреты, он искренне радовался моим успехам и переживал мои неудачи как свои, в его дом я мог прийти без звонка - здесь меня всегда ждали.

- Да пошли они все к черту! Ты и без них не пропадешь! - утешал он, когда меня снимали с директорства, увольняли из театра или не утверждали на роль, о которой я мечтал.

Ссор между нами практически не бывало. Только раз, когда я шутки ради брякнул, что аргыны - это казахские евреи, дескать, такие же хитрые, Сейдахан почему-то крепко обиделся.

- Что мы тебе плохого сделали?! - вскипел он.

Чувствуя, что моя неуместная шутка может стать поводом для глубокой обиды, я постарался погасить намечавшийся конфликт.

- Мои сыновья, твои жиен - племянники - тоже аргыны! - обнял я друга со смехом.

В театре, где все друг другу соперники, мне тоже повезло. У меня здесь был искренний и верный друг - Ануар Молдабеков. Не будь его, возможно, сегодня не было бы и народного артиста СССР Асанали Ашимова. Мы с ним шли к успеху, подставляя друг другу плечо. Но дружба с Ануаром и на сцене, и в жизни - отдельная история, об этом я расскажу позже.

... В юности многих, с кем приходилось общаться, я считал своими друзьями. Понимание, что настоящих друзей, которые остаются с тобой и в радости, и в горе, совсем немного - один, а если повезет, то два-три, пришло гораздо позже - когда их не стало рядом.

Нет, я не хочу сказать, что сейчас одинок, рядом со мной достойные люди, с которыми мне интересно, - писатель Абдижамил Нурпеисов, врачи Торегельды Шарманов и Камал Ормантаев, бизнесмен Узакбай Айтжанов. Казалось бы, и сферы деятельности, и возраст у нас разные, но нас тянет к общению. Никогда не забуду лето 2007 года, принесшее Узакбаю страшную трагедию. Ничто не предвещало беды, когда мы - он сам, Нурпеисов, Шарманов, Ормантаев, бывший цэковский работник Аухадиев и я - чартерным рейсом полетели на открытие завода на его родину, в Аральск. Всю дорогу звучали шутки-прибаутки, но по возвращении в Кзыл-Орду, в

аэропорту, Узакбаю сообщили страшную весть - его 25-летняя дочь погибла в ДТП.

Это был убийственный момент. Он весь помертвел и застыл, лицо стало как маска. Ни слов, ни слез. Мы, его гости, почему-то чувствовали себя виноватыми. «Что сказать, как его утешить?» - думал каждый из нас.

В какой-то момент открыл бутылку виски, нал ил полный стакан и скомандовал: «Пей!». Выпили с ним и мы. Нурпеисов сказал замечательные слова о том, что такое жизнь и что такое смерть, и напряжение наконец отпустило Узакбая. Он зарыдал. И это, думаю, спасло его.

Свое отношение к Абдижамилу Нурпеисову я бы назвал высоким. Правдивый человек, большой писатель и оригинальный мужик, он достоин этого. Скажу больше - он личность века. И то, что мы своему казахскому Льву Толстому не можем воздать так, как, например, современные россияне Василию Шукшину, - это позор наш и наша беда.

Мне обидно и больно, что его гениальный роман «Кровь и пот» получил меньше внимания широкой читательской аудитории и кинорежиссеров, чем он того безусловно заслуживает.

Помню, с театральным критиком Аширбеком Сыгаем мы возвращались с похорон Райымбека Сейтметова. По пути на вокзал остановились купить дыни. Тут подъехал автобус, оттуда высыпали молодые люди - то ли старшеклассники, то ли студенты колледжа. Увидев меня, подошли за автографами и стали фотографироваться рядом. Я решил подшутить над ними. «А что же вы, -говорю им, показывая на Аширбека Сытая, - с Мухтаром Ауэзовым не здороваетесь?». И что вы думаете? Они тут же побежали брать автограф у «Мухтара Ауэзова». И хоть бы один усомнился и сказал: так ведь Ауэзов давно умер! Я еще спросил у этих ребят, читал ли кто-нибудь «Путь Абая». Не нашлось ни одного.

Аширбек Сыгай пошел еще дальше. Показывая на высокого смуглого мужчину - сопровождавшего нас предпринимателя из Шымкента Куралы Ержана, - сказал, что это Тохтар Аубакиров. И тоже поверили! Где уж тут читать «Кровь и пот»!.

Был я когда-то неуклюж, стеснителен, неловок

Эти слова - «Везет человеку!» - я слышу постоянно. Но за славу, за известность, за успех на сцене и в жизни я платил бессонными ночами и слезами. Не единожды мое имя за глаза пытались смешать с грязью, хотя в

глаза никто из моих недругов не упрекнет меня в том, что я кого-то предал или оболгал, потому что этого не было никогда.

Я сыграл на сцене Ауэзовского театра около 30 ролей, но в 18 лет ни о какой актерской профессии не то что не помышлял - даже не знал таких слов, как «театр» или «филармония». Все мои познания в культуре ограничивались фильмами «Чапаев» и «Амангельды», которые я смотрел по десятку раз. Для этого я, босоногий подросток, шел пешком в соседние колхозы. И каждый раз молил Бога, чтобы Чапаев и Амангельды остались живыми! Каково же было мое удивление, когда я увидел «живого» Амангельды в театре! Я был до того простодушен, что до встречи с Елубаем Умурзаковым не воспринимал его как актера. Это был Амангельды - святой, с моей точки зрения, человек. И - точка!

На актерский факультет консерватории я поступил без любви и без желания - в общем, вынужденно-случайно. Как и все наши аулчане, считал актеров легкомысленными, крайне распущенными людьми. Поэтому года три даже стеснялся говорить в ауле, где учусь. Любовь к профессии пришла после встречи с корифеями казахской сцены - Калибеком Куанышбаевым, Серке Кожамкуловым, Идрисом Ногайбаевым, Рахилей Койшибаевой, Сабирой Майкановой, Шакеном Аймановым... Меня потрясла их образованность и интеллигентность!

Сам-то я в те годы был неловок, неуклюж, по-деревенски стеснителен. Никто мне не предлагал тогда играть героев-любовников. Начинал я с «фундамента», то есть с массовок. И слава богу! Иначе, наверное, не был тем, кто есть сегодня. Это было бы равносильно попытке начать строить дом с крыши. Так было с Сергеем Гурзо. Он в 22 года стал лауреатом Сталинской премии за роль Сергея Тюленина в фильме «Молодая гвардия», не выдержал славы и рано исчерпал себя творчески. Зато Михаил Ульянов и Иннокентий Смоктуновский, начинавшие в провинциальных театрах, были подготовлены к славе, которая обрушилась на них уже в зрелые годы. Так и я: поставь мне сейчас хоть десять памятников из золота или вдруг облей ушатом грязи - все выдержу и инфаркта уже не получу.

Лучшими учителями были мои собственные ошибки и неудачи. Бывало, снимаясь в кино, я завидовал даже осветителям. «Счастливчики,-думал я про них, мучительно выстраивая роль. - Вы можете смеяться надо мной, беспомощным неумехой, потому что видите, что у меня ничего не получается».

Первой моей самостоятельной работой на сцене была роль во втором составе трагедии «Абай». Я играл Айдара, ученика поэта. Когда режиссер постановки Азербайжан Мамбетов скомандовал: «Давай, выходи!» - актеры встретили мое появление на сцене смехом. Смеяться было над чем! От того, что я не знал, куда девать руки и ноги, у меня, кажется, и мысли одеревенели. Но больше всего смущала партнерша. Шолпан Жандарбекова годилась мне в матери, но в спектакле она играла мою возлюбленную. Несмотря на ее уговоры: «Мы же с тобой всего лишь партнеры!» - я не знал, как сказать ей слово «люблю».

«Я вам еще покажу, кто есть кто», - пообещал я мысленно труппе, которую в тот момент ненавидел. Смех старших коллег так подстегнул меня, что дальше я работал над ролью как проклятый да еще успевал бегать вечерами в театр (он тогда был объединенным) на спектакли и русской, и казахской труппы. И зритель принял моего Айдара! Маленький успех окрылил. Так начинался мой роман с театром - с упрямства, настырного желания постичь все его секреты. Любовь к нему входила в мою жизнь постепенно вместе с первыми поощрительными, а потом уже бурными, идущими от сердца аплодисментами зрителей.

Мои университеты

Человек-глыба (Мухтар Ауэзов)

Сентябрь 1955 года. Я, новоиспеченный студент актерского факультета консерватории, пришел в театр на спектакль «Енлик-Кебек». Закончился первый акт, в зале зажегся свет и вдруг - как удар электрическим током! Откуда-то с первых рядов идет Мухтар Ауэзов. Я его сразу узнал по белому шелковому кителю и кудрявым волосам. Я раскрыл глаза, рот и, кажется, чуть не потерял сознание. Этот энциклопедист, одна биография которого - учебник истории, в двух шагах от меня! Его романом «Путь Абая» мы зачитывались, не уставая поражаться каждому повороту судьбы, откровениям этой непостижимой души. Ауэзов был для меня мудрецом, способным понять абсолютно все и все на свете знающим. Но до этой встречи мне казалось, что такие, как Ауэзов, как легендарный батыр Бауыржан Момышулы, которого на фронте не брали пули, - небожители, и уж встретить их там, где ходят простые смертные, невозможно.

Писатель вообще-то был среднего роста, но мне показалось, что рядом проходит человек-глыба. Полупарализованный, едва переставляя ноги, я двинулся за ним. Ауэзов погулял в фойе, с первым же звонком вернулся в зал и тихо сел на свое место.

Этот день стал переломным в моей жизни. С того момента начался переход от деятельного невежества к свету знаний, от болванизма к интеллекту. Я жадно глотал книги, оценивающе присматривался к окружающим, стараясь взять от них лучшее и избавиться от своих грубоватых аульных замашек.

Мне и во сне не могло привидеться, что когда-нибудь буду общаться и даже сидеть за одним столом с такими людьми, как Ауэзов. «Мне хотя бы зацепиться в этом сказочном городе, где живут они», - мечтал я и интуитивно чувствовал, что достичь этого поможет только упорный, неустанный труд.

Основоположники казахского национального театра
Калибек Куанышбаев, Серке Кожамкулов, Елубай Умурзаков

В юности я бесконечно удивлялся. Не будь того колоссального любопытства, стремления докопаться до сути, я бы не дозрел до сегодняшнего своего состояния. Мне кажется, я физически ощущал, как взрываются клетки мозга, впитывая новые знания. Это сегодня меня трудно удивить, самое большее, на что хватает эмоций, так это сказать ничего не выражающим голосом: «Да? Ну, может быть», а тогда с наивностью провинциала на любой новый факт я отзывался восторженным: «Да что вы говорите?! Это правда?!».

Думаю, что такая любознательность и жадное познание мира были присущи всем степнякам, ставшим потом известными не только у себя в республике. Тот же Шакен Айманов, который на всех производил впечатление замечательно образованного и начитанного человека (он в самом деле знал мировую классику так, что свободно цитировал наизусть страницы текста) и который на равных общался со знаменитостями планетарного масштаба, тоже уроженец аула и тоже сын простых родителей, никаких университетов не заканчивал.

На пути к познанию реальной жизни и театра кроме Шакена Айманова, который был и остался для меня Учителем, я успел застать великих «стариков» казахской сцены - Калибека Куанышбаева, Серке Кожамкулова, Елубая Умурзакова... Я учился у них человеческому такту, в общении с ними постигал «народные» университеты, глядя на них, понимал, что такое настоящая мужская дружба. Меня потрясало их отношение друг к другу - только на «вы», и никакого прилюдного выяснения отношений. Балагурство эксцентрика Умурзакова, например, не нравилось флегматику Кожамкулову, он, случалось, недовольно морщился, но при этом никогда не одергивал друга. Зато других, если те переходили границы, мгновенно ставил на место. Однажды мы с ним шли по улице. И вдруг к нему чуть не с объятиями кинулся какой-то прохожий: «Здравствуйте, Сер-ага! Как поживаете?!».

«Какое твое дело!» - гневно стукнув тростью об асфальт, ответил покоробленный такой бесцеремонностью старый актер.

Был он пунктуальнейшим человеком. Если мы знали, что приглашены на одно мероприятие с Сер-ага, то, не дай бог, опоздать! Памятливый старик, он сразу мог и не сказать ничего, но позже обязательно припоминал. Однажды Сер-ага опоздал на репетицию, чего с ним прежде не бывало никогда. Расстроенный, он упал на колени перед завтруппой: «Карас, прости меня, старого! Ах я дурак! Как я мог забыть про репетицию!». Делал он это совершено искренне, но мы втихомолку посмеивались. Никому из нас и в голову не пришло бы так мучительно переживать и каяться из-за такого проступка.

Кожамкулов называл меня в хорошие минуты Ашимовским, а если ему что-то не нравилось, не разговаривал вообще. Когда я ставил «Ревизора»

- свой первый спектакль, то не дал ему роли. Он не вписывался в подобранный мною актерский состав, хотя роль Земляники Сер-ага играл уже около четырех десятков лет. «Ну, репетируй пока,

- сказал он мне как-то. - Я приду потом».

За неделю до премьеры он объявил, что завтра придет репетировать.

Возразить ему я не посмел и просидел всю ночь - переписывал для него роль Земляники. А вдруг, думаю, забыл старик некоторые моменты, все-таки немало лет.

Я пришел в театр раньше всех, а Сер-ага уже сидит в репетиционном зале. Протянул ему тетрадь с текстом, но он отложил ее в сторону: Кожамкулов знал роль назубок.

Другие актеры работали в его присутствии напряженно. Все знали крутой и прямолинейный нрав острого на язык старика. Он мог так обрезать, что дыхание перехватывало. Когда ему, например, не понравилось мое режиссерское замечание кому-то из актеров, он стукнул кулаком по подлокотнику кресла: «Ты на себя посмотри! Не кривляйся, ты не мартышка. Веди себя достойно».

Я снимаю шляпу перед ним за его смелость. Ныне, боясь нажить врагов, редко кто отважится делать замечания молодым коллегам столь открытым

текстом. Я, например, если игра партнеров меня не устраивает, говорю так: ты бы в этом месте чуть-чуть поработал над собой.

То, что молодые актеры - партнеры по «Ревизору» - боялись Кожамкулова как огня, отвечало замыслу спектакля. Его героя, склочника и анонимщика Землянику, окружающие и на самом деле опасались.

Оказалось, что Сер-ага играл в моем спектакле свой последний выход на сцену. Вскоре он слег, чтобы уже не встать.

Эти великие старики, которые нигде не учились театральному искусству, очень любили Шакена Айманова. Для сыбага, доли от зимнего согума, оставляли ему лучшие куски. Думаю, не из-за того, что он их всех снимал в своих картинах. Они признавали его первенство, ведь Шакен-ага, выйдя из тех же кругов, что и они, сумел стать не только большим актером, но и европейски образованным человеком, который мог достойно представлять национальное искусство на уровне не только республики. Елубай Умурзаков, умирая, попросил похоронить его рядом с Шакеном Кенжетаевичем.

Настольной книгой народного артиста СССР Калибека Куанышбаева, которого Шакен Айманов считал своим учителем (у них на самом деле были очень схожие сценические манеры), был сборник стихов и переводов Абая. Практически не имеющий за плечами никакой школы, едва научившийся читать и ставить свою подпись, Калибек-ага обращался к Абаю, чтобы узнать, кем же был неизвестный ему доселе Шекспир или другой западный классик, чьих героев ему предстояло играть. Читал он как первоклассник - по слогам, на каждую страницу уходило по полчаса, но при этом умудрился создать пьесу «Шаншарлар» (о судьбе одного из казахских родов).

Роли свои он учил на слух, но отца той же Катарины в «Укрощении строптивой» Куанышбаев играл так, что не поверить в происходящее на сцене было невозможно -настолько естественными были и слова, и жесты. Зритель словно попадал под гипноз, он яростно аплодировал, даже когда актер делал паузу.

Внешне обычный старик-казах, Калеке и сам не осознавал, насколько был велик как актер. Он не играл роль - он жил на сцене! Я сам был свидетелем того, как Куанышбаев входил в образ. В трагедии «Акан-сері- Актокты» он играл немого палуана Мылкау, а я - в массовке. И вот глаза актера-самородка наполняются слезами, прожилки краснеют, лицо искажается мукой, когда он, засунув большой палец в рот, пытается что-то сказать... Зритель рыдает, мы, актеры массовки, всхлипываем.

Калеке называли человеком-театром, а начи-нал-то он скоморохом с Кояндинской ярмарки, где выступал вместе со знаменитой певицей Майрой, поэтом Исой Байзаковым, палуаном Хаджи Муканом. Его учителем был легендарный Жынды Омар, которого многие ошибочно считают вымышленным персонажем типа Ходжи Насреддина или Алдара Косе.

В литературе, повторюсь, он признавал только Абая. Мне кажется, случись их встреча в жизни, им обоим не было бы скучно друг с другом. Калеке создал образ Абая и в кино (фильм «Песни Абая»), и в театре, а потом пошел еще выше -сыграл в театре Кунанбая, отца Абая. Он считал, и я так считаю тоже, что отец гения был не менее велик, чем его сын. Мухтар Ауэзов, в рамках советской идеологии представивший в своем романе Кунанбая степным тираном, говорил, оказывается, позже, что он в долгу перед отцом Абая.

Мудрец и философ, Кунанбай пользовался в народе громадным авторитетом. Абай - это плод отцовских генов и воспитания. Рассказывают, что когда у Абая вышел в Казани первый сборник его стихов, он шутливо похвастался отцу: «Ага, теперь я, наверное, перешагнул вас». Одноглазый Кунанбай ответил: «Сын мой, для того, чтобы так говорить, роди сначала такого сына, как Абай». Я напомнил об этом с одной только целью - ярче показать и оттенить личность Калибека Куанышбаева. Этот блестящий актер долго болел перед смертью. Всем, кто заходил его проведать, он передавал одну просьбу: если увидите Шакена, скажите, что жду его. Айманов, очень занятой человек, все никак не мог выбрать час, чтобы вырваться со съемочной площадки и прийти к другу. И вот однажды все-таки пришел. Калибек был уже очень плох. Увидев наконец того, кого он так долго ждал, отвернулся к стене. У Шакена Кенжетаевича, как он вспоминал потом, сердце сжалось при виде умирающего друга, но, чтобы приободрить его, завелся с порога: «Ну что ты разлегся, старик?! Ты только притворяешься, что болен. А ну вставай, будем играть в карты. Деньги есть?».

Калеке повернулся, медленно, с усилием поднял руку и скрутил фигу. Через пять минут его не стало. Это была его последняя шутка. Типа - какие деньги? Жизнь закончилась! Сам того не ведая, мастер-самородок повторил Лопе де Вега. Великий драматург, как гласит легенда, за минуту до смерти, смеясь, воскликнул: «Финита ля комедия!».

...Моему поколению актеров повезло. Успев застать на сцене родоначальников казахского театра, мы жадно учились у этих степных академиков. Говорю о них и невольно хочется опровергнуть Станиславского, который сказал, что «талантами не рождаются, талантами становятся».

Талант, если судить по ним, -загадочное и мистическое явление. Ведь тот же Шакен-ага приводил в изумление весь аул, когда, играя с другими детьми, вдруг хватал лежащую на земле палку и, наигрывая на ней, как на домбре, пел и плакал. «Что нужно этому мальцу? Почему он плачет?» - спрашивали друг у друга люди, зачарованно слушая мальчика.

Мне вспоминается рассказанный кем-то из друзей случай, связанный с драматургом Игорем Савиным. Получив стипендию, группа студентов сценарного факультета ВГИКа, в которой был и Савин, отправилась в ресторан. За одним из соседних столов сидел мужчина, чье лицо показалось им смутно знакомым. В самый разгар споров о литературе к ним подошел официант: «Михаил Александрович просит вас к своему столу». От вопроса: «А кто это?» официант, похоже, рассвирепел. «Шолохов!» - сверкнул он глазами.

Когда студенты оказались за его столом, писатель спросил, что они делают в Москве. «Учимся на сценаристов и драматургов». «А разве этому учат? Писать - это ведь дар свыше», - изумился Шолохов. Заметив, что студенты приготовились к спору, он сгладил разговор: «Ладно, оставим эту тему. Давайте лучше выпьем за вас». А затем, быстро собравшись, ушел. При этом, как выяснилось, он расплатился за всех - и за себя, и за студентов.

Мать театра
Сабира Майканова

Особые отношения связывали меня с Сабирой Майкановой. Мы с ней из одних краев, она дружила с моей матерью, а меня называла братишкой.

Будучи на сцене серьезной драматической актрисой, в жизни она была воистину ходячим анекдотом. Благодаря своей кристальной честности и порядочности она 19 лет пробыла парторгом Театра имени Ауэзова. Но поскольку русским языком Сабира-апай владела плохо, партсобрания порой превращались в комедию.

Читая однажды с трибуны написанный для нее кем-то доклад, она вдруг запнулась и ... заявила о своем несогласии с «собственным» текстом, а потом сняла очки и продолжила: «Это, дорогие товарищи, не мое винО».

Или как-то на собрании разбирали по заявлению жены поведение завхоза, который тайком встречался с костюмершей. В свою защиту завхоз заявил, что он импотент. Так и сказал:

- У меня не стоит!

Разгоряченная секретарь парторганизации крикнула в ответ:

- Ты врешь! У тебя стоит!

Призвать к супружеской верности аморального завхоза после этого не было уже никакой возможности: коммунисты рыдали от смеха.

Она не боялась быть смешной, потому что могла найти достойный выход из любой ситуации. Однажды наша актерская бригада гастролировала в Сузакском районе Южно-Казахстанской области. В те годы был обычай торжественно провожать актеров от границы одного совхоза до границы другого. На их стыке объединялись два дастархана, и шел большой пир. Сабира-апай, знавшая толк в хорошей еде, настолько плотно перекусила еще до проводов, что расстегнула пуговицу на юбке. Выходя из машины, она об этом позабыла. Первый тост по старшинству предоставили ей. Говорила она долго и красиво. Поскольку дыхание у актеров хорошо поставлено, между вдохами и выдохами юбка постепенно сползала к земле. Ануар Молдабеков зашептал мне на ухо: «Асеке. что делать? Я боюсь подходить к ней, идите вы». Я попытался шепнуть Сабире-апай, что она стоит без юбки. «Отойди!» - отмахнулась актриса. Я подошел с другой стороны, она опять отмахнулась: «Не мешай мне говорить тост». Хозяева, надо отдать им должное, сделали вид, что ничего не случилось.

Наконец Сабира-апай закончила говорить, нагнулась к дастархану. «Ойбай, - спохватилась она, обнаружив, что стоит в одной нижней юбке, и, как ни в чем не бывало, перешагнула через упавшую часть туалета: - Вы же все здесь мои дети, не обращайте внимания». С той поры холм, с которого Сабира Майканова произносила тост, в Сузакском районе называют «Сабира апайдын юбкасы тускен тобесі - «Холм, где упала юбка Сабиры-апай».

Она никогда не вела закулисных разговоров, все, что думала о людях, выдавала прямо в лицо. У многих остался в памяти случай, связанный с приездом в Алма-Ату на гастроли в 1983 году Московского театра имени Вахтангова - побратима Театра имени Ауэзова. Некоторые наши народные артистки втихомолку добивались, чтобы Сабиры Майкановой на банкете в честь приезда московских коллег не было. Официальный аргумент при этом был такой: она нас всех своим смешным русским оконфузит, но настоящая причина, конечно, была в другом - Сабира-апай на таких мероприятиях легко затмевала всех.

- Ай, шырагым, - отвечала она на замечания молодых коллег, - зачем мне рисоваться, если и так все складно получается.

И, произнося речи на партийных собраниях, продолжала говорить: «Спасибу, товарищу М...в. Вы сделал большому делу».

Так вот, на банкете, посвященном приезду московских коллег, Сабира-апай появилась очень нарядной - в красном бархатном платье, с замысловатой прической. Азербайжан Мамбетов усадил ее на почетное место рядом с Ульяновым, Максаковой, Целиковской, Яковлевым, Борисовой...

Затем он торжественно объявил. «Слово предоставляется матери нашего театра, народной артистке СССР, дорогой Сабире-апай». Несколько актрис, видимо, боясь не выдержать очередной триумф соперницы, после этих слов покинули зал. Когда Майканова, обращаясь к главному режиссеру вахтанговцев Евгению Симонову, без всяких церемоний заявила: «Ай, Симонову!» -москвичи зааплодировали.

- Я твоего отцу хорошо зналу, - продолжала актриса (Рубен Симонов, народный артист СССР, в свое время был главным режиссером Театра имени Вахтангова). - Тоже был великий режиссеру, ты на него похожу.

Ее слова сопровождались непрерывными аплодисментами актеров двух театров. При этом время от времени Майканова бросала в нашу сторону реплики на родном языке. Кинув, например, мимолетный взгляд на Михаила Ульянова, замечала: «Выпил он уже, что ли? Что-то лицо у него слишком красное». Но самое главное ожидало слушателей впереди: Сабира-апай стала оценивать актерскую игру москвичей.

- Ай, Симонову, - вновь обратилась она к главному режиссеру «вахтанговки». - Почему не даете званию моему подругу Целиковскому и Пашкову?

При этих словах обе именитые актрисы, к которым уже стали относиться как к списанным в тираж, заволновались. А Майканова продолжала: «Когда Ульянову с Борисову играли в «Иркутской истории», какая была пара!».

Актриса попала в точку: в самом вахтанговском театре редко уже вспоминали спектакль, где играли эти актеры. А Сабира-апай переходила к Лановому:

- Когда Василию Лановому игралу в фильме «Аттестат зрелости», он был совсем мальчику, а сейчас кто? Лауреату Ленинской премии!

Василий Лановой встал во весь свой немалый Рост и, склонившись, поцеловал актрисе руку: «Никто уже не вспоминает мою первую роль. Все думают, что начинал я с Павки Корчагина. Сабира-апай, вы действительно мать театра - мудрая, зоркая и знающая наше искусство».

Да, Сабира-апай подчас бывала по-детски наивной, смешной, абсолютноне приспособленной в быту, но при этом обладала принципиальностью и чутким, подлинно материнским сердцем. Однажды секретарей парткомов алматинских театров пригласили на прием к первому секретарю ЦК Компартии Казахстана. На выступления отводилось по 15 минут. Регламент не соблюла лишь Сабира Майканова. Через 20 минут ее попытались было остановить, но Кунаев поднял руку: тихо!.

В общем, Сабира-апай выступала 45 минут. А потом ее еще долго цитировал Кунаев.

Мы часто по привычке говорим «мировоззрение», хотя у многих оно ограничено стенами собственной квартиры, то есть это не «миро...», а «квартировоззрение». А Сабира-апай - не квартирного масштаба личность. У нее потолок был выше неба.

За себя и свою семью она не умела хлопотать, но в театре благодаря ей были сохранены многие молодые семьи, оказавшиеся на грани развода, а уж как она выбивала нам квартиры! Как-то я пожаловался, что нам тесно впятером в полуторке. Ничего не ответив, она в один прекрасный день взяла себе в подмогу академика Смета Кенесбаева и пошла с ним на прием к Есену Дуйсенову - главе города. Вскоре я получил трехкомнатную квартиру в центре.

Очень жаль, что на доме, где она жила, нет даже мемориальной доски - некому оказалось похлопотать об увековечивании памяти Сабиры-апай. А ведь ее Толганай в «Материнском поле» восхищалась даже спесивая театральная Москва. Она создавала образ своей героини крупными мазками, психологические переживания сочетая с трагизмом. «Материнское попе» с ее участием шло на сцене Театра имени Ауэзова больше 30 лет, но, как признавались театралы, сколько бы они ни смотрели этот спектакль, всегда хотелось увидеть его еще раз. «Материнское поле» стоило того: зрительный зал всхлипывал, и даже мы, занятые в массовке актеры, не сдерживали слез, когда Майканова-Толгонай, прижав к груди шапку сына, рыдает, упав на рельсы. Трагизм она передавала не ахами и охами, а мощным внутренним дыханием. Такое я встречал только у нее.

Вообще она была мастером раскрытия диалога при помощи специфических междометий казахского языка - эу, бей... Звуки эти непереводимы, могут обозначать все, что угодно. Умение пользоваться ими с уходом великих основателей казахского театра - Шакена Айманова, Сейфуллы Тельгараева, Камала Кармысова и, конечно, Сабиры-апай - исчезло с нашей сцены, равно как и крупные женские образы, которые умела создавать эта непревзойденная актриса. Другие тоже играют выразительно, ярко, но это уже не то... Другая игра.

У моего покойного друга, народного артиста Райымбека Сейтметова, который был в «Материнском поле» Жайнаком, младшим сыном Толганай, влажнели глаза, когда он рассказывал о ней: «Сабира-апай прижимает мою голову к груди, и я ощущаю теплоту и запах моей матушки. И мне хочется плакать».

Дважды за эту роль ее выдвигали на Ленинскую премию. Но в первый раз отложили в долгий ящик, а во второй - просто не дали.

Актер - это Звучит гордо

С ностальгией вспоминаю советские времена. Жил я тогда, конечно, беднее, чем сейчас, зато было много творчества, а театр воспринимался народом поистине как храм искусства. От нынешнего же фамильярного отношения к актерам меня порой просто выворачивает. Так не должно быть! Это кощунство, что известная певица (я сам тому свидетель) за вечер побывала на трех свадьбах, где продавала пару своих песен за полторы тысячи долларов. Пьяные гости тянулись к ней с бокалами....

А ведь раньше ставился вопрос об увольнении, если актер выходил в зрительный зал без грима. Как бы ни сводило желудок от голода, мы не имели права ходить в буфет во время антрактов. Зритель нас ловил у служебного входа, чтобы взять автограф.

Говорят, что жизнь - это борьба. Я бы уточнил: борьба с самим собой - со своей жадностью, любовью к праздности, неумением или страхом поставить людей, от которых ты зависим, на место, когда они пытаются сделать тебя марионеткой. Добьешься победы - будут уважать другие.

Я шагал к своим вершинам в разноцветных «колхозных» ботинках, в которых приехал в Алма-Ату. Я долго ходил кандидатом в студенты, меня исключали из института, в театр не принимали... Зато сейчас у меня нет «одышки». То,

что я сейчас имею, - это результат, если хотите, компенсация за те трудные годы.

Вспоминаю Михаила Ульянова - он для меня идеал человека и актера. Поступать в Щукинское театральное училище Ульянов приехал из Омска в кирзовых сапогах. Своим трудом, своим отчаянием, своей жесткостью и неистовым темпераментом этот русский мужик «порвал» всех на своем пути и стал великим актером. А я - казах от земли. Я знаю, что такое сбор урожая, что такое овечий кизяк. Это знание помогало мне выстоять и не сдаваться.

Мой первый режиссер

После школы я мечтал выучиться на горного инженера. В Кентау, с его рудниками, это была самая модная профессия. Поэтому поначалу документы я подал в столичный горно-металлургический институт. Но там огромный конкурс, среди поступающих - почти сплошь отличники, а у меня с математикой нелады. И я, не начав еще сдавать экзамены, перекинул Документы на агрономический факультет Алматинского сельскохозяйственного института. Не поступил. Пришлось возвращаться в Кентау. Год зарабатывал младшим рабочим в геологоразведочной партии. Если бы мать, сама не знавшая ни слова грамоты, не уставала повторять: «Учись, балам», я бы, возможно, и не поехал никуда, остался бы в Кентау или вернулся в аул и пас бы там баранов. Но мать стала готовить меня в дорогу еще с осени. Зарплату в хлебопекарне, где она работала, большей частью выдавали продуктами, и она долгие месяцы по крупинке собирала белую муку. В 1955 году мы с Райымбеком Сейтметовым, который тоже «срезался» в зооветеринарном, снова засобирались в столицу. Мешок с мукой к тому времени был уже полным, и мы с Райымбеком, чтобы заработать мне на дорогу, пошли с ним на базар. Помню, страшно стеснялись торговать, тогда это осуждалось, но, к счастью, подул сильный ветер, все лицо у нас было засыпано мучной пылью, и знакомые, если даже и проходили близко, не узнавали нас.

Первый свой абитуриентский год мы болтались по разным общежитиям -то в КазПИ, то в зооветe, то в сельскохозяйственном, а в этот раз кто-то из аульных сунул нам записку с адресом своих дальних родственников.

Это оказалась семья покойного министра легкой промышленности. Его вдова с тремя детьми и каким-то родственником-студентом жила в самом центре - в одном из знаменитых «косых» домов, построенных в свое время для столичной элиты. Их соседями были Куляш Байсеитова, Ахмет Жубанов, Абдильда Тажибаев, министр здравоохранения Каримбаев... Но нам до

хорошо одетых мужчин и женщин, которых мы видели каждое утро, и дела не было. Мы с книжками в руках бежали в парк готовиться к экзаменам...

Тургангуль - апай, хозяйки приютившей нас квартиры, давно уже нет в живых. Я очень жалею, что не успел, вернее, не догадался поблагодарить ее за то, что гостеприимный ее дом стал для нас стартовой площадкой в чужом городе. Понятия о гостеприимстве у нас с Райымбеком были чисто аульными, и мы, простецкие парни, два месяца не только жили в ее квартире, но и без всяких угрызений совести садились за стол.

Документы я снова отнес в сельскохозяйственный. Экзамены сдал не так уж и плохо - на четверки, но опять же надежд было мало. А я до дрожи в коленках боялся возвращения домой. Позор был подобен смерти, да и очень уж хотелось зацепиться в Алма-Ате. Она мне понравилась, все здесь было в диковинку - горы с растущими у подножия елями, множество людей на улицах...

Однажды, когда я, горестно размышляя, куда податься, если не поступлю - уж не утопиться ли сразу, шел по улице, на глаза попалось объявление: «Актерский факультет консерватории готовит актеров драмы и кино». «Разве кино тоже учатся?» - мелькнуло в голове.

Первым в консерваторию поступил Райымбек Сейтметов, провалив экзамены в зоовет. Молодой в ту пору режиссер Аскар Токпанов, по инициативе которого и открылось в консерватории актерское отделение, был от моего земляка в таком восторге, что называл Райымбека будущей надеждой казахского театра. А узнав однажды, у кого он живет, напросился в гости. И шустрый Сейтметов устроил «прием» для своего покровителя. Добрейшая Тургангуль-апай была столь тактична, что предоставила свою квартиру в наше распоряжение, а сама ушла к знакомым.

В перерывах между питием шампанского, которым мы угощали Токпанова, он вдруг заметил меня: «Это что за парень?». И без перехода: «А не хочешь пойти учиться на актера?».

- Не знаю... Я вообще-то приехал учиться на агронома.

- Ничего страшного не произойдет, если в Казахстане будет одним агрономом меньше.

И, не спрашивая моего согласия, велел Райымбеку готовить меня к вступительным экзаменам на актерский факультет. У меня выбора не было -

в сельскохозяйственный я явно не проходил по конкурсу. А мать подвести не мог. «Какую угодно, пусть хоть собачью, но ты должен приобрести профессию», - твердила она. И как в воду глядела. Я и в самом деле нашел себе «собачью» профессию. Актеры ведь тоже всю жизнь сдают экзамен на верность театру, тоже ищут, вынюхивают, пробуют на зуб тот образ, с которым должны выйти к зрителю.

Райымбек, первый в моей жизни режиссер, готовил со мной клятву Олега Кошевого. Как же мы с ним жестикулировали и кричали! И вот он повел меня на экзамен. В маленькой комнатке за столом сидело несколько человек. Я, нещадно бия себя в грудь, стал выкрикивать: «Я! Олег! Кошевой!». В общем, плохо читал. Даже не знаю, почему меня сразу не выгнали. Одноглазый дядька, который, видимо, был там за главного, кривился так, словно хлебнул прокисшего кумыса.

Потом Токпанов велел мне сыграть этюд без слов. Якобы я готовлюсь к экзамену и вдруг слышу шуршание: это по комнате бегает мышь. Я беру октау - скалку - и тихо-тихо крадусь за ней. Бац - ударил! Мышь убежала, зато на полу валяются осколки хрустальной вазы. А тут мать с работы возвращается...

Этюд, видно, получился еще хуже, чем монолог, потому что один из сидевших за столом (как я потом узнал, заведующий вокальным отделением консерватории профессор Бекен Жлысбаев) сказал: «Парень, кажется, поступает в сельскохозяйственный? Ну и пусть идет туда. Зачем он здесь?!».

И тут дал знать о себе дух моего покойного деда Ыскака Прадара. Он, как всегда, кинул мне спасательный круг. Одноглазый человек (им оказался сам академик Ахмет Жубанов) вдруг проявил ко мне благосклонность:

- Пусть попробует силы во втором туре.

Слово академика было законом - остальные ему не перечили.

На втором туре я был чуть лучше, но опять же «не фонтан». В общем, оказался в итоге за бортом. И тут опять спасательный круг. По приказу Министерства культуры пятерых абитуриентов, и меня в том числе, взяли на актерский факультет в качестве кандидатов.

О стипендии и месте в общежитии не могло быть и речи, зато я остался в Алма-Ате! Жил на одной квартире с Макаем Нуркасовым - старостой курса. Он уже отслужил в армии, был лет на шесть-семь старше нас. Ко мне он

относился как к младшему брату. И кормил за свой счет, и вещи свои давал носить. Первую зиму в Алма-Ате я, например, проходил в его плаще.

Считаю, что именно «кандидатское» звание помогло мне в дальнейшем завоевать все сегодняшние титулы. Чтобы стать студентом, я должен был учиться в два раза интенсивнее, чем остальные, знать и уметь больше, чем они. Первый семестр закончил круглым отличником, но все еще кандидатом, потому что никто из первокурсников не успел разочароваться в актерской профессии. Зато в конце года ушли сразу восемь человек. Так что на второй курс я пришел полноправным студентом.

Наш курс, как говорят, получился самым отборным за всю историю существования актерского факультета. Из 35 поступивших до дипломного спектакля дошли только девять человек, и все впоследствии стали народными артистами. Это Фарида Шарипова, Райымбек Сейтметов, Нукетай Мышбаева, Сабит Оразбаев, Бекен Имаханов... Еще один мой талантливый однокурсник артистом не стал, зато Оспанхан Аубакиров снискал славу первого сатирика Казахстана. Мы с ним, кстати, делали в консерватории стенную газету «Актер». Я рисовал шаржи на педагогов, а он писал к ним эпиграммы. Когда Оспанхан дарил мне свой первый сатирический сборник, он его так и подписал: «Ровно половина здесь - результат твоего остроумия».

У себя в ауле я скрывал, что учусь на артиста. Эту профессию у нас не жаловали. Я и сам, пока не поступил в консерваторию, презирал актеров. Считал, что у этих легкомысленных людей на уме одни той. Поэтому дома всем говорил, что поступил в сельскохозяйственный. Профессия агронома считалась у нас почетной. Люди, давая мне суюнши, хлопали по плечу и говорили: «Молодец!». Правду знала только мать - ее ведь не обманешь. Когда аулчане все же прознали, где я учусь, не могли скрыть разочарования. Так и говорили: бедолага, теперь твой удел - смешить людей. Уж лучше бы ты стал бригадиром в колхозе или, на худой конец, выучился на тракториста, и то был бы какой-то прок в хозяйстве.

Особенно огорчился дядя Касым, младший брат отца: «Эх ты! Не ожидал от тебя. Давай бросай это дело и поступай в какой-нибудь приличный институт».

Чтобы успокоить его, я после третьего курса поступил заочно в КазГУ на филологический. Там я, видимо, числюсь студентом по сей день, потому что с того раза больше никогда не переступал порог филфака. А вот актерский факультет все же не бросил Сделал я это наперекор всем. Натура такая - раз уж взялся за что-то, значит, пойду до конца.

Дядя Касым не то чтобы простил меня, скорее, смирился, когда я стал народным артистом республики. «Все, теперь уже поздно тебя отговаривать», - обреченно произнес он. А когда я получил звание народного артиста СССР, дядя устроил праздник. У меня камень с души упал - я ведь чувствовал себя очень виноватым перед человеком, который заменил мне отца.

То, что приобрел профессию на всю оставшуюся жизнь, я осознал лишь на третьем курсе, когда сыграл главную роль в преддипломном спектакле «Коварство и любовь» Шиллера. Роль Фердинанда была моей первой удачей. Я мнил себя звездой местного масштаба, стал обретать внутреннюю и внешнюю форму, сам себе казался высоким, стройным, симпатичным парнишкой. На меня стали обращать внимание девушки. Студентка вокальногофакультета Майра Айманова подарила сборник стихов Гете. И вдруг меня исключают из консерватории!

Я был в Усть-Каменогорске на съемках фильма «На диком бреге Иртыша», когда моя будущая жена - та самая Майра Айманова - написала мне об этом. Я не стал расстраиваться: в кармане лежала справка-освобождение от занятий на 20 дней, подписанная министром культуры.

Но ректору консерватории Куддусу Кожамь-ярову, как выяснилось, справка была не указ, потому что он водил дружбу с самим Юсуповым, тогдашним первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Ректор, оказывается, так и заявил министру: «Дисциплина - прежде всего. Или я, или студент Ашимов».

Как я ни пытался доказать, что за мной никаких грехов, кроме съемок в кино, нет, он выгонял меня из кабинета со словами: «Можешь и дальше сниматься!».

Два года я проболтался неприкаянным. Самолюбие и стыд не позволяли вернуться в аул, а потом я настырный. «Чем ты хуже других?!» - кричал мне внутренний голос. Но другие оставались студентами, а я ...

Картина «На диком бреге Иртыша» уже шла на экранах, я снялся в эпизодических ролях и в других фильмах. Появилось пусть маленькое, но все же признание. В те годы были в моде встречи актеров со зрителями. Помню, на одной из таких встреч в Караганде меня посадили в ЗИЛ с открытым верхом. Музыка, аплодисменты, машина делает полный круг по стадиону... Я чувствовал себя нужным, не случайно пребывающим в этом мире человеком.

При этом я был почти бичом и бомжем. Днем нахально, вроде как вольнослушатель, ходил на занятия в консерваторию, а в полночь залезал в окно общежития к однокурсникам. Когда ректор Кожамьяров каким-то образом узнал об этом, коменданту здорово попало, его чуть с работы не выгнали.

В один из таких дней, когда я не знал, где вечером приклоню голову, получил повестку из военкомата. Прошел комиссию, мне уже велели готовить ложку-кружку. Кто знает, как повернулась бы моя судьба за три года службы в армии? Доигрывая роль вольнослушателя, я снова пришел в консерваторию. Педагог, напуганная приказом ректора не пускать Ашимова за порог, выгнала меня. В расстройстве я слонялся по коридору. И тут меня увидела заведующая учебной частью Елена Ильинична Масалович.

- А что это ты с обритой головой ходишь? -удивилась она.

- Да вот, - говорю, - в армию забирают.

- Как?! А учеба? Ну-ка зайди!

Услышав мою горестную историю, она написала справку, что я студент третьего курса консерватории и начальную военную подготовку прохожу в вузе. Когда я показал ее военкому, тот разразился трехэтажным матом:

«Мать-

перемать! - орал он. - Что ж ты людям голову морочил?! Пошел вон отсюда!». Я сыграл под дурачка. Дескать, плохо владею русским языком, не понимал, что от меня хотят, и опрометью кинулся из военкомата.

В вузе меня восстановили через год. Вот так мне в очередной раз помогли Всевышний и дух деда Ыскака Прадара.

Предчувствие любви

В детстве я был влюбчивым, но при этом
настолько стеснительным, что ни одна из моих школьных избранниц так и не узнала о моих чувствах. Третьеклассником я влюбился в первоклашку - тоненькую изящную полутатарочку. Когда девочка, имя которой я сегодня уже позабыл, шла после уроков домой, я сопровождал ее, идя по другую сторону дороги, но ни разу к ней даже не приблизился.

В Кентау в нашем выпускном классе было 20 мальчиков и всего одна девочка - Макиш. Мы все были влюблены в нее, но признаться в этом открыто не решались даже самые бойкие, не говоря уже о таких, как я.

Нравы в те годы были очень строгие. На школьных вечерах мальчики танцевали фокстроты, вальсы и танго друг с другом - какая же девочка позволит обнять себя за талию? Это считалось чуть ли не признаком распущенности. Первый поцелуй у меня случился, когда, уже окончив первый курс консерватории, я приехал на каникулы в Кентау. Девушка-соседка на робкие попытки продолжить столь приятное занятие ответила мне тем, что, во-первых, решительно оттолкнула меня, а, во-вторых, столь же решительно предложила сделку. «Женись! Тебе это нужно - у тебя здесь мать, ей одной несладко, я буду присматривать за ней»

Ботиночки со скрипом

Мне в жизни везло на хороших людей, как мужчин, так и женщин, - щедрых, великодушных, благородных. Но Майра, моя первая супруга, и среди них стоит особняком. Не будь она такой, не было бы и нашей с ней семьи.

Однажды она пригласила меня к себе домой. Это был убийственный день! На мое несчастье, мать Майры приготовила дунганскую лапшу. Я, как многие аульные парни, и так стеснялся садиться за стол при посторонних. Пока, бывало, раздумывал - протянуть руку за хлебом или нет, все уже заканчивали трапезу, а тут передо мной полная тарелка неизвестной мне лапши. Как ее есть? Пытаюсь поддеть вилкой - ускользает обратно в тарелку, сорпа брызжет в лицо! Я то бледнел, то краснел, но и Майра, и ее родители «не замечали» этого. Правда, когда мы решили пожениться, именно мать Майры была против.

- И откуда этот колхозник свалился на нашу голову? - причитала она. - Ты посмотри, Майра, какие у него ботинки!

Ботинки у меня были комбинированные -чернобелые. Я думал, шикарные, а они. оказывается, с головой выдавали мое плебейство.

...Но я забежал немного вперед. Вам, наверное, будет интересно узнать историю моей женитьбы. У меня ведь до сих пор спрашивают, как это я умудрился отхватить в жены дочь самого Айманова.

Майра - студентка вокального факультета - шла курсом ниже меня. В консерватории в те годы училось не так уж много народу, так что все друг друга знали хотя бы в лицо. До сих пор не понимаю, чем мог ее привлечь такой неотесанный деревенский парень, как я, но она меня сразу выделила. Об этом я узнал от ее однокурсника, с которым недолго делил комнату в общежитии.

А мне она не очень нравилась. Я вообще ко всем городским девчонкам относился с предубеждением- фифочки, да что они умеют делать по дому? Поэтому взглядов ее влюбленных не замечал, на доброжелательные приветствия ответил тем, что принял Майру за своего в доску «парня». Через нее, например, я пытался передавать записки молоденькой выпускнице хореографического училища (оно располагалось на втором этаже консерватории). Очень красивая была девочка. Сам я подойти к ней не мог - смелости не хватало. Но роман с ней не завязался Майра то найти не могла балерину, то встречала, но «забывала» отдать записку. А потом девочка, похожая на тростиночку, уехала в Москву, и больше я ее не видел. Слышал только, что сильно болела и рано умерла.

Отношения с Майрой стали завязываться в конце 1956 года. На студенческом новогоднем балу я пригласил ее на танец. Она смотрела на меня такими преданными глазами, что я сам не заметил, как пригласил ее на свидание Майра оказалась простой, совсем неизбалованной девчонкой. До этого я думал: как же мы с ней будем общаться, если она казахским владеет, как я русским? Ведь кроме «здрасьте», «дай хлеб» и «куда пошел?» я ничего и сказать не мог Но для влюбленных, оказывается, язык - не преграда. Когда мы поженились, Майра благодаря моей матери заговорила на казахском не хуже меня самого.

На всю оставшуюся жизнь

Душа у нее была открытой и честной, а характер-железным. Она полюбила меня с первого взгляда и на всю жизнь Я же ее, признаюсь, больше уважал, чем любил, - за цельность натуры Такое качество редко встретишь даже у мужчин. В этом Майра схожа с моей матерью Тажихан. Оставшись в 23 года одна, мать так и не вышла замуж. На первый взгляд казалась очень кроткой и тихой, а на самом деле - властная и волевая натура, все свои чувства брала под контроль.

Чья Майра дочь, я вообще поначалу не знал, да и ее фамилия мне мало о чем говорила. В кино ее отец еще не успел прославиться, а в театре у него тогда начались проблемы. Мы сначала думали, что она дочь Каукена

Кенжетаевича Кенжетаева, потом - сестры ее матери Шары Жиенкуловой. Оказалось, что Майра им обоим

- родная племянница. Когда Аймановы, Шакен и Хадиша, уезжали на гастроли, то Майра вместе с младшим братом Муратом оставалась у тетки

- танцовщицы Шары. Вот отсюда и пошли позже разговоры, что Аймановым она якобы неродная.

Новый 1957 год наша компания встречала у Аймановых. Родители Майры ушли к своим друзьям. Перед уходом Хадиша-апай, ее мать, увидела мои знаменитые черно-белые башмаки. Они ее шокировали. «Кого ты выбрала в женихи?» - упрекнула она дочь. Она мечтала видеть ее мужем подающего большие надежды молодого композитора. Майра на советы матери обратить внимание на перспективного жениха отшучивалась: «Но он же ниже меня ростом! Как я буду смотреться рядом с ним?».

Незадолго до этого новогоднего вечера, кстати, был такой случай. Мы, джамбулские, решили вместе отпраздновать 7 ноября. На встречу земляков я взял с собой Майру. Было очень весело, мы много танцевали, шутили, смеялись. В какой-то момент выпитое вино ударило мне в голову, и я уснул там, где свалился, никакими силами невозможно было меня разбудить Майра, зная, что дома ее ждет скандал, не оставила меня, всю ночь просидела рядом. Когда она под утро вернулась домой, мать влепила ей пощечину

А в мою комнату (я снимал угол в Тастаке) ворвался наутро молодой композитор. Бесцеремонно растолкав, стал допрашивать «Где Майра?!».

- Дома, наверное, - ответил я миролюбиво.

Мой тон, видимо, сбил всю его агрессию, он как-то растерянно присел у моего изголовья, сказал, что я увожу его мечту, но расстались мы друзьями.

Сейчас молодые легко говорят «люблю». Мы с Майрой ни разу не сказали друг другу этого слова, хотя после того новогоднего бала в консерватории все свое свободное время проводили вместе. Она мне нравилась все больше и больше. И моим друзьям Майра тоже пришлась по нраву. Они стали называть ее женге или курдас - ровесницей - задолго до нашей свадьбы Шамши Калдаяков, тогда еще никому не известный студент консерватории, посвятил нам «Кыз сагынышы» - одну из первых своих песен.

О том, что мы поженимся, у нас с Майрой был уговор задолго до свадьбы. Когда я объявил об этом родственникам, все, кроме матери, которая всегда и во всем поддерживала меня, стали отговаривать. «Рано, - говорил дядя Касым. - А потом, что такое артистка? Это вертихвостка. С нас хватит и одного артиста».

Осенью 1958 года ее родители уехали в Москву на декаду казахской культуры и искусства И мы с Майрой ... стали жить вместе. Она оказалась великолепной хозяйкой. А по-другому, оказывается, и быть не могло. Родители целыми днями пропадали в театре, на Майре были и магазины, и уборка, и готовка, и стирка, и воспитание младшего брата Мурата. С шести лет она стояла в хлебных очередях. Однажды потеряла карточки. Домой идти боялась: суровая мать могла и побить, ведь вся семья на целый месяц осталась без хлеба. Рыдающую Майру случайно увидела знакомая Аймановых - оперная певица Нина Константиновна Куклина-Врана. Она и привела ее домой.

Из-за того, что все хозяйство Майра с малолетства вела сама, она и в школу пошла поздно - в девять лет. В классе была выше всех и очень стеснялась этого. Отсюда и возникла потом ее легкая сутулость.

Позже и я благодаря Майре смог без оглядки отдаться работе. Как только мы поженились, она стала жить моей жизнью. Была заботливой женой, идеальной матерью, послушной невесткой, а еще критиком и суфлером своего мужа-актера. Спать мне не давала, покаяей наизусть не пересказывал роль, с которой мне предстояло выйти на сцену.

В начале 1959 года я попросил у родителей Майры ее руки. Шакен Кенжетаевич был не против. Он очень любил дочь, поэтому только и сказал: «Ты у меня умница. Что ж, выходи, раз решила». Мать, конечно, вовсе не хотела видеть меня своим зятем, но куда деваться, если сам Айманов уже благословил. 14 марта 1959 года состоялась наша свадьба.

Мой дядя Касым и отец Майры оплатили ресторан. На мне мой единственный костюм, только рубашка и галстук новые, на Майре - скромное белое платье и фата, сшитые ее матерью. Приехали человек двадцать моей родни. Моя мать среди ухоженных и холеных городских женщин казалась почти старухой. Ее все почтительно называли апа, а потом выяснилось, что она моложе многих. Надо отдать должное: Тажихан, неграмотная деревенская женщина, умела в любом обществе держаться с тихим достоинством. За сдержанность в словах и жестах, за мудрость, с какой она

принимала жизнь, Шакен-ага очень уважал свою кудаги. Когда она бывала в его доме, он не знал, куда ее усадить.

Мне кажется, в Майре я интуитивно угадал тип своей матери. Такая же преданная мужу и семье. Поэтому они и стали близкими подругами. Мать всегда была на стороне Майры, когда у нас случались семейные ссоры. А Майра, бывая в заграничных командировках, в первую очередь искала наряды не для себя, а для свекрови. Мать, например, очень любила белые туфли без каблуков - типа нынешних балеток. И Майра, сбиваясь с ног, искала их по всем магазинам.

Было на нашей свадьбе еще с десяток друзей - моих и Майры, а все остальные гости - друзья Айманова: Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов,

Габит Мусрепов, Евгений Брусиловский, братья Абдуллины, молодой Ермек Серкебаев, актеры казахского и русского театров драмы... Их усадили на почетные места, а мы, молодые, разместились где-то у порога. Короче, свадьба была наша, а веселье - их, алматинской элиты. Так тогда было принято- к почетному месту нужно было двигаться постепенно. Гости, не обращая на нас никакого внимания, веселились от всей души. Шара, тетя невесты, танцевала, а братья Абдуллины и Ермек пели, казалось, не для нас с Майрой, а для них. Потом гости, вдруг вспомнив, кто здесь гвоздь программы, поставили нас с Майрой в круг, чтобы мы с ней прошли тур вальса.

На следующий день после свадьбы я забрал свою молодую жену и ушел с ней жить в Тастак. Екатерина Сидоровна, квартирная хозяйка, у которой я с друзьями снимал времянку, выделила нам с Майрой отдельную комнатку в доме, где жила сама. Шакен Кенжетаевич не мог сдержать слез, увидев дочь с чемоданами у двери: «Майкоза (так он называл свою любимицу), как мы теперь без тебя?». А меня упрекнул: «Неужели тебе тесно в четырехкомнатной квартире?». Но я не мог оставаться у тестя - гордость не позволяла. К тому же не мог представить, как буду с Шакеном Кенжетаевичем топтаться у двери ванной или туалета. Стеснялся я его до жути.

17 марта мы пришли в гости к родителям Майры. Хадиша-апай с порога подозрительно уставилась на живот дочери. Пришлось признаваться, что согрешили мы до свадьбы. «Как ты могла?!»-гневно возвысила голос Хадиша-апай. И потом еще долго не разговаривала с дочерью.

В конце апреля я перевез мать из Кентау в Алма-Ату. В комнатке, которую мы снимали у Екатерины Сидоровны за пять рублей в месяц, стало тесно, и мы переехали на другую квартиру. В конце 61-го, как раз под Новый год, сдавали двухэтажный дом для работников «Казахфильма». Мне как штатному сотруднику (на киностудии я работал с 1959 по 1964 год) выделили жилье. Когда я впервые вошел в эту квартиру, мне казалось, что проживу здесь всю жизнь Это был, по моим представлениям, самый настоящий дворец. Полторы комнаты, а еще отдельные ванная, туалет, кухня!

Потом, в начале 70-х переехав в трехкомнатную квартиру на проспекте Ленина, подумал, что попал в рай. Увы! Эта квартира оказалась несчастливой для моей семьи. Здесь ушли из жизни моя жена и два моих старших сына. Оставаться там после всего этого было невыносимо тяжело. Тогдашний аким города, услышав о моих несчастьях, выделил четырехкомнатную квартиру в новом доме. Но я и ее потом оставил - с годами потянуло к земле, захотелось, просыпаясь по утрам, видеть деревья и цветы, посаженные моими руками. И я купил особнячок в предгорьях Алма-Аты. Вот так, соразмерно с профессиональным ростом, росли и мои потребности в комфорте.

...Но я отвлекся от нити моей жизни. Дети у нас с Майрой пошли сразу. В августе 1959-го у нас родился Мади, в июне 61-го - Саги. Тесть как-то даже пошутил над дочерью: «Наверное, хочешь стать матерью-героиней?». Эти слова нас будто отрезвили.

Рожать детей мы с тех пор перестали, о чем я сейчас очень жалею. Нам с Майрой нужно было не меньше пятерых ребятишек.

Эта женщина была создана для меня. Внешне крупная, чуть ниже меня ростом, сильная и стойкая, а в душе - сама мягкость и доброта. Ее любимый тост на всех застольях: «За здоровье наших мужей. Без них мы - никто».

Жили мы небогато, зато душа в душу. День за днем, год за годом я познавал свою жену. Такие мелочи, как бытовые неурядицы, Майру, казалось, мало удручали. Мне она создала все условия для профессионального роста. «Главное - ты и твоя работа,- говорила она. - На тебе все держится».

А ведь на самом деле было не так. Если бы она захотела, могла бы сделать карьеру и в оперном театре, и сниматься в кино, ведь и отец, и мать ее были актеры. А для Майры, хоть и пела она ведущие партии в оперном театре, на первом месте стояли семья и мое творчество. Не помню, чтобы она просила меня помочь ей по дому. И продукты сама носила с базара и из магазинов, и

на собрания в школу тоже ходила сама, и деньги какие-то старалась заработать. Когда мы только-только зажили своим очагом, я снимался в кино, подрабатывал на дубляже, ночами разгружал вагоны с саксаулом, была еще и стипендия, но все равно концы с концами сводились туго. Если в доме не оставалось ни копейки, бегали в комиссионку сдавать свадебные подарки -хрустальные фужеры и вазы.

Одевалась Майра всю жизнь очень просто и непритязательно, но однажды собрала подаренные ей когда-то ювелирные украшения и заказала из всех этих колец и сережек ожерелье. Получилась удивительно красивая, изысканная вещь. Когда у Мади родилась дочка Нуриля, Майра сказала, что это колье будет фамильной реликвией, которую она передаст по наследству нашей старшей внучке, когда та выйдет замуж.

Гости в нашем с ней доме не переводились никогда. Причем это были не только наши друзья, но и ее отца. Шакен Кенжетаевич сразу после замужества дочери ушел из семьи и стал жить отдельно (Майра служила спасительным мостиком, соединяющим супружеские берега отца и матери). А поскольку Майра замечательно готовила, то всех своих гостей ее отец приводил к нам. И сам я мог ввалиться с друзьями в час ночи или в три - Майра вскакивала и начинала хлопотать у плиты.

Чаще всего на столе появлялся ее фирменный плов. Она его готовила за сорок минут - я специально засекал время. Вполне возможно, что именно благодаря этому плову она и завоевала мое сердце. Как-то, еще студенткой первого курса, Майра пришла без приглашения в Тастак, где я жил с друзьями, на мой день рождения. Принесла с собой бутылку вина, мы ее быстро распили, и наш аппетит, а есть нам в то время хотелось всегда, разыгрался с невиданной силой.

- Давайте-ка я приготовлю вам плов, -предложила Майра.

Мы быстро сбегали в ближайший магазин, купили все, что нужно, но у нас не было казана. Что делать? Майра, не долго думая, побежала к нашей хозяйке, выпросила у нее ведро и приготовила в нем отменный плов.

Она была для меня и умным другом, и любящей женой, а временами я чувствовал себя словно бы ее сыном, настолько терпеливо относилась она ко мне. Родись мы с ней пораньше, из Майры получилась бы хорошая байбише, с токал жила бы без скандалов. Я не отрицаю, ревность у Майры была, но слез и истерик, в общем грязных «бабских» скандалов,не устраивала

никогда. Этим она напоминала мне мать Абая - благородную байбише Улжан.

Бывало, мы с Майрой ссорились, не разговаривали друг с другом несколько дней. Поводом служили мои увлечения на стороне. Что там говорить, соразмерно с популярностью рос и успех у женщин. Их не надо было завоевывать, сами висли на шее. Но Майра раз и навсегда поверила мне, когда я после очередного выяснения отношений сказал ей: «Запомни, другие входят в мою жизнь, не задевая душу, я их даже в лицо не запоминаю, а ты у меня одна-единственная на всю жизнь».

Она простила меня даже тогда, когда доброхоты сообщили ей о романе с женщиной, от которой у меня родился сын. Подружкам своим, которые жалели ее, сказала, как отрезала:

- Он мой на всю жизнь!

Воспоминаний не убить, только б они не убивали

Тот роман не прощу самому себе до самой смерти. Получилось все глупо, с пьяных глаз Я сам когда-то познакомил своего коллегу с этой женщиной. Тот влюбился, сыграли свадьбу. Но однажды случилось так, что мы с ней вместе возвращались домой после развеселой театральной пирушки. Не помню, как Гульбану взяла меня за руку, как я оказался у нее дома. Она призналась, что никогда не любила своего мужа, вышла за него только из-за меня. И я ... повелся. Что там говорить, она была очень хороша собой.

Когда не стало Майры, я женился на ней. Не потому даже, что у нас рос общий сын. Просто в тот момент мне надо было спастись. Иначе случилось бы непоправимое - возможно, меня бы сегодня не было в живых. Дело в том, что к огромной горечи, связанной с утратой жены, прибавилось еще и предательство человека, которому я беззаветно верил.

Этот человек - женщина (не хочу называть ее имени). Чувство к ней было похоже на омут, в который бросаешься, не думая о последствиях. Безрассудная страсть, темная и неудержимая. Женщина эта сильная и решительная, готовая помочь в трудную минуту, с ней без страха пойдешь в разведку, но . Был в ней своего рода азарт - не могла удержаться от соблазна просто так, из спортивного интереса, увлечь нового мужчину. Я не только узнал - я увидел это, и белый свет для меня померк Это была катастрофа! И, чтобы не наделать глупостей, в считаные часы женился на той, с кем даже не помышлял связывать свою жизнь, и уехал с ней из города.

С той поры я окончательно утвердился в мысли: страсть истребительна, она укорачивает жизнь. То, что люди называют этим словом, сродни животному чувству - такая же безудержность в желаниях и потеря контроля над собой. Из безумно, страстно влюбленной пары семьи, как правило, не получается. Излечиваются от такого погибельного чувства обычно двумя способами: либо смертью, либо ... ненавистью друг к другу.

Вообще любовь, как считают многие, - это призрак. Ее никто не видел, но о ней все говорят. Я в жизни встречал больше разного рода нелюбви, чем любви. Наверное, на нее способны немногие. Майра была способна.

... А что до второй моей женитьбы, то едва Гульбану переступила порог моего дома, как я понял - это не мое. Жить рядом с этим человеком, может быть, и вовсе неплохим, -пытка. После смерти сыновей чувство, что мы совершенно чужие люди, только укрепилось. И в один прекрасный день, не спрашивая, я купил Гульбану отдельную квартиру. Вот так мы и расстались. Сейчас Олжасу, нашему с ней сыну, уже под 30, он женат, у меня растет внучка Мадия. Но общаемся мы редко. Если звоню - приезжает, а молчу месяцами, то и он отвечает тем же. У него, возможно, осталась обида за мать. Что ж, имеет право...

С третьей женой, матерью дочки Сагины, брак был вынужденным. Моя престарелая мать нуждалась в уходе, а тут друзья, увидев Маржан, начали уговаривать: женись да женись, она и статью, и ростом, и лицом похожа на Майру. Но сходство было только внешним. У Маржан оказались совсем другие жизненные установки.

И как бы я ни любил свою поздно рожденную единственную дочь, с ее матерью тоже расстался. После развода стараюсь делать все от меня зависящее, чтобы разлад между родителями как можно меньше отражался на Сагине. Ее суперпапа, как она называет меня, каждую минуту помнит о ней.

Домой к себе я стал ее привозить реже после одного случая. Багдат, моей нынешней жене, стало плохо с сердцем, когда Сагина сказала ей: «Зачем тебе мой папа? Он же старый, отдай его нам».

Да, я совсем было потерял веру в женщин, но тут появилась Она. Всевышний сжалился надо мной и подарил Багдат, которая похожа душой на мою первую жену.

Перед тем как сделать предложение, я с ней долго (наша беседа длилась четыре часа) разговаривал. Рассказал без утайки всю свою жизнь. А потом спросил: почему же она, с ее привлекательностью и ровным, спокойным характером, не вышла до сих пор замуж? Ее ответ меня покорил: "Кок етікті кездеспеді, кон етіктіге баргым келмеді". В качестве художественного перевода можно привести знаменитые слова Омара Хайяма: «Уж лучше будь один, чем вместе с кем попало».

У нас нет безумных ахов и охов, шекспировских страстей, но есть взаимная симпатия и глубокое уважение, нам интересно вместе. За те годы, что мы рядом, я ни разу не разочаровался в ней. Багдат стала и хозяйкой дома, и женой, и матерью моего ребенка, а потом еще и прорабом. Я ведь на месте особнячка со множеством бестолковых пристроек решил возвести дом, где моим детям и внукам было бы комфортно.

Кстати, говоря о нашем с Багдат союзе, я почему-то вспоминаю работу над картиной «Песня зовет», где снимался вместе с Раисой Мухамедьяровой, очень яркой и красивой молодой актрисой. На съемочной площадке не было мужчины, который не ловил бы ее взгляд и улыбку, но она из тех девушек, кому по сердцу зрелые мужчины, в возрасте. Остановила она свой выбор на Габите Мусрепове.

Я и сам не прочь шокировать людей чем-то неординарным. Вот и сына своего последнего по просьбе жены назвал Асанали, хотя у казахов Иваны Иванычи не приняты. Но женитьба Раи и Мусрепова произвела в обществе фурор. Ведь он был старше ее на 37 лет! Это я сейчас понимаю, что Мусрепов, несмотря на годы, был настоящим мужиком. Он был достоин любви молодой красавицы, но тогда казался мне глубоким старцем, хотя было-то ему всего 60. Жаль, что Рая не совладала с ролью подруги Мусрепова до конца. Не думаю, что она была влюблена в него -скорее, уважала и почитала. Возможно, ей льстило его внимание, к тому же, выйдя за него замуж, она сразу стала известной всей республике. Но удержаться в том кругу, где Мусрепов не просто вращался, а властвовал, был королем, - дело непростое.

Так было, есть и будет - мужчины, сколько бы им ни было лет, всегда будут любить молодых и красивых женщин. Но я твердо убежден: для того чтобы семья была крепкой, жена должна больше любить мужа. Если наоборот, жди беды, и крепкой семьи у такой пары не будет.

Когда мы встретились с Багдат, у нас была примерно такая же разница в возрасте, как у Мухамедьяровой с Мусреповым. И это тоже вызвало шок у

моих и ее родственников. Узнав, что Багдат выходит замуж, ее родные были, конечно, рады Девушке все-таки уже 32. Когда Багдат сказала: «Вы все его знаете. Он человек в возрасте...», все дружно закричали: «Ну и что? Ничего страшного, мужчина должен быть старше женщины. Да и где теперь найдешь неразведенного сверстника?! Так кто он такой? Говори быстрее».

Она назвала мое имя, и ... все оцепенели. Потом брат закричал: «Так ему же 70!».

Его жена тихо поправила мужа: «Не 70, а 66».

Мать Багдат заявила: ей стыдно, что дочь выходит не просто за старика, а за хитрована из «Транссибирского экспресса», который «ловко умеет шарить по чужим карманам».

Молчал лишь старик отец. Когда эмоции были исчерпаны, все обратили свои взоры к нему. А он сказал:

- Кончайте этот базар. Раз девушка решила, пусть идет замуж за кого хочет. Это ее выбор. Разговор окончен!

После такого бурного семейного разговора, как рассказывала потом Багдат, все молча попили чай. К ужину никто не притронулся. Утром брат увез Багдат в Алма-Ату. За всю дорогу они и словом не перемолвились. Так же молча он оставил ее у ворот дома, где Багдат снимала комнату, и уехал обратно в Жаркент.

А сейчас я с родственниками жены очень даже Дружен. Брат оказался неплохим человеком. Ее мать лелеет меня, а отцу нравится бывать У меня в гостях. Думаю, все это произошло благодаря Багдат. Она у меня упорная. Мало того что обворожить сможет кого угодно, так еще и добьется своего во что бы то ни стало. Поставила, например, целью построить счастливую семью, иметь большой гостеприимный дом - и достигла этого. Отец как-то даже сказал ей: по ошибке, мол, ты родилась девочкой.

Ничто душой не позабыто

В начале 90-х Майра стала жаловаться на боль в суставах Перед этим мы с ней отдыхали в санатории «Алатау». Грязевые ванны прописали и ей, и мне. Я - ничего, а у нее после первой же процедуры потемнела кожа, началась ломота в костях... Как гром среди ясного неба прозвучал приговор врачей. Склеродермия, редкая и очень страшная болезнь. Нам бы сразу поехать лечиться за границу, а мы стали искать специалистов в Союзе. По совету ее

подруги-врача вышли на одного доктора в Кремлевской больнице. В Москву Майра поехала с высокой температурой. Мне бы сразу спросить у доктора, есть ли шансы на выздоровление, но язык не повернулся, боялся беду накликать.

Я пробыл рядом с Майрой несколько дней. Все это время она ни разу ни на что не пожаловалась, встречала меня радостной и оживленной. И я, успокоенный, через 10 дней в составе делегации артистов из СНГ уехал в Болгарию.

Возвращаюсь, и первый человек, которого я вижу в Москве, - Майра! Стоит в аэропорту похудевшая, бледненькая, прислонилась к стене: сил, видно, было уже совсем мало.

«Давай поедем домой,-сказалаона мне. -Здесь лечение дорогое и, я чувствую, бесполезное». На следующий же день улетели в Алма-Ату. Ночью ей стало плохо. Она старалась не показывать вида, но я чувствовал это. Утром встала готовить завтрак. Я обнял и поцеловал ее, зайдя на кухню. Под тоненьким халатиком прощупывалась каждая ее косточка.

- Нет, нет! Все нормально, вес у меня прежний, - успокаивала она меня.

Вскоре пришло приглашение из Германии, куда мы посылали историю болезни Майры на консультацию. Договорились, что до Москвы мать будет сопровождать Саги, а в Мюнхене ее встретит живущая там родственница. Встреча состоялась, по дороге к дому Майра чувствовала себя хорошо, делилась планами. Вот, дескать, скоро приедет Асанали, и мы встретим здесь 35-ю годовщину нашей свадьбы. Восхищенно оглядывая улицы Мюнхена, мечтала, как мы прогуляемся по ним. Но, поднимаясь в квартиру родственницы, на лестнице неожиданно упала без чувств. Сказался результат лечения золотой пыльцой в «кремлевке» - отказали обе почки.

Она была в коме, когда мы с Мади прилетели в Мюнхен. Немецкие врачи сказали: если бы ее привезли чуть раньше, возможно, они смогли бы продлить жизнь Майре на несколько лет. Сейчас они бессильны. Спецрейсом мы вернулись в Алма-Ату. Спустя неделю после этого, 29 марта 1993 года, Майры не стало. Она ушла в том же возрасте, что и ее отец, - в 56 лет А ровно через месяц не стало и Мурата, ее младшего брата.

Никогда не забыть пронзительного, пробравшего до костей крика моей матери. Упав на тело Майры, она голосила: «Ты в этот мир пришла ангелом и ушла из него тоже ангелом».

Моя жена и в самом деле была человеком не сегодняшнего дня. Ей бы жить в любимом мною XIX веке, он был бы ей очень к лицу. Что интересно, перед кончиной Майры я видел сон, который сейчас назвал бы вещим, но тогда не придал ему значения. Будто идем мы с ней высоко в горах, а где-то внизу блестит озеро. Я прыгнул с камня, чтобы пойти вниз, подаю жене руку, оборачиваюсь - а ее нет. Я проснулся с криком: «Майра!».

Странные сны приходили ко мне и перед смертью сыновей. Перед уходом Мади это была могила со свежей, еще невысохшей землей. Я прошел мимо, оглянулся - и увидел на холмике свой след.

Когда совсем немного оставалось жить Саги, привиделся кипящий сосуд с кровью. Я страшно боялся, что он не выдержит напряжения и лопнет. И в какой-то моментон взорвался! В крови, которая хлынула на пол, я увидел своего младшего сына. Сон напугал, но я быстро забыл его Ведь Саги никогда не болел.

Я выдержал все эти удары благодаря простой философии - рано или поздно мы все уйдем из этой жизни. И им, самым близким и родным мне людям, тяжело будет на том свете, если и я не выдержу, сломаюсь. Кто, если не я, будет вспоминать о них, читать над их могилами Коран? Кто, если не я, заменит четверым моим осиротевшим внукам отца?

Знаю, есть люди, которые со злорадством судачат: это его судьба наказала. Грешен ли я на самом деле? Да, как все - не безгрешен, но и смертных грехов, которые нельзя простить, а таковыми я считаю убийство, воровство и предательство, нет у меня.

Но что делать? Таково бремя известности - за успех надо платить: то, что у обычных людей воспринимается как заурядный случай, у людей публичных становится темой пересудов для всей республики. Все, что происходило и происходит со мной, называется емким словом «жизнь», но если зацикливаться на молве и сплетнях, это уже не жизнь. Так что пусть говорят. И это тоже когда-нибудь пройдет...

Мой дом - театр

Пришла пора подводить итоги, и я все чаще вспоминаю юность, годы становления - актерского и человеческого. И все больше убеждаюсь, что

трудности необходимы каждому из нас. В них взрослеет, закаляется душа. За те два годэ, что вынужденно был отлучен от института, я познал многое. Например, труд актера кино. Окончив консерваторию в 1961 году, я еще три года оставался на «Казахфильме», куда пришел как штатный актер в 1959-м. Успел сняться в нескольких фильмах - «Перекресток», «Песня зовет», «Следы уходят за горизонт»... В общем, чувствовал себя уже настоящим киноактером. Но однажды Шакен Кенжетаевич Айманов заметил мне, что актерское мастерство оттачивается в театре. Я и сам хотел работать там, вместе со всеми моими однокурсниками.

Дебютировал я ролью Айдара в трагедии «Абай». Мой первый выход на сцену репетиционного зала был смешным и нелепым, и от злости я отточил роль так, что 15 лет не расставался с ней. А потом начался взлет моей актерской карьеры, длившейся вплоть до ухода из театра.

Признание зрителя принесло мне роль поэта Асана в драме Калтая Мухамеджанова «На чужбине». Спектакль поставил Михаил Михайлович Новожихин, актер Малого театра, ректор Щепкинского училища. Это был настоящий успех!

Абдижамил Нурпеисов, от которого дождаться похвалы - все равно что зимой просить у скупого снега, написал в своей рецензии: «Игра Ашимова - чудо. Он не только душой, но и каждой своей мышцей прочувствовал тоскующего на чужбине поэта». В мамбетовском спектакле «Кровь и пот» мою трактовку роли Еламана он тоже одобрил. Работа над этим спектаклем была интересной изначально. Инсценировку романа мы, актеры, писали сами. Режиссер Мамбетов для этого запирал нас в своем кабинете.

Вначале я не понимал и где-то даже презирал своего героя. «Как его можно считать мужчиной, коль от него ушла жена?» - думал я. А ведь любая роль проходит через сердце актера, он должен до конца уяснить мотивы поступков персонажа. Войти в образ помогло более близкое знакомство савтором романа «Кровь и пот». В какой-то момент до меня дошло: а ведь Нурпеисов списывал

своего героя с себя! Ни для кого не секрет, что у этого большого писателя и неординарного мужчины суровый характер. Думаю, его жене не очень-то легко рядом с ним.

Чтобы сыграть стихийного революционера Еламана, я даже отобрал часть монолога у мырзы Танирбергена - своего антипода и соперника. То презрение, с каким этот степной аристократ рассуждает о своем народе, в

устах моего героя приобрело совсем другой смысл. Не презрение, а боль за поруганных людей, сострадание и горечь: сколько же можно безропотно терпеть, быть пылью под чужим сапогом?

На одной из репетиций я так вошел в роль, что на замечание режиссера ответил громким матом. Но это был не актер Ашимов, а рыбак Еламан. Мамбетов привык, что «привилегией» нещадно поносить актеров обладает только он, а тут обложили его! Он некоторое время стоял неподвижно с открытым ртом, а потом зааплодировал: «Браво!». Он понял... А после премьеры один из зрителей сказал мне: «Ойпырмай! Я думал, вы спуститесь в зал и ударите меня». Я действительно так входил в роль, что однажды, когда машинист сцены повернул рычаг не в ту сторону и мне сильно поранило ногу, доиграл до конца, не замечая боли. Выйти на финальный поклон уже не было сил. Когда за кулисами снял ботинки, носки были набухшими от крови.

За этот спектакль режиссер и группа актеров - я, Идрис Ногайбаев и Фарида Шарипова - получили Гослремию СССР.

Потом был «ДонЖуан, или Любовь к геометрии» по Максу Фришу. Виртуозно сыграть заглавную роль помогли занятия фехтованием, которым я серьезно (дошел до первого разряда) занимался в институте. Я буквально купался в этой роли, потому что впервые почувствовал сценическую свободу. Когда Ауэзовский театр в 1970 году был на гастролях в Москве, мы играли в Малом театре и на сцене Театра сатиры, где в роли Дон Жуана блистал Андрей Миронов. Столичные критики писали тогда: «Это гастроли актера Ашимова. Его Дон Жуан лучше, чем герой Андрея Миронова».

Страстно и пристрастно: «Конец атамана»

С 1967 по 1988 год у меня был период настоящего творчества и ударного труда. За 10 лет - с 1970-го по 1980 - й получил три звания: заслуженного артиста, народного артиста республики, народного артиста СССР, лауреата Госпремии республики, потом Союза.

Весть о первом звании - заслуженного артиста - пришла, когда я снимался у Шакена Айманова в «Конце атамана». Мы тогда были в поселке Кеген Алматинской области. Отработав день, вечером зарезали барана, чтобы «обмыть» мою радость. Шакен-ага тогда, помню, сказал: рановато что-то дали. Я даже обиделся на него: «Шакен Кенжетаевич, какое там - рано! Мои однокурсники Фарида Шарипова и Сабит Оразбаев получили заслуженных еще три года назад».

Кстати, когда тесть пригласил меня на свою картину, я уже снимался у Султана Ходжикова в «КызЖибек». Шакен Кенжетаевич, чувствовалось, был не очень доволен, что я удачно прошел кастинг. Во-первых, у него, оказывается, были свои виды на меня, а, во-вторых, с Ходжиковым у них сложились несколько натянутые отношения.

Но сам я был счастлив! Султан-ага ведь не собирался утверждать меня на роль Бекежана. Не нравился я ему, и все тут! Пройти пробы он мне разрешил так, на всякий случай. А мне страшно хотелось сыграть Бекежана. Это была узловая роль, на ней держался весь фильм, поэтому соперники у меня подобрались архисерьезные. Каукен Кенжетаев, Нурмухан Жантурин, Ануар Молдабеков...

Накануне проб я всю ночь не спал, а с утра побежал в театр. Подобрал там костюм средневекового батыра и шлем, который очень шел мне, и попросил сделать грим, в первую очередь подчеркивавший глаза. А они у меня в те годы были хороши. И выдал все, что мог! У Габита Мусрепова, автора сценария, как говорится, челюсть отвисла.

- Вот он - Бекежан! - закричал потрясенный старик.

Нравлюсь не нравлюсь я режиссеру, уже не играло роли: всем было ясно, кто будет играть Бекежана.

А сам я после утверждения на роль испытал такое высокое счастье, какое у меня было, когда женился, когда родился первенец и когда получил первое свое звание. Если бы меня поставили перед выбором - играть Тулегена или Бекежана, на лирического героя я бы не согласился, даже если бы взяли без проб.

Прохожие на меня оглядывались, когда я шел по улице, смеясь от счастья и разговаривая сам с собой. Ноги несли меня неизвестно куда! И вдруг навстречу Курманбек Жандарбеков, первый и лучший исполнитель роли Бекежана на казахской сцене. Яркий, темпераментный красавец, как он пел и танцевал, передавая зрителю характер своего героя! В тот памятный вечер Жандарбеков шел из консерватории, где преподавал. Я в слезах кинулся к нему: «Коке, меня утвердили на роль Бекежана! Разделите мою радость. Прошу, не отказывайте мне!».

За рюмкой коньяка в ресторане гостиницы «Алма-Ата» он благословил меня на роль, которая когда-то прославила его самого. Я же предупредил, что

немножко «украду» от его Бекежана. И я «украл» его темперамент и экспрессию.

А еще я постарался сделать все, чтобы облагородить и защитить своего героя. Бекежан трактовался в народном сознании как каракши - бандит, а я дал понять, что у него есть сердце и чувства. Обвинять его по большому счету не за что. Это влюбленный мужчина, который имел прав на Жибек больше, чем Тулеген. Сарыбай, отец девушки, обещал отдать ему дочь, если он защитит аул от врагов, и не сдержал своего слова. Да, Бекежан пошел на убийство соперника. Но разве был у него другой выход? Ему надо было отстоять не только свою любовь, но и мужскую честь и достоинство.

Работа началась весной 1968 года. Поначалу шли долгие, изнурительные тренировки на ипподроме, к самим съемкам мы приступили только в 1969-м. Приходилось терпеть и зной, и стужу. Сейчас бы, наверно, я уже не выдержал такой работы. Бывало, целыми днями не слезали с лошадей. Пыль стоит столбом, зной невыносимый, а мы в доспехах. Однажды, когда я мчался на полном скаку, из облака пыли неожиданно возник раскидистый полутораметровый куст. Лошадь шарахнулась вправо. Я, собственно, уже завис в воздухе, когда она, словно чувствуя это, дала влево, и я снова оказался в седле. Это спасло меня от неминуемых травм. Стой поры благоговею перед этими умными животными.

А однажды я настолько вошел в образ, что едва не покалечил Кумана Тастанбекова, игравшего Тулегена. Я ему так задел ребро семиметровой пикой, что Куману пришлось около недели провести в больнице.

Съемки «Кыз Жибек» были в самом разгаре, когда появился сценарий картины «Конец атамана». Предтечей этому послужил очерк в «Известиях» о чекисте Касымхане Чанышеве. Прочитав газету, Кунаев встретился с Аймановым, чтобы сказать ему: «Это же готовое кино! Почему не снимаете?».

Шакену Кенжетаевичу, раз это прозвучало из уст первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, отступать было некуда. Он тут же позвонил Андрону Кончаловскому, молодому, подающему большие надежды сценаристу и режиссеру. Сказал, что «Казахфильм» получил госзаказ и срочно нужен сценарий.

Кончаловский приехал в Алма-Ату, и они вместе с полковником КГБ Тропининым в одном из алматинских санаториев сели писать сценарий.

Перед этим Айманов пригласил Андрона к себе домой и познакомил со мной: «Вот артист, который будет играть главную роль. Под него и пиши».

У меня сердце упало от этих слов: «Как же так?! Я ведь уже занят в «Кыз Жибек»! Я не успею!». Шакен Кенжетаевич невозмутимо ответил: «Не вздумай отказываться. Зарубежные артисты снимаются одновременно в нескольких картинах. И ничего - успевают».

Ну, хорошо, успевать и там, и здесь как-нибудь приноровлюсь. А как быть с бекежановской бородкой? Сбрить я ее не могу - тогда это будет уже не Бекежан, а у чекистов ведь не должно быть каких-то особых примет на лице - ни бородки, ни бородавки, ни родимого пятнышка, ни шрама.

Шакен Кенжетаевич всегда славился тем, что мог найти выход из самой, казалось бы, безвыходной ситуации. Он велел оставить только саму бородку. «Ничего, - сказал Айманов, - в кино художественный вымысел допускается». Сбритые бекежановские бакенбарды на съемках «Кыз Жибек» приходилось заменять искусственными. А чадьяровская бородка так и осталась у меня на всю жизнь, я ее до сих пор ношу...

«Конец атамана» был готов даже раньше «Кыз Жибек». Мы его сняли всего за три месяца. Шакен-ага, кажется, остался доволен моей работой. Я это понял уже после окончания съемок. Он позвонил из монтажной мне домой и попросил дочь: «Майкоза, передай через Асанали чего-нибудь вкусненького». Прибегаю с полными сумками, а он сидит, уже расслабленный, с рюмкой коньяка. Я накрыл стол, Шакен-ага хорошо закусил, он вообще любил вкусно поесть, а уж стряпню дочери просто обожал, а когда я собирался уходить, похлопал меня по плечу: «Жаксы, бала!».

Глупые и завистливые люди думают, что в картину я попал по блату, но режиссер, приглашая меня на роль, думал не обо мне, а о себе. Все творческие люди эгоисты, и Шакен Кенжетаевич не исключение. Будь иначе, он снимал бы только актеров-родичей из Среднего жуза. Например, своего родного брата Каукена Кенжетаева. Но Шакен-ага не знал ни жузов, ни музов, он ценил в людях творчество. Во мне ему в первую очередь приглянулась фактурность.

«Конец атамана» был первым двухсерийным фильмом, снятым на «Казахфильме». До «Атамана» Айманов снимал комедии, сюжеты которых брал из жизни. Ведь как, к примеру, появился «Ангел в тюбетейке»? Шакен-ага однажды услышал историю женитьбы одного своего родственника.

Сакко, так звали этого парня, отличался редкой стеснительностью. Зато мать у него была очень шустрой и боевой. Подыскивая невесту любимому сыночку, эта женщина действительно обошла почти все девичьи общежития Алма-Аты.

«Конец атамана» - психологический детектив, опять же первый в истории «Казахфильма». Друг Айманова, Григорий Чухрай, у которого имелась в Москве своя экспериментальная студия, после просмотра «Атамана» предложил Шакену Кенжетаевичу специализироваться на детективных фильмах. «У меня есть даже готовый материал для съемок», - сказал ему москвич при встрече. Шакен-ага ответил, что у него другие планы. «Я теперь могу пойти и на съемки «Абая». Актер у меня готов», - сказал он другу.

Этим актером был я. Но, увы! Шакен Кенжетаевич не успел даже толком узнать реакцию массового зрителя на свой фильм. А первым его зрителем был Динмухамед Ахмедович Кунаев. «Шакен, ты большой мастер!» - сказал он после просмотра. Один из членов правительства попытался было на банкете в честь фильма «укусить» Шакена Кенжетаевича. Дескать, он по блату снимал своего зятя.

Режиссера это замечание не просто задело - оскорбило: «Слушай, ты! - сказал он, зло сощурив глаза. - Ты вот сидишь за богатым дастарханом и набиваешь живот вкусной едой. А ты вообще представляешь, что такое актерский труд?! Ашимов ведь едва не утонул, снимаясь в картине!».

И в самом деле, при съемках одного эпизода, где я на лошади переплывал горную речку Чарын, на нас скатился огромный камень. Я упал и, пока подоспела помощь, вымок в ледяной осенней воде с головы до ног.

Не стало Айманова

15 декабря 1970 года с премьерой «Атамана» поехали на Дни Казахстана в Грузию. Солидная компания - Амина Умурзакова, Нуржуман Ихтымбаев, Ораз Абишев, Мажит Бегалин... Жить Шакену Кенжетаевичу оставалось всего неделю. Потом мы припоминали какие-то странности в его поведении. Он в те дни был необычайно весел, вел себя как мальчишка. В ресторане тбилисской гостиницы заказал домашнюю чачу. Поднимая первый тост, сказал, обращаясь к Бегалину: «Бразды правления казахским кино я могу передать тебе хоть сегодня».

Второй случай связан с «аэродромками», грузинскими фуражками. Мы с ним зашли в одно тбилисское ателье. Он подобрал буклированную ткань. С лицевой стороны ткани заказал фуражку мне, а с изнаночной - себе. Зачем

он это сделал - не могу найти ответа до сих пор. Ведь ткани, в том числе и букле других цветов и оттенков, было много.

Забрать свой заказ мы так и не успели. Днем уехали в одно грузинское село, вернулись ночью, а под утро нужно было мчаться в аэропорт. Все члены делегации возвратились в Алма-Ату, а Шакен Кенжетаевич поехал в Москву на пленум кинематографистов.

23 декабря в шесть утра раздался звонок в дверь моей квартиры. Открываем - на лестничной площадке стоят актер Капан Бадыров и драматург Аким Тарази. У обоих серые лица. Капан-ага милейший человек, но вот с тактом у него были нелады. Он прямо в лоб сообщил моей жене: «Шакен погиб в автокатастрофе».

Майра без чувств упала на пол. А я застыл! Не знал, верить или не верить.

В то же утро мы вчетвером - я, Мурат - сын Айманова, его брат Каукен Кенжетаев и Камал Смайлов - вылетели в Москву.

По пути из аэропорта в Институт имени Бурденко, где накануне пытались спасти Айманова, все еще теплилась надежда: ведь Шакен-ага - шутник, балагур. Может, он опять решил всех нас разыграть?

Но нет, у его тела со скорбными лицами ждали нас московские артисты...

Оказывается, 22 декабря, сразу после окончания пленума, Шакену Кенжетаевичу сообщили, что на следующий день он во главе делегации советских кинематографистов должен вылететь в Объединенные Арабские Эмираты. Была пятница, конец рабочей недели, и он поспешил в Госкино, чтобы успеть оформить документы. Туда его кто-то подвез, а возвращаясь обратно, он не стал спускаться в подземку - страшно ее боялся, а решил просто перейти дорогу. Дошел до середины улицы Горького, и тут машины пошли сплошным потоком. Подался назад, и ... на него налетела белая «Волга». Его отбросило на бордюр, Шакен-ага упал, тут же встал в полный рост и снова упал, чтобы больше уже не подняться. В 12 часов ночи Шакен Кенжетаевич скончался на операционном столе.

В тот же день нас принял Кунаев. Встречая нас в дверях казахстанского постпредства в Москве, он держал в руках зажигалку. Димеке только что вернулся из командировки в Уругвай. Перед отъездом он как раз смотрел

«Конец атамана», а после спросил Айманова, что привезти ему из солнечного Уругвая.

- Ну что привезти? - задумался Шакен-ага. -Зажигалку, наверное.

...Мы улетали вечерним рейсом. На пассажирских лайнерах в то время не разрешалось перевозить тело, но Кунаев добился.

Пассажиры, услышав скорбную весть, подходили к нам выразить соболезнование. Когда стали разносить ужин, никто к нему не притронулся. Самолет словно вымер - все сидели без движения.

Приземлились мы ранним утром, но площадь перед зданием аэропорта была полна -алматинцы пришли встречать Айманова. Многие из них не верили, что его больше нет в живых. Первый вопрос к нам был: «Это правда? Шакен не шутит?».

Так ушел из жизни великий мастер. Кто-то из киношников сказал в день его похорон: «Конец атамана» и конец Айманова». А меня, видимо, атаман спас: он погибает, но мой Чадьяров остается живым.

Я никогда не задумывался о возрасте Шакена-ага. Оказывается, было ему всего 56. Доброжелательный, простой и никогда не унывающий весельчак - таким он сохранился в памяти тех, кто его знал. Остроты так и сыпались из него, вызывая вокруг веселое оживление. Казалось, Шакен Кенжетаевич всегда был в движении, и, сколько помню, все знакомые и малознакомые люди «паслись» в его карманах. На просьбу занять денег он, не отрываясь от шахмат, отвечал. «Возьми в кармане». И думаете, кто-нибудь возвращал ему долги? Я сам ни разу такого не видел. А каким Шакен был на сцене! Никогда не забуду его Петруччио в «Укрощении строптивой». Когда они вместе с Катариной - Хадишой Букеевой - выходили на сцену, зрительный зал вставал в едином порыве - настолько это было красиво и торжественно. Другого такого человека, на кого хотелось бы равняться, быть чем-то похожим, встретить мне в жизни не довелось.

Меня потрясал диапазон его общения. От старика чабана, которого он случайно встретил в степи и подружился на всю жизнь, до всемирно известных звезд. Помню, как на международном кинофестивале, который проходил в Москве в конце 60-х, Шакен Кенжетаевич на банкете в ресторане «Националь» отплясывал с Элизабет Тейлор буги-вуги... Подозреваю, что делал он это впервые, в Алма-Ате буги-вуги еще не вошел в моду, но Шакен-ага все схватывал на лету. В итоге он и его партнерша удостоились первого

приза. Или был случай в Англии, где на 400-летнем юбилее Шекспира Шакен-ага удивил всех, наизусть прочитав монолог Отелло...

В свободное от официальных фестивальных мероприятий время члены делегаций из разных стран мира знакомили друг друга со своими национальными блюдами. Друг Шакена Кенжетаевича, народный артист Узбекистана Алим Ходжаев, угостил всех прекрасным пловом. А Айманов решил приготовить мясо по-казахски, хотя прежде я его никогда не видел у плиты. Поставил варить мясо, а потом выбрал себе в помощники десять самых красивых актрис мирового кинематографа. И они старательно раскатывали бутылками тесто так, как он велел, - чтобы просвечивало солнце. А затем, разложив мясо на большие блюда, стал учить, как его нужно есть, - только руками. «Иначе, - сказал Шакен-ага, - блюдо потеряет вкус».

У нас были очень сдержанные отношения. При мне он почти никогда не рассказывал веселые истории “с бородой”. А я перед ним очень робел, вел себя скованно. Мы оба раскрепощались, садясь играть в шахматы или карты, которые он страстно любил. Был только один случай, когда я осмелел в его присутствии

Это было в Казани, куда наш театр поехал с гастролями. Хозяева в один из выходных организовали нам пикник на берегу Камы. Пока повара готовили татарские яства, Шакен-ага и Камал Кармысов вступили в айтыс с народной артисткой Татарстана Шахсанам Асфендиаровой. Камал давно уже отложил домбру, а Шакен Кенжетаевич и красавица актриса никак не могли остановиться. Чувствовалось, что они дорожат каждой минутой общения, потому что нравились Друг другу, и их айтысу не было видно конца.

Повара нервничают, блюда стынут, вся компания на берегу реки проголодалась, но никто не смеет остановить двух увлеченных друг другом людей. И тогда я взял на себя смелость вклиниться в страстное состязание. Я спел частушку: «Бір машина келеді, тиеген капуста. Кызбен журсен екеумен жур, біреу турсын запаста» - «Едет машина, груженная капустой. Если хочешь встречаться с девушкой, то уж лучше сразу с двумя. Держи одну про запас». В общем, полная околесица, но я смог остановить айтыс. Шакен-ага замахал было руками: «Иди-иди отсюда», но татары - народ веселый, Шахсанам стала хохотать и переспрашивать, о чем это я там пел. Так я спас застолье.

После смерти Шакена Кенжетаевича я как-то сразу повзрослел. Это были очень трудные годы, но не потому, что я лишился, как говорили недоброжелатели, мощной поддержки в лице тестя. Просто я в одночасье стал знаменитым после выхода на экран «Кыз Жибек» и «Конца атамана».

Сейчас сам удивляюсь, как не потерял разум, не спился, не ушел из семьи... Дома мои дети играли в Тулегена и Бекежана. На улице зрители не давали проходу. Я же ходил по городу, где меня не знали в лицо разве что собаки, пешком, а сзади шла толпа. Среди них были не только горячие поклонники моего таланта, но и такие, кто хотел мести за «убитого» мною Тулегена.

А охраны у артистов нет, машины тоже. Купить ее было не на что - гонорар давно уже проели. Одна была радость - таксисты стали меня узнавать, а потому плату за проезд не брали.

Морщины надо Заслужить

Меня часто спрашивают, почему я не прибегаю к пластическим операциям. Это сейчас модно, а потом профессия, дескать, публичная, лицо-часть профессии. Но если бы мне даже самый лучший в мире пластический хирург предложил бесплатно сделать операцию по омоложению, я бы не согласился. Это глупость - стесняться собственных морщин и мешков под глазами. Они у меня так же, как и машина, на которой езжу, и дом, в котором живу, и фамилия, что ношу, -честно заработанные.

Должен признаться, что свой мужской облик, так же, как и актерский, лепил постепенно. Останься я в ауле и займись самой обычной работой - чабанской, например, внешность моя так и осталась бы непроявленной, невыразительной. В роду у нас красавцев не было отродясь Моя мать, например, - широкоскулая, смуглолицая степнячка. Среднего роста, коренастая, с довольно короткими кривоватыми ногами. А я весь в мать - и характером, и внешностью.

Лет до 30 я и не подозревал, что могу быть привлекательным. Но точно так же, как чахлое кривое дерево после тщательного ухода начинает тянуться вверх, покрываться густой зеленью, так и я после фильмов «Кыз-Жибек» и «Конец атамана» стал вдруг набирать мужскую красоту. Популярность, узнаваемость творят чудеса. Откуда ни возьмись, появился вкус, о наличии которого у себя я раньше не догадывался. Чадьяровская бородка, которая мне очень шла, стала частью моего облика, а еще я научился умело скрывать недостатки своей чисто казахской фигуры. Понял, например, что мне идет военная форма. Она придала мне выправку, которая сохранилась до сих пор. В начале 70-х напрочь отказался от костюмов. В них я выгляжу старше своего возраста, да и походка становится какой-то нелепой. Если уж приходится надевать пиджак, то только с джинсами.

Джинсы, кстати, вообще отдельная история. Покупая их с рук у фарцовщиков, отдавал, бывало, всю зарплату. Друзьям, выезжавшим в зарубежные командировки, пытался заказывать. Сразу пять пар привез из Канады -там шли съемки фильма «Вкус хлеба», который «Мосфильм» снимал совместно с «Казахфильмом». Это идейно правильный, залакированный фильм про целину, эдакий современный вариант «Кубанских казаков». Более скучной работы в кино у меня не было. Сегодня я даже и вспомнить не могу, кого играл там - то ли агронома, то ли бригадира. Я вообще не хотел сниматься в этой картине, но ЦК обязал. Единственная радость - побывал в Канаде. До этого я выезжал за границу только на фестивали, а тут целых три недели провел в стране «загнивающего капитализма».

Шел 1978 год, и супермаркеты меня, советского человека, естественно, потрясли. Больше всего удивило обилие джинсов, которые тут считались рабочей одеждой. Нас сразу предупредили: больше четырех пар не покупать. Я ослушался и прихватил лишнюю пару. Когда уезжали, пришлось натянуть на себя сразу две.

Валюта, выданная нам, была уже на исходе, когда, прогуливаясь по Монреалю с Сергеем Шакуровым (он играл в картине «Вкус хлеба» главную роль - директора совхоза), увидел в витрине какого-то магазинчика шикарный джинсовый пиджак. Было уже поздно - магазин закрылся, да и денег все равно не хватило бы. Но я решил: извернусь, но добуду понравившийся мне пиджак.

Наутро взял 20 банок икры (мы везли ее с собой в надежде обменять на валюту, да все как-то не получалось), пришел в магазинчик и где на ломаном английском, где мимикой прошу показать пиджак с витрины. И вдруг хозяин заявляет: «Да ладно тебе, не напрягайся, говори по-русски». Оказалось, он - грек из Джамбула. Разговорились за чашкой кофе, у нас нашлись общие знакомые. Потом я говорю: «Я сегодня улетаю, хочу тебе оставить 20 банок икры, дам еще 15 долларов, только продай мне пиджак».

А он мне: «Да пожалуйста! Можешь взять в придачу к нему еще и джинсы. А хочешь, я обменяю твои червонцы на доллары?».

У меня было с собой рублей сорок, их легко можно было обменять в банке, но это был по тем временам криминал, запрещенная операция. С этим в Союзе не шутили. И я отказался от услуги своего нового приятеля. Я и так был благодарен ему за пиджак. Дома не достал бы его ни за какие деньги.

Еще о внешнем. К примеру, принципиально не ношу галстуки, трикотажные вещи, пальто и шапки. Это не мое, мне в них неловко. Одно время я ввел своеобразную моду - нетугой узел прямо на голой шее, а сам галстук - поверх рубашки. Но потом и вовсе отказался от них и первым в Алма-Ате стал носить на шее платки и косынки, которые сам же и выкраивал из понравившейся ткани. Из головных уборов предпочитаю фуражки, а из теплой верхней одежды - только куртки.

Но внешняя форма - это всего лишь фантик, имидж, как сейчас говорят. Без характера и внутреннего содержания обладателя самых блестящих природных данных будут считать всего лишь слащавым красавчиком. Это, кстати, касается и женщин. К примеру, Бибигуль Тулегенова, насколько я запомнил ее в молодые годы, была невзрачной провинциальной девчонкой, но с годами она все хорошела, и сейчас, любуясь ею, многие уверены, что она от природы потрясающая красавица.

Окончательно внешний и внутренний мой облик сформировался только годам к 50 благодаря профессиональным успехам и всеобщему вниманию, которое меня окружало. Это позволяло иногда влиять и на то, к чему мы, актеры, имели лишь косвенное отношение.

Однажды группа артистов Ауэзовского театра во главе с народной артисткой СССР Хадишой Букеевой приехала со спектаклем в Курчумский район Восточно-Казахстанской области. Директор совхоза, невысокий молодой крепыш, вел себя так, словно хотел показать: «Ну и что, что вы народные? Здесь я хозяин, и условия буду диктовать я».

Представление мы давали в помещении, которое с большой натяжкой можно было назвать клубом. Набрякший от дождей потолок прогнулся, грозя вот-вот обрушиться. Я не стал ждать неизбежного и, выбрав момент, когда рядом не было партнеров, ткнул в этот, с позволения сказать, кров бутафорской пикой (мы играли любимый в народе спектакль «Козы Корпеш и Баян-сулу»). Вся сцена в миг оказалась в глине - дети хохочут, старики радуются: «Асеке, вы правильно сделали. Мы этому собачьему сыну директору давно говорили, что клуб нуждается в ремонте».

Урок бюрократу пошел на пользу. Директор после случившегося вел себя как мышь. Попросив У нас прощения за холодный прием, пообещал к следующему нашему приезду привести клуб в достойный вид. А на следующий год (я специально интересовался) в колхозе построили новый клуб.

...Нынче стало модным менять буквы в конце фамилии. Если следовать этим тенденциям, то я должен именоваться Ашимулы. Следовательно, фамилия, которая честно служила мне столько лет, исчезнет. Нет уж, я лучше доживу с теми буквами, которые сделали меня тем, кто я есть сегодня.

Мужские игрушки

Когда-то в юности я мечтал о мотоцикле. Мне нравились свист ветра в ушах, скорость, азарт гонки. Н у меня тогда не было возможности иметь даже велосипед. Первой моей машиной была списанная из правительственного гаража «Чайка», на которой возили председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина Это была вещь! Весь город мне завидовал. Я ктому времени организовал свою студию. На «Чайке» можно было возить съемочную аппаратуру и снимать кадры в движении. Машину я купил почти задаром — всего за пять тысяч рублей. Но проездил только год: однажды, уезжая в командировку, доверил ее одному разгильдяю, и он разбил автомобиль вдребезги. До сих пор мне эту «Чайку» жалко, вспомнил - даже сердце закололо.

В 1990-м приобрел новую «Волгу». В те времена ее можно было купить только по спискам, а у меня все вышло случайно. Как-то раз я оказался по делам в Совмине. Разговорившись с Узакбаем Карамановым - председатель Совета министров республики был тогда молод, общителен, в общем, не испорчен высоким креслом, - я между прочим обмолвился, что без машины не очень-то уютно. Разговор этот был в субботу, а в понедельник уже звонок: можете забирать машину. Обрадоваться-то моя семья обрадовалась, а денег нет ни копейки. Без всяких надежд, что он займет нам такую громадную сумму - 16 тысяч рублей! - мы с Майрой побежали к Абдижамилу Нурпеисову.

Пообещали вернуть долг через месяц, при этом понятия не имея, где будем доставать деньги. Классик молча достал сберкнижку, положил ее в карман, и мы пошли снимать деньги.

Красивая была машина - цвета слоновой кости, с округлыми формами Оказывается, ее должны были разыграть в лотерее, но Караманов уговорил отдать мне.

Сам я водил машину только на съемках фильма «Маньчжурский вариант», а в реальной жизни предпочитаю, чтобы меня возили. Человек я горячий, импульсивный, а пешеход у нас дремучий -обязательно на кого-нибудь наеду. На семейном совете решили, что «Волгу» будет водить Саги. Он

только начинал учиться вождению, а мы его уже на третий день посадили за руль.

И вскоре сын повез меня в Каратау, на юбилей моего друга. Саги служил в тех местах и наутро после приезда отпросился съездить к своему командиру Сказал хочет поздороваться с ним, а на самом деле, коиечно, хотелось просто похвастаться. Сердце мое сжала тревога, когда он выезжал со двора, но останавливать не стал. Не прошло и часа, как сын вернулся с покореженным капотом На узкую улочку откуда-то выскочил мальчишка. Чтобы не покалечить ребенка, Саги резко свернул и - врезался в столб.

Я вернулся в Алма-Ату, а Саги поехал в Джамбул. Сейфулла Кожаханов, мой ныне покойный одноклассник, тогда ходил в больших областных начальниках, заведовал сельхозтехникой. Как только услышал о моих неприятностях, сразу велел. «Асеке, оставь «Волгу» здесь. Что-нибудь придумаю». У него на складе нашлись нужные запчасти, была проблема с краской, он и ее где-то нашел. И дней через десять Саги вернулся домой с машиной, которая выглядела так, словно с ней ничего и не случилось. Но я, суеверный человек, тут же ее продал.

Потом я Сагишке купил «девятку». На ней мы с ним едва не погибли, возвращаясь из Джамбула. В тот день была сильная гололедица. На мосту через Чу Саги не справился с управлением. Машина врезалась в перила моста, снесла их и ... зависла передней частью над рекой. Саги испуганно смотрел на меня. «Ага, ага...» - и больше ничего сказать не может, а я почему-то ничуть не испугался, хотя наша жизнь висела на волоске. Чтобы удержать машину, я лег на заднее сиденье, а сын вышел, чтобы хоть как-то придерживать машину, готовую вот-вот рухнуть вниз.

Уже темнело, когда на дороге показался уазик. Увидев, что мы попали в беду, водитель остановился. Им оказался директор одного из совхозов Джамбулской области. Он возвращался с женой из Алма-Аты, где защищал кандидатскую. «Что случилось, Асеке?!» - кинулся с расспросами земляк. Я попросил, чтобы он быстрее увез Саги, у которого зуб на зуб не попадал от холода, а сам остался ждать обещанную нашим спасителем машину с краном. В Алма-Ату мы уехали своим ходом, а «девятку» оставили костоправу, да так и не дождались, когда он ее сделает. В общем, она пропала бесследно.

Это был не последний случай, когда Саги попадал в аварии и бил машины. Но в последние годы жизни он стал уже настоящим водителем-виртуозом.

Долг платежом красен

За те полвека, что я на сцене и в кино, миллионов не нажил. Денег никогда не копил, моя сберкнижка - это мой авторитет. Что скрывать, бывает, и пользуюсь этим. Сейчас я езжу (с водителем, конечно) на японском джипе, который купил в начале 2000 года. Денег у меня хватало примерно на половину этой машины. Солидная и вместительная, она мне очень нравилась, поскольку подходила по комплекции, человек я все-таки не мелкий. И тогда я позвонил хозяину «Астаны-Моторс». Хочешь, говорю, рекламу? Давай машину за полцены. После меня уж точно твои джипы будут расходиться, как горячие пирожки.

Рассказываю об этом, а сам вспоминаю молодые годы. Мы с Ануаром Молдабековым уже снялись в «Кыз Жибек», а в карманах, как и раньше, гулял ветер. И вот идем мы с ним вверх по Коммунистическому проспекту и размышляем, где бы разжиться деньгами. Вдруг навстречу несколько девчонок-студенток - узнали, здороваются, в глазах восторг, голоса звенят от волнения. Бесцеремонный Ануар тут же воспользовался ситуацией: «Девчонки, у вас не найдется пяти рублей? Дайте в долг, мы вернем». Осчастливленные просьбой студентки быстренько скинулись, и мы, не менее довольные, чем они, двинулись в сторону пивнушки.

А как-то раз мы, человек десять молодых актеров, выходим после спектакля - прошел он успешно, не грех и обмыть, да опять же не на что. Направляемся к остановке, а там стоит народная артистка СССР Хадиша Букеева. Хоть она и ездила, как все смертные, на общественном транспорте, но была дамой состоятельной. Мы, естественно, не преминули воспользоваться случаем. Наперебой стали ухаживать за ней: кто-то подхватил, подсаживая в троллейбус, под локоток, другой подал руку, когда выходила, третий нес ее сумки, так всей гурьбой и проводили до самого дома. Польщенная Хадиша-апай пригласила нас к себе.

- Водочки или коньяку? - спросила хозяйка, когда мы расположились у нее в гостиной.

- Можно и водки, - сказал кто-то скромно.

Досталось всем по наперсточку, и, пока

Хадиша-апай делала на кухне бутерброды, я стал подначивать Ануара: «Ты у нас нестеснительный, можно сказать, даже нахальный, намекни, что мы и от коньяка не откажемся».

Его не надо было долго уговаривать, но наш номер не прошел. Поняв подоплеку всей любезности. Хадиша-апай быстренько спровадила нас: «Рядом есть кафе, там коньяка сколько угодно».

Случалось, что мы, рискуя быть опозоренными, захаживали в хорошие рестораны, где любили бывать богатые директора совхозов. Они нас, как правило, узнавали и, считая за честь сидеть за одним столом с популярными артистами, заказывали богатый стол.

Но самые веселые истории связаны с гонорарами. В молодые годы многие из театральных актеров подрабатывали на радио и телевидении. Как-то раз извещение о переводе 30 рублей, посланное на имя тюзовского актера Чапая Зулхашева, ошибочно попало в Театр имени Ауэзова. Мы с Ануаром были в своем репертуаре Пошли в отдел кадров, обаяли, заговорили и уломали-таки тамошних сотрудниц дать нам доверенность. Забрав по ней чужие деньги, направились с ними в ТЮЗ. Пригласили нескольких актеров во главе с Чапаем в кафе, я сделал хороший заказ. Все были довольны, то и дело звучали тосты в мою честь. И вот, когда застолье дошло до апогея, я стал выражать соболезнование человеку, на чьи деньги мы пировали: «Чапайжан, в жизни бывают разные ситуации Ты крепись, не падай духом. Я знаю, ты настоящий рыцарь и очень добрый человек...».

Ануар еле сдерживался, чтобы не захохотать, а Чапай, когда мое славословие перешло все границы, не выдержал: «Хватит меня хвалить! Говори, как есть, - почему это я должен крепиться?».

«Нет, тебя сегодня надо хвалить. Ты после Айманова и Куанышбаева самый талантливый из актеров», - продолжаю я и вручаю Чапаю конверт с тремя рублями и извещением. - А это остаток твоего гонорара».

«Ах, сволочь, ах, мерзавец! Такты, оказывается, хвалил меня за мои деньги!» - завопил под громкий смех коллег наш товарищ по веселым застольям. Дальше мы продолжили праздник уже вскладчину.

А мой гонорар однажды попал на киностудию Извещение отдали драматургу и сценаристу Акиму Ашимову, который широкой общественности известен под псевдонимом Тарази. Он со спокойной совестью снял мой гонорар (благо инициалы совпадали), а спустя время, похохатывая, сообщил мне, как истратил мои деньги. Я не остался в долгу. В Москве на очередном пленуме кинематографистов мы с ним жили в одном номере. Как-то, спустившись вниз, я увидел перевод на 500 рублей на его имя. Эти деньги жена выслала

ему, чтобы он купил ей шубу. Не долго думая, я снял перевод. Вечером пригласил в ресторан Акима и еще нескольких казахстанских киношников. Стол был роскошный, я говорил тосты в честь Акима, хвалил его жену. Потом положил в конверт оставшиеся 300 рублей (200 уже были проедены и пропиты), извещение о переводе и, вручая ему, сказал:

- Аким, любви без взаимности не бывает. Когда-то ты распоряжался моими деньгами как своими, теперь пришло время возвращать долги.

За столом поднялся хохот, Аким смеялся громче всех. Возможно, проделывай актеры эти шутки друг с другом сейчас, не избежать было бы судебных тяжб. Но в то доброе, счастливое время дружеские отношения ценились выше любых денег.

К деньгам надо уметь относиться правильно. Тратить их, чтобы жить, а не копить, чтобы существовать, но при этом помнить, как они были заработаны. В свое время про Ауэзова говорили, что он жадный, потому что не любит, дескать, давать в долг Но я знаю, что он одалживал, только не всем подряд, а тем, кто был платежеспособен. И правильно делал. Я тоже не всем подряд одалживаю. Это не жадность к деньгам, а уважение к своему труду.

С другой стороны, сейчас в моем письменном столе лежат несколько удостоверений. Их владельцы под честное слово занимали у меня деньги. Одной женщине вроде как не на что было уехать, другой надо срочно оплачивать учебу дочери и так далее... «Вы, - говорили они, едва не падая на колени, - уважаемый и авторитетный человек, не оставите нас в беде».

Что интересно, запрашиваемая сумма у всех одинаковая - 500 долларов. Мне многие знакомые говорят: зачем даете в долг незнакомым людям? Вы же не собес и не благотворительный фонд. Но я не могу врать и прибедняться - сам, дескать, пенсионер, стеснен в средствах. А потом отказывать, когда люди с дрожью в голосе рассказывают о постигших их бедах, я просто не могу. Лучше уж отдать - и покончить с этим. Если обманывают, пусть останется на их совести. Казалось бы, я должен переживать из-за денег, которые мне наверняка никогда не вернут, но если кому-то смог помочь, на душе становится легко, появляется какой-то новый импульс для жизни, и я знаю, что сделал правильно.

Цена четырех копеек

Однажды я с сыном Саги отправился в гости к моему другу Сейдахану Таимбетову, который жил где-то в микрорайоне. Погода стояла слякотная, но таксист категорически отказался подвозить поближе к дому. Тогда и я решил

пойти на принцип. На счетчике выбило два рубля 86 копеек. Я протянул три рубля и не торопился выходить из машины. «Чего ждете?» - буркнул водитель. «Сдачи», - ответил я, стараясь быть невозмутимым. «Тьфу!» - сказал водитель и сунул 20 копеек. Я вернул ему 10 копеек и опять стал ждать. «Чего ждешь?» - заорал таксист. «Сдачи...»

Саги, утонченный городской парень с душой до боли отзывчивой и доброй, не понял этой сцены. «Ну что ты, ага, прицепился к нему с этими копейками?» - упрекнул он меня. Я объяснил: «Это ты можешь не считать четыре копейки за деньги, ты все-таки сын народного артиста, лауреата Госпремии, а я сирота, вдовий сын. Для меня это большие деньги». И перечислил, что мог бы купить на четыре копейки. Четверть буханки серого хлеба, четыре коробки спичек...

Торговать лицом не умею

Мне часто предлагают сниматься в разных проектах только из-за того, чтобы появилось мое лицо. На такого рода предложения я обычно отвечаю: на кой черт мне такие деньги, которые уносят авторитет? После «Кыз Жибек», «Конца атамана» и «Транссибирского экспресса» я стал очень разборчив в выборе новой работы. Согласие даю, только когда сценарий греет меня и я чувствую, что будет успех. А молодым актерам советую: у вас не тысяча лиц, чтобы разбрасываться ими. Берегите лицо для сцены.

Сейчас вот появилась такая профессия -тамада. В молодые годы и я тамадил, правда, на общественных началах. А сейчас мне совершенно непонятно: как же так, сегодня ты торгуешь своим лицом на свадьбах, а завтра играешь Отелло? Это непрофессионально.

Многие, я уверен, знакомы с творчеством Болата Абдильманова. Очень талантливый актер, он успел создать на сцене запоминающиеся образы, его игра не оставляла зрителей равнодушными. Но в один прекрасный день Болат разругался с руководством и ушел из театра. Очень пластичный, вдумчивый артист, он где-то пытается сниматься, но большей частью зарабатывает на жизнь тем, что тамадит. Там наверняка платят гораздо больше, чем в театре, но ведь актерское лицо и авторитет не купишь ни за какие деньги. Мне очень обидно за Болата. Он да и все другие, кто думал, что на время расстается с театром, забывают судьбу, постигшую замечательного мастера Нурмухана Жантурина. Как он фактурно и мощно играл на сцене Ауэзовского театра Чокана Валиханова, а сколько было экспрессии в его Яго! Это было нечто невероятное, непостижимое. Видя Жантурина в этих ролях, я мечтал, что тоже когда-нибудь смогу играть так,

как он. Но этот актер-личность не сошелся в каких-то вопросах с Мамбетовым, главным режиссером Театра имение Ауэзова, и ушел в кинематограф. Сыграл десятки-ролей в кино, но ни одна, как мне кажется, не стала этапной. Получилось как в той пословице: обидевшись на вошь, сжег свой тулуп. А ведь Нурмухан Жантурин имел все основания стать актером шекспировского масштаба.

По мне, так уж лучше как-то договориться, найти компромисс, чем рисковать делом, которому ты посвятил жизнь. У меня самого таких моментов, когда можно было обидеться, встать в позу и бросить театр, было немерено, но держался до последнего.

Кайф и драйв: «Транссибирский экспресс»

«Транссибирский экспресс» появился благодаря Шакену Кенжетаевичу Айманову, хотя его к тому моменту, когда была задумана картина, уже не было в живых. Казахская песня «Жиырма бес» («25») в исполнении Шакена Кенжетаевича, которая звучит в финале картины, должна была напомнить зрителям его последнюю картину «Конец атамана».

История появления «Транссибирского экспресса» такова. Мы с Эльдором Уразбаевым -он ведь тоже ученик Айманова - сидели однажды у меня дома и вспоминали Шакена-ага. Прошло уже пять лет со дня смерти Айманова, приближался его очередной день рождения.

- А давай снимем фильм в память о нем, - предложил вдруг Эльдор. - Пусть это будет продолжение «Конца атамана».

Я сразу подхватил эту мысль. У каждого из нас был свой сюжет будущей картины. Потом к сценарию подключились семья Михалковых и Александр Адабашьян, тоже дружившие с Шакеном-ага. На одном дыхании, за какие-то месяц-полтора, они написали легкий детектив. И в том же 1976 году мы приступили к работе.

Этим фильмом мы, по сути, продлили жизнь Касымхана Чанышева, судьба которого сложилась трагически. В 20-х годах Чанышев возглавлял жаркентскую милицию. Осуществил успешную операцию по ликвидации генерала-белогвардейца Дутова (именно эта страница его жизни легла в основу фильма «Конец атамана»). Однако, несмотря на заслуги, ему припомнили байское происхождение, и Чанышев вынужден был скрываться. Умер, говорят, в бегах.

Но если в реальной жизни прототип Чадьярова погибает в безвестности, то в кино жизнь его продлилась. В «Транссибирском экспрессе» повзрослевший и возмужавший Чадьяров борется уже с внешними врагами.

«Транссибирский экспресс» должен был стать для меня фильмом, после которого я окончательно утвердился бы как киноактер. Мне вот-вот должно было стукнуть 40, а к этому рубежу творческий человек обязан подойти в полном, как говорится, вооружении.

«Кайф» - вот так назову работу над этим фильмом. К своей роли я относился более чем требовательно. После просмотра экранных проб Эльдор подозвал меня: «Асеке, посмотри». Меня ни в чем не надо было убеждать - только бросив взгляд на экран, сразу сказал: «Понял. Дай дней двадцать».

Это сейчас в любом доме можно найти какие хочешь тренажеры, а тогда, во времена тотального дефицита, ничего не было Поэтому я в тот же день побежал к Егизбаеву - главному профсоюзному деятелю республики. «Нужна путевка, - говорю, - мне срочно нужно похудеть». Тот сразу позвонил в Ессентуки, в единственный на весь Союз санаторий, где применяли механотерапию. Главврач санатория завопил: здесь сейчас отдыхают и лечатся 60 человек из Казахстана, хотя путевок выделялось всего сорок... «Но для артиста ты найдешь еще одно место, - не слушая объяснений, оборвал его наш профсоюзный бог. - Устраивай его хоть в своем кабинете».

И я действительно жил в кабинете главврача. Пил знаменитую минеральную воду, немного завтракал, обед делил с другом, а ужин отдавал врагу и усиленно занимался - «ездил» на механическом верблюде, «скакал» на такой же лошади. И за каких-то 20 дней похудел на 8 килограммов. В Ессентуки я уезжал в костюме 52-го размера, в Алма-Ату вернулся с 48-м размером.

Снимали мы в Джамбулской области, на железнодорожной ветке Каратау - Жанатас. Эти места сплошь заселены моими родственниками и друзьями детства. В первый же день съемок я заехал к ним. Поздоровался со всеми за руку и предупредил, чтобы недели на три оставили в покое. Никаких застолий! В Каратау взял в гостинице отдельный номер и после съемок никого не пускал к себе. Чтобы снова не набрать вес, отказывался от всех компаний, мое меню состояло в основном из чашки кофе и крохотного бутерброда.

Зато остальные члены съемочной группы, а она состояла из московской, ленинградской и алматинской молодежи, отрывались по полной программе.

Лето, жара, а им хоть бы что. Вечеринки и банкеты были каждый день, а какие романы назревали! Нонна Терентьева в процессе съемок вышла замуж за ассистента оператора, Наталья Аринбасарова сдружилась с Эльдором Уразбаевым, а потом вышла за него замуж.

«Транссибирский экспресс» был дипломной работой теперь уже знаменитого оператора Вадима Алисова, будущий директор «Казах-фильма» Анара Кашаганова работала у нас организатором съемок Утром в шесть мы потихоньку трогались из Каратау. Нас так и объявляли на станциях: «Прибыл 2001-й поезд. Транссибирский экспресс». Съемки проходили в раритетном вагоне, выпущенном еще в 30-х годах.

К обеду прибывали в Жанатас. Снабжение в этом городе, который обеспечивал весь Союз фосфоритами, было московским. Моя двоюродная сестра Амантай уже ждет нас с обедом и ящиком дефицитного чешского пива. Я брал себе бутылочку, а остальное доставалось съемочной группе.

Потом мы трогались в обратный путь. В Каратау прибывали в полночь, а иногда в два-три ночи. В перерывах между съемками отсыпались в спецвагоне с кондиционером. В общем, совмещали приятное с полезным.

Я кайфовал в этой картине не только потому, что съемки шли легко и азартно. Эльдор дал мне полную свободу для импровизации. Он так и сказал: «Асеке, я тебе верю». Доверие режиссера меня окрылило, и я абсолютно самостоятельно выстраивал роль, придумывая все новые подробности. Помните эпизод, когда героиня Терентьевой разыскивает меня по всему поезду, а я специально меняю купе? Когда она наконец находит меня, я с важным видом делаю себе шутовской массаж после бритья. Благо роль позволяла это: мой герой, профессиональный разведчик, носящий личину японца Фана, усыпляя внимание врага, косил под дурачка.

Режиссер, бывало, стоит где-то за кадром, подает команды, а сам хохочет над тем, как я импровизирую Ситуация меня только подстегивает - я вхожу в еще больший раж. Иногда, чтобы сэкономить и без того тесное пространство купе, оператор предлагал режиссеру подавать команды из тамбура. Мы, актеры, пользуясь этим, часто разыгрывали Эльдора. Например, сговаривались и разом все замолкали Напуганный внезапной тишиной за дверью, режиссер начинал нервничать: «Вы что там делаете?!». Такое настроение, кстати, очень помогает на съемках: чем больше хохмишь, тем легче они идут.

Однажды мы с Вадимом Алисовым, отсняв эпизод, сделали вид, что еще раз переснимаем его, а сами решили распить бутылочку. Вадим, чтобы усыпить бдительность режиссера, сидя за столом, время от времени выкрикивал: «Стоп! Еще раз!». Когда Уразбаев наконец ворвался в купе, он чисто по-детски обиделся: «А почему меня не позвали?».

Москвичи остались довольны нашим гостеприимством. Особенно Наталья Аринбасарова и Нонна Терентьева В Каратау я их повел на мехкомбинат. Казахи ведь одаривают так одаривают! Обеим актрисам накинули на плечи шубы из отлично выделанной цигейки. Работники мехкомбината радовались больше самих актрис, видя их ошеломленно-счастливые лица.

Сейчас бы ни за что не отдал озвучивать роль, которую играл с таким вдохновением, Александру Калягину, но тогда опыта было маловато, а озвучивать два противоположных характера одновременно было сложно. Поэтому те фрагменты, где мой герой скрывается под личиной дурачка - японца Фана, озвучивает Калягин, а те, где Чадьяров бывает самим собой, озвучивал я сам.

Съемки «Транссибирского экспресса» были закончены за месяц, и поезд двинулся в сторону Москвы. По пути мы отсняли туркестанский вокзал, а потом группа разделилась- казахстанцы вернулись домой, москвичи на этом же поезде покатили дальше.

Отснятый материал тянул на две серии. Когда мы сдавали картину в Госкино, получили замечание, что она затянута Чуть было не закрыли фильм, но ограничились предложением сократить до одной серии Пришлось убрать те куски, которые не «играли». Например, эпизод в московской гостинице «Метрополь» с участием польского актера Даниэля Ольбрыхского и Никиты Михалкова.

А потом, как известно, началось триумфальное шествие картины по мировым экранам. «Транссибирский экспресс» шел в Европе, США, получил Гран-при на кинофестивале в Карловых Варах...

Зрители часто спрашивают, как потом сложилась судьба чекиста Чадьярова. Если жив, то где он? И я придумал, что в 30-х годах он оказался за кордоном. И уже в наши дни глубоким стариком он возвращается на родину, чтобы умереть здесь. Жена-китаянка, когда он сообщил ей об этом, оглушена таким решением, но все же находит в себе силы понять мужа. Она молча собирает ему рюкзак, но провожать не выходит. Обливаясь слезами, старушка смотрит

из окна квартиры на 60-м этаже вслед маленькой фигурке, которая уходит в неизвестность.

Драматург Ермек Турсунов написал сценарий. Будущий фильм пока носит рабочее название «Цветочник». Это, естественно, не прокатное название. Можно было бы его назвать «Транссибирский экспресс-2», или “Кто Вы Господин Ка?”. По идее это точно, но никак не соотносится с сюжетом. Эльдор Уразбаев осенью 2007 года уже собирался приступить к съемкам, но внезапно заболел, и его место позднее занял Хуат Ахметов, московский режиссер казахстанского происхождения.

Зачем в святое мы играем, на душу принимая грех
Популярность, успех - это внешняя сторона нашей тяжелейшей профессии. Она благоволит не каждому Чтобы раскрыться, творческой личности кроме таланта нужно удачное стечение обстоятельств, сценическое обаяние, а еще внутри должен сидеть дьявол. Без него сыгранная тобою роль не западет в душу зрителя.

Почему я, к примеру, влюбился в образ Бекежана еще не до того, как меня утвердили на роль в «Кыз Жибек»? Актеру там есть где развернуться, потому что у этого персонажа дьявольский темперамент, в нем столько намешано! Это и благородный степной рыцарь, это и каракши - головорез, разбойник, готовый любой ценой отстоять свое достоинство. Был бы он совсем плох, народ не дал бы ему столь звучное и красивое имя - Бекежан. Это образ, рассчитанный на тех, кто кроме черного и белого умеет различать и богатство полутонов Поэтому мне и интересно было играть.

Мой Бекежан в обыденном представлении -темный человек, но я разглядел в нем ангельские черты Кульминация роли наступает с появлением Тулегена.

Когда отец девушки склоняется на сторону нового жениха, Бекежан задает ему вполне резонный вопрос: «Где ваши обещания?».

И, услышав в ответ уклончивое «Айналайын, ищи свою судьбу в другом месте», напоминает вероломному старику: «Я не одинок в этом мире. Когда подступает враг, вы находите меня, кроме меня, некому защитить ваш аул. И здесь я тоже найду выход».

А потом, вложив саблю в ножны стремительным движением, грозно прощается: «Кош!». И с этого момента начинается мой Бекежан.

Перед съемками фильма Султан Ходжиков собрал нас, актеров, прошедших кастинг.

- Бекежан, какой масти должна быть ваша лошадь? - спросил он меня, почесывая подбородок.

- Думаю, это должен быть вороной тулпар.

Недолюбливающий меня Ходжиков (не только

он, многие в те годы смотрели на меня как на выскочку и корыстолюбивого карьериста, за мной шлейфом тянулось слово «зять») ехидно бросил:

- Ха! Ошибаетесь, Бекежан должен сидеть на кляче.

- Может быть, - ответил я. - Вы режиссер, значит, вправе посадить и на клячу.

Султан-ага как ни в чем не бывало продолжал допытываться:

- Как вы себе представляете этот образ?

И тут мне в голову стукнуло:

- Все мы знаем Ермека Серкебаева. Прекрасный певец и интересный мужчина. Все алматинские девушки убиваются по нему. Но вот однажды в городе появляется более молодой и не менее знаменитый Муслим Магомаев. И девушки, оставив прежнего кумира, все свои симпатии обрушивают на него. Вот таким же было положение и Бекежана. Не появись Тулеген, Жибек полюбила бы его. Другого такого рыцаря, как Бекежан, в тех краях просто не было.

В глазах режиссера появилось нечто, похожее на теплоту, видимо, ответ ему понравился. С этой минуты у нас стали налаживаться отношения. Человек со сложным характером, Ходжиков оттаивал постепенно, большими друзьями мы с ним стали только ближе к концу съемок.

Когда я играл Жарасбая в драме Мухтара Ауэзова «Выстрел на перевале», то увидел в образе этого бая отголоски своего Бекежана. Этот персонаж - антипод народного любимца, конокрада Бахтыгула. Нужно очень внимательно читать текст рассказа, вникнуть в его смысл, чтобы понять: а Ауэзов-то настоящим героем делает Жарасбая-думающего человека с

тонким, ироническим складом ума. Такие качества были присущи Абаю. Поняв это, я постарался показать своего героя мыслителем и философом.

По большому счету, я для любой своей роли отсекал частичку своего «я», вкладывая в героев все свои отрицательные и положительные черты - и доброе, и стыдное. Так было уже с Айдаром, где я только делал заявку на театрального актера. Когда я, оскорбленный, униженный и раздавленный смехом старших коллег, выходил после первой неудачной репетиции из театра, в душе стал просыпаться дьявол. «Я смогу, я сделаю», - пообещал самому себе. С того дня яростно репетировал. Зубрил и мысленно проигрывал роль везде - в автобусе, на отдыхе за городом, в гостях. Оказавшись дома, детей заставлял укладывать пораньше, и сам торопился в спальню, потому что там у меня проходили самые плодотворные и осмысленные репетиции.

Майра, мой первый критик и режиссер, не щадила меня. «Тебе не хватает сценического мастерства, ты скован, - говорила она, заставляя чеканить роль. - Зритель не видит погоню. То, как ты убегаешь со своей возлюбленной, должно отразиться на твоем лице. Текст-то авторский, но какой ритм и подтекст будут в него вложены, - зависит от тебя. Ты актер, но ты не пешка. И ты имеешь право где-то не соглашаться с автором».

...«Мямля», - подумал я про Еламана, прочитав текст только что полученной роли. Готовясь к ней, я мучительно искал сцену, где мой герой наконец проявит себя настоящим мужчиной. И однажды, услышав монолог Танирбергена (он называет свой народ бесхарактерными, бесхребетными существами, тупо пасущими скот), сказал, что мне только ради этих слов стоит сыграть роль Еламана. И забрал монолог у Ануара Молдабекова, чтобы сделать апарт: оставшись наедине со зрителем, посылаю ему в финальной сцене похожие на пощечину мысли-упреки. А потом после паузы чуть слышно произношу: «Прости!.. Придет время, и над тобой взойдет яркое солнце, ты проснешься...». Рывком поднимаю Акбалу, соединяю наши руки красным шарфом, и мы медленно уходим....

Однажды, произнося этот монолог, я так вошел в роль, что видел перед собой не актрису, а саму Акбалу и, оскорбленный ее уходом к другому мужчине, тем, что она разрушила семью, бросила нашего ребенка, со всего размаху влепил ей пощечину. Акбала отлетела в сторону, а у меня перед глазами стояла сцена: я, Еламан, отсидев в тюрьме, вернулся в аул, а там меня ждал остывший очаг... От неприкаянности, от одиночества в этом мире на глаза наворачивались слезы. Музыка, написанная ГазизойЖубановой кэтому спектаклю, только усиливала драматизм ситуации. Прежде чем

разразиться аплодисментами, зритель выдохнул: «Ох! Барекельді!» (это слово у казахов обозначает высшую степень восхищения).

Фарида Шарипова, держась за щеку, несколько дней не разговаривала со мной, даже пожаловалась на меня Мамбетову.

...«Неужели я буду играть такую бесцветную роль?» - думал я про Маттиаса Клаузена. Наш зритель да и мы, актеры, привыкли к спектаклям, где много движения, танца, песен, экспрессии, а здесь - драматургия мысли. Был момент, когда я едва не отказался от роли. К счастью, своими сомнениями не успел поделиться с режиссером.

Пролистывая однажды вечером дневник с ежедневными записями (его я веду с молодости), наткнулся на запись: «28 января, 1968 год. МХАТ, два «Лжеца». В ту зиму я добился творческой командировки в Москву, чтобы увидеть постановки столичных театров. В один из дней побывал сразу на трех спектаклях. Последним был «Милый лжец». Два актера, Анатолий Кторов и Ангелина Степанова, разговаривали друг с другом четыре часа. Зрители (большей частью это были интеллигентные старики, которые в антракте беседовали на французском) смотрели, вернее, слушали их, затаив дыхание. Я очень устал в тот день, от сырой московской погоды загрипповал, к тому же не все понимал из того, что происходило на сцене. В какой-то момент, не выдержав, уснул. Но лица московских зрителей не давали мне покоя: чем же их так привлек этот спектакль-диалог? И я пошел на «Милого лжеца» еще раз. В этот раз философский разговор, звучащий со сцены в исполнении двух великих актеров, увлек меня. Это было похоже на чтение захватывающего романа.

Казалось бы, одна строчка в дневнике, но она помогла мне наполнить своего Маттиаса кровью и плотью, два с половиной часа держать зрителя в напряжении и уйти из зала, где тебя держат на мушке тысячи глаз, победителем.

...Иногда слышу: вы столько лет подряд надеваете маски других людей. Они не мешают вам жить своей жизнью? Нет, я профессионал и умею отделять сцену от жизни. А сегодня утверждаюсь в мысли, что актеры гораздо меньше подвержены надеванию масок в жизни, чем некоторые публичные люди. Что такое пресловутый имидж? Та же маска. Человек выбирает себе (или ему выбирают) некую роль и вполне серьезно играет ее по жизни. То есть перестает быть собой. Такое сознательное притворство с корыстными, обратите внимание, целями. А актерская игра - дело, по сути, бескорыстное. К подобному карнавалу жизни не причастное.

Новые горизонты

Поднабравшись актерского опыта, я в какой-то момент захотел и сам ставить спектакли. Играть, даже талантливо - это одно, а видеть воплощение задуманного тобой на сцене - другое. Всегда кажется, что спектакль был бы лучше, если бы поставил сам.

Принимался я за это дело с опаской. Для начала в конце 70-х пошел преподавать актерское мастерство в театральный институт. Ставил со студентами отрывки из легких комедий, потом полноценные дипломные спектакли.

Так я шел к ауэзовскому переводу «Ревизора», который меня очень грел. Он, на мой взгляд, ни в чем не уступает оригиналу и даже лучше.

«Давай, пробуй», - сказал Мамбетов, узнав о моем желании поставить «Ревизора». Концепция спектакля ему понравилась, он вообще одобрял мои попытки самостоятельно режиссировать свои роли в его постановках.

Чтобы никто на меня не давил, в моем «Ревизоре» работала одна молодежь. В качестве художника я, например, пригласил из Караганды Есенгельды Туякова. Сейчас он главный художник Театра имени Ауэзова, а тогда его никто не знал. Мы старались никому не подражать и нафантазировали в спектакле от души. Для первого раза получилась очень даже приличная постановка, зритель ее принял. Первый и единственный раз в жизни я был занят в своем спектакле еще и как актер. Не помню, чем в этот момент был занят Ануар Молдабеков, но он почему-то не смог сыграть городничего.

А с кино у меня получилось так. Однажды на собрании в «Казахфильме» я вроде ненароком обмолвился, что попробовал себя в качестве режиссера в театре, теперь можно и в кино. Что такое пленка, свет, мотор, декорации, знаю, дескать, с юных лет, с актерами работать умею. Кто-то передал эти слова Ляйле Галимовне Галимжановой, тогдашнему председателю Госкино республики. Вызвав меня к себе, она сообщила, что китайцы сняли фильм, откровенно враждебный СССР. Теперь нам нужно дать ответ. Сценарий уже есть. Его по заказу КГБ СССР написал на основе романа «Майымхан» уйгурского классика Зия Самади Юрий Визбор. Речь в нем идет о восстании уйгурского народа, проживающего на территории Китая.

Мне, конечно, было страшно браться за столь ответственное задание, но отказываться не стал. «Чем я хуже других? - мелькнуло в голове. - Да и когда еще выпадет такая возможность - снять кино».

«Год дракона» мы снимали в Крыму. Организовано все по высшему классу, денег, поскольку это был заказ КГБ, не жалели.

Все шло как по маслу, пока не дошли до финального эпизода - казни героини, девушки Майымхан. Как решить эту сцену? Просто «отрубить» голову? Некрасиво, примитивно и грубо. А надо сделать так, чтобы эта страшная по сути сцена тронула зрителя, заставила сострадать. Я ломал голову над ней несколько дней. Решение пришло, как бывает в таких ситуациях, неожиданно. Китайского генерала в «Годе дракона» играл ныне покойный режиссер Байтен Омаров. На съемки он взял с собой пятилетнего сынишку. И вот однажды я увидел во сне сидящего на возвышении генерала. Рядом с ним малыш в зеленом костюмчике. Мальчик поднял руку, и героине дали последнее слово, а потом он резким движением опустил руку. Этот жест был понятен всем: он обозначал казнь. Эпизод, как отмечали критики, получился одним из самых ярких и смотрибельных. «Год дракона» на Таллинском кинофестивале получил приз, на Ташкентском был удостоен диплома.

После «Года дракона» Олжас Сулейменов, сменивший Ляйлю Галимжанову на посту председателя Госкино республики, сказал: «Мэтр, есть предложение для вашей спаянной боевой группы. Нужно снять фильм о Чокане».

Я понимал, что после Мажита Бегалина снимать свою версию картины будет нелегко, но радость от поступившего предложения была выше всех страхов. Правда, для приличия с задумчивым видом произнес: «Я подумаю».

В «Чокане Валиханове» я был не только режиссером, но и актером: играл Чингиза, отца Чокана. Получилось так не по моей воле. На эту роль я без всяких проб решил взять Нурмухана Жантурина, первого исполнителя роли Чокана и на театральной сцене, и в кино. Жантурин на мое предложение ничего не ответил, но когда я послал за ним машину, чтобы привезти на съемку, Нурмухан ответил отказом. Думаю, это была обычная ревность: Жантурин хотел остаться единственным в истории казахского кино Чоканом, да и как режиссера он меня не воспринимал. Но, может, и хорошо, что так вышло. Саги был рад...

Вообще режиссура - дорогое удовольствие. В этой работе, я понял, важны два качества: жесткость и доброта. Доброта ко всем, кто делает с тобой общее дело. Но вместе с тем никому, даже друзьям и близким, никаких поблажек! Наоборот, к своим еще требовательнее, еще выше планка. Если я не прав и осознал это, извиняюсь. Но если убежден в своем, меня не свернуть. Быть независимым вообще очень сложно - бьют и справа, и слева. Стараюсь не обращать внимания. Иду ровным шагом туда, куда мне суждено.

Что За стресс — КПСС!

Кандидатом в члены КППС я стал в 1974 году. До этого Сабира Майканова, парторг театра, как ни уговаривала меня, я не соглашался. Нет, я не испытывал к партии никаких негативных чувств. Напротив, уважал ее за ту дисциплину, которую она внедряла в обществе, и, оберегая свою профессию, никогда не конфликтовал с властью. Да и за что мне было на нее обижаться? Ведь все мои лучшие работы в кино и театре были сделаны в советское время. Будь моя воля, я бы обеими руками проголосовал за возврат пионерских и комсомольских организаций, членом которых был в свое время. Но в КПСС вступать побаивался, поскольку попадал то в одну, то в другую передрягу, недаром нас с Ануаром Молдабековым в театре называли хулиганами. Поэтому и отмахивался от нашего парторга. Дескать, молодой еще, вляпаюсь в какую-нибудь историю, и вы будете песочить меня на партсобрании, дадите выговор, а то и похуже - выгоните из партии и - прощай любимая профессия.

Тогда Майканова стала подбираться с другой стороны. Вроде как театр хочет выдвинуть меня в депутаты горсовета.

- Ты достоин этого, - уговаризала Сабира-апай. - В театре играешь ведущие роли, в кино активно снимаешься.

- Да зачем вам, - говорю, - брать за меня ответственность?

Но Сабира-апай была не из тех, кто легко отступает. В один прекрасный день наш парторг заявила мне, чтобы я готовился, то есть зубрил устав.

- Тебя будут принимать кандидатом в члены КППС на районном партактиве, - сказала она тоном, не терпящим возражений.

В райком я заявился с чадьяровской бородкой. Члены комиссии - все бывшие партработники. Один старик сразу кинул в мой адрес ехидную фразу: «О! Фидель Кастро к нам пожаловал». Партийная бабулька вступилась за меня:

«Он же актер. Ему, наверное, положено по долгу службы». А старик не унимается: «Положено не положено, а в партию с бородой не вступают».

Я понял, что мне пора что-нибудь сказать. Желательно юморное.

- А я подражаю Владимиру Ильичу и Марксу с Энгельсом.

Шутка не всем понравилась, но подействовала. Посыпались вопросы по существу, то есть по уставу. Я отвечал по мере возможности. Когда дошли до партвзносов, сделал идиотское лицо и выпалил:

- Взносы обязуюсь платить вовремя!

Лед, чувствую, тронулся, многие из членов парткомиссии, настроенные завалить меня, вроде как передумали это делать. В общем, я выдержал этот суровый экзамен, стал депутатом горсовета.

Из кандидатов в коммунисты меня переводили в срочном порядке. Дело в том, что Динмухамед Кунаев, возглавляя советскую делегацию в Индии, увидел громадную афишу с моим портретом к фильму «Транссибирский экспресс». Димекен спросил у сопровождавших индийцев: а кто это?

- А это очень хороший артист из Средней Азии. Кажется, из Узбекистана, - ответили ему.

- Ошибаетесь, он наш, казахстанский,-сказал тогда первый секретарь ЦК Компартии Казахстана.

По приезде в Москву Кунаев стал хлопотать о присвоении мне звания народного артиста СССР. Ради этого, как он писал в своих воспоминаниях, зашел даже к Брежневу.

Для меня известие о том, что мне собираются присваивать это звание, было как гром среди ясного неба. А уж как удивились в театре! Получалось, что я обходил многих старших коллег, например Идриса Ногайбаева и Шолпан Жандарбекову. При подготовке моих документов Кунаеву подсказали, что звание народных обычно присваивают попарно, мужчине и женщине. Чтобы соблюсти это правило, в Москву специально делегировали секретаря по идеологии Саттара Имашева. Решено было выдвигать вместе со мной мою однокурсницу по консерватории Фариду Шарипову.

О присвоении нам званий было объявлено на первомайской демонстрации 1980 года. Я стоял на трибуне вместе с членами правительства, когда сообщили об этом. По площади прошел радостный гул, а потом был шквал аплодисментов! Я спустился с трибуны, мне пожимали руки, обнимали, журналисты брали интервью... Я был похож, наверное, в тот момент на юношу Асанали, который 20 с лишним лет назад бежал по улице с новорожденным первенцем в руках. Поднимая над головой красный сверток, я кричал: «У меня сын!». Как и тогда, все люди казались мне хорошими, каждого хотелось обнять!

Я уже два года ходил в народных артистах СССР, когда однажды встретил на одном из мероприятий Еркегали Рахмадиева. Он и Газиза Жубанова это звание получили вскоре после нас с Фаридой.

Композитор сообщил, что был у Кунаева на приеме, благодарил его за хлопоты по присвоению звания.

- А что, - говорю, - это обязательно нужно делать?

- А как же! — изумился Еркегали. - Зря ты думаешь, что звание - только твоя заслуга. Надо уметь быть благодарным.

Пристыженный, я тут же позвонил помощнику Кунаева. Встречу мне назначили на следующий день, в 11 часов утра. В половине одиннадцатого я уже заходил в приемную. Ради этого случая даже надел галстук, который вообще-то никогда не ношу.

Ровно в 11 открылась дверь в кабинет Кунаева. Дюсетай, его помощник, пригласил меня войти. Димекен, раскинув руки и радушно улыбаясь, ждал посреди кабинета.

- Заходите, Асеке! - приветствовал он меня.

Я провел в его кабинете ровно 55 минут. На дворе стояла весна. Димекен рассказывал, как идет посевная в целинных краях. Затем перешел к расспросам и рассказам о великих стариках - самородках казахского театра. Говорил, что они творили на сцене настоящее искусство. Я поддакивал, подавал какие-то реплики.

- Я видел ваш творческий телепортрет, - в какой-то момент сказал Кунаев. - Вы, оказывается, ученик Аскара Токпанова.

Токпанова он вспомнил не зря. Незадолго до нашей встречи Аскар-ага, будучи на гастролях в Джамбуле, совершил нечто такое, за что его чуть не исключили из партии. Дело дошло до Кунаева. Димекен, заметив, что талант - товар штучный, в буквальном смысле спас его. Ведь исключение из партии в те времена было равносильно исключению из жизни, означало конец всякой карьере. Токпанов отделался тогда лишь выговором.

- Ну, Асеке, чем вы заняты сейчас? - в какой-то момент спросил Димекен.

За этим вопросом читался подтекст: какова, уважаемый товарищ артист, цель вашего визита?

- Я, - говорю, - давно собирался зайти к вам. Знаю, что благодаря вам авансом удостоен звания народного артиста СССР, поэтому в дальнейшем буду трудиться не покладая рук.

Кунаев остался очень доволен. Обычно к нему заходили с какой-нибудь просьбой и редко - со словами благодарности.

- Для вас, Асеке, двери моего кабинета всегда открыты, - сказал он. - Встречаться с людьми искусства - для меня радость.

Его приглашением я воспользовался, когда киностудии присвоили имя Айманова. В 1970-м, сразу после смерти Шакена Кенжетаевича, творческая интеллигенция обращалась к главе республики с рядом вопросов касательно увековечивания имени Айманова. Большинство вопросов - издание книги воспоминаний, присвоение его имени школам и так далее - решилось положительно. И только десятый вопрос - дать киностудии имя Айманова - Кунаев отложил на потом. Он тогда пророчески предрек, что лет через десять имя Шакена, очистившись от налипших слухов, клеветы и грязи, станет легендой.

- И тогда, - сказал он, - никому уже не придется доказывать, что Шакен и киностудия - это единое целое.

Я все время помнил об этом разговоре. В 1983-м я пришел к председателю Совмина Байкену Ашимовичу Ашимову.

- Как же так? - помнится, говорил я. - В соседних республиках киностудиям давно уже присвоены имена первопроходцев национального кино. В Туркмении - киностудия имени Алты Карлиева, в Узбекистане - Камиля Ярматова. И только наша киностудия все еще безымянная.

Байкен Ашимович, выслушав мои доводы, сказал, что поговорит с Кунаевым. И сделал это, не откладывая в долгий ящик. Кажется, через месяц после моего визита киностудия стала называться именем Шакена Айманова. Друзья, соратники и ученики Айманова решили, что на прием к Кунаеву должен пойти я. Мне опять назначили встречу на 11 утра. На этот раз пришлось подождать. Минут через 15 из кабинета Кунаева вышел Байкен Ашимович.

- Извини, Асеке, я съел часть твоего времени, - улыбнулся он.

Теперь Димекен был сух и официален. Если при первой нашей встрече не было ни одного вопроса, который касался бы каких-то клановых отношений, то в этот раз он почему-то спросил, из какого я жуза, к какому роду принадлежу. Признаться, меня это неприятно задело. Я всегда считал и считаю, что деление по такому признаку -самое уязвимое место у нашего народа. А сейчас, когда этот «пункт» стал основным при приеме на работу, при карьерном росте, - это уже страшно. Что же получается, если человек талантлив, но при этом не вписывается в клановую сетку, то и дорога ему закрыта?

У меня сын родился!

Оглядываясь сегодня назад, признаюсь себе

- я мало уделял внимания семье. Сыновья росли без меня. Думаю, это беда многих людей искусства: творчество эгоистично, оно всегда на первом месте, его не поделить на доли и части; сказать свое слово в искусстве можно, только принадлежа ему целиком. Порой я мысленно задаю себе вопрос: а если бы все начать сначала, смог бы я стать для Мади и Саги другим отцом

- более внимательным и нежным? И прихожу к выводу, что не смог бы раздваиваться - тогда бы не получилось ни там, ни здесь.

... Наш первенец родился в последние дни августа 1959 года. Первого сентября мы с матерью пошли забирать Майру из роддома. С собой нужно было принести одеяльце. Дома, кроме большого красного платка, ничего не нашлось. В него и завернули малыша. Я и сам был в ту пору почти мальчиком - всего 22 года, но когда взял красный сверток в руки, отвернул уголок и увидел маленькое личико с такими же, как у меня, широкими скулами, я почти вприпрыжку бежал с ним по улице и говорил всем встречным: «У меня сын родился!»

Вечером к нам пришли родители Майры, сестра ее матери, Шара Жиенкулова, и брат отца

- Каукен Кенжетаев. Шакен Кенжетаевич и дал имя своему первому внуку. Он его назвал Мади в честь своего умершего в детстве первенца.

Кстати, очень сдержанно относясь ко мне, Шакен-ага любил возиться с внуками. Из всех поездок привозил им подарки. Хохотал до слез, когда шестилетний Саги, схватив домбру, начал однажды наяривать дедовские песни из фильма «Алдар-косе».

- Будет не меньше чем первым секретарем ЦК, - шутя, предрекал он будущее шустрому младшему внуку.

На нашей съемной квартире, куда мы принесли своего первенца, какие условия для малыша? Никаких! Печку топили сами, воду носили с колонки, младенца купали в обычном жестяном корыте, в котором стирали белье. О детских садиках и понятия не имели. Мади, как потом и Саги, воспитывала апа - моя мать. Благодаря ей они, городские парни, так хорошо знали и язык, и обычаи, и традиции своего народа.

Саги появился на свет 18 июля 1961 года. Он был точь-в-точь мать. Те же тонкие, точеные черты лица и такой же впечатлительный, мягкий характер. В детстве у него был страшный диатез, оттого малыш рос капризным и плаксивым. Ночью спал очень плохо. Однажды, когда младший опять принялся за свое нытье, я обреченно сказал: «Басталды» - «Началось». И тут годовалый мальчишка произнес свое первое слово. Он запальчиво выдал: «Басталды деме!» - «Не говори, что началось!».

Я не замечал, как росли мои дети. Увлеченно работал в театре, снимался в кино, дома бывал мало. Мне кажется, в детстве они были не шаловливыми. По крайней мере, не помню (а может, не замечал), чтобы они что-нибудь ломали или кто-то жаловался бы на них.

Я к ним обоим, особенно к старшему сыну, относился как к младшим братьям. Любил их, но считал, что они должны расти мужчинами, а потому держал дистанцию. Не помню, чтобы обнимал или целовал мальчиков. Носил ли я их на руках, ходил ли с ними куда-нибудь вместе? Возможно, так было, но в памяти такие моменты не всплывают. Видимо, делалось это впопыхах, на бегу, ведь я в те годы вечно куда-то торопился, мне надо было

везде успеть - играть в театре, сниматься в кино, не пропустить ни одной веселой вечеринки после премьеры...

Однажды я водил сыновей на елку в театр. Мади тогда было шесть, а Саги - четыре. Шустрый младший прочитал стишок, спел песню и получил подарок от Деда Мороза. Старшему стало обидно. Мади быстро выскочил в круг и повторил услышанное от братишки. Мне это понравилось: «Слава богу, не мямля!».

Став взрослыми, сыновья очень дружили со мной, но пока росли, мать была им ближе. Саги после 9-го класса выгоняли из школы (он с одноклассниками первый раз в жизни выпил, а потом учинил драку), были, оказывается, большие разборки, его даже хотели исключить с «волчьим» билетом. После этого оставалась одна дорога - в ПТУ. Майре как-то удалось договориться, замять скандал и перевести сына в другую школу. Я узнал об этом, когда Саги уже собирался получать аттестат. Я не бранил его, не читал нотаций. В глубине души даже одобрил его поступок, или, вернее, проступок. «Мужик!» - подумал я тогда не без гордости.

Я вообще почти никогда не делал замечаний ни Саги, ни Мади, но они, я чувствовал, почему-то робели передо мной. Например, ни разу не видел, чтобы Саги при мне выпивал. А если закуривал, то тут же выбрасывал сигарету, едва на горизонте появлялся я.

Мади, каюсь, я ударил однажды. Его жена Айжан пожаловалась мне, что муж поднял на нее руку. Дав пару затрещин, я сказал сыну: «Не смей бить женщину!». Сейчас, вспоминая этот случай, я бы посоветовал всем молодым: уж лучше решайте свои проблемы сами. Не надо вмешивать родителей в мелкие семейные ссоры.

Профессии сыновья выбрали, не советуясь со мной. Однажды я приехал с гастролей и узнал, что Мади поступил в архитектурный. Это я принял как должное. Архитектор - хорошая, серьезная профессия, а сама архитектура - один из видов искусства.

Мади был серьезным, фундаментальным парнем. Женился только единожды. Его избранницей стала дочь художника Карсакбаева, с которым мы работали на «Транссибирском экспрессе». Айжан была однокурсницей Мади. После института они вместе работали в какой-то архитектурной организации, потом Мади забрали в ЦК комсомола республики инструктором. Тут начались новые времена, и сын открыл фирму «Майра». Правда, я так и не узнал, чем он там занимался. Позже с моей помощью

основал независимый телеканал «Шахар». Старший у меня вообще был очень рассудительным. Сейчас Мади, при его способностях, стал бы, наверное, видным бизнесменом. А вот Саги был другим - живчик, юморист, большой ребенок до самой смерти. Когда он поступил на актерский факультет, я присел! Уезжал на гастроли - сын был еще школьником, а приезжаю - уже студент театрального института! Я расстроился, честно признаюсь.

- Зачем тебе это нужно? - сказал я ему. -Нашей семье хватило бы и одного актера.

Думаю, его желание стать актером - отчасти подражание мне. Сам острослов, он заразительно хохотал над моими шутками, гордился, что я всегда в центре внимания; мы с ним вместе рисовали шаржи на общих знакомых. Оказавшись вместе со мной в одной компании, сын подначивал: «Ага, расскажи еще вот этот анекдот».

После окончания института Саги пришел в Ауэзовский театр. Благодаря своему легкому характеру-он ведь был балагур и шутник-быстро обзавелся друзьями, его здесь полюбили. Я был рад, что он выбрал театр, хотя мог бы пойти и на киностудию (за его плечами было уже несколько ролей в кино). Я советовал ему не гнушаться эпизодическими ролями, почаще участвовать в массовках. И он начинал именно с них, хотя по своим внешним данным и возрасту мог бы играть и Ромео. Но когда актер начинает карьеру с громких ролей, это, считай, актер одной роли. Дальше уже очень трудно удивлять. Так ведь случилось с Меруерт Утекешевой. Очень юной она сыграла Кыз Жибек, но кто видел ее потом в столь же яркой, значительной роли?

С моим сыном, если уж быть до конца честным, кино тоже сыграло злую шутку. Он прославился в роли Чокана, когда ему едва перевалило за двадцать. После этого у Саги яркой работы в кино не было, если не считать одну из главных ролей в сериале «Перекресток».

В Ауэзовском театре сын прослужил немного. Вскоре после моего назначения на должность директора и художественного руководителя театра Саги заявил: «Ага, я, наверное, уйду на киностудию».

- А что случилось? - удивился я. - У тебя же здесь все хорошо.

- Я теряю друзей. Они замолкают, как только я вхожу в театр. Некоторые даже стали называть меня Саке, другим кажется, что директорский сынок все

доносит отцу. А потому нас, казахов, сам знаешь, есть пословица: головы двух кошкаров не поместятся в один казан.

Последнее его замечание меня, конечно, развеселило. Мой юный сын наивно считал себя кошкаром - актером, равным отцу! Его желание уйти на киностудию я не одобрил, но другого выхода не было.

- Давай, если так, - сказал я и подписал свой первый приказ в должности директора - об увольнении из театра актера Саги Ашимова.

Когда труппа узнала об этом, кинулась ко мне с вопросами: «Что, что случилось? Что он такого сделал?».

- Да есть, - отвечаю, - причина.

Позже, когда в театре поползли интриги против меня, письма в ЦК, Саги сказал однажды: «Ага, если кто-то из твоих врагов поднимет руку на тебя, убью этого человека не задумываясь!».

Несовместимо с суетою: «Чокан Валиханов»

Почему я взялся за съемки художественного фильма «Чокан Валиханов»? Прежде всего, конечно, потому, что меня восхищала эта личность. Сценарий сценарием, но, стремясь поглубже узнать Чокана, я познакомился с его трудами, перепиской с современниками. Я зауважал его за умение найти подход к «трудному» Достоевскому, ведь это не удавалось даже родному брату Федора Михайловича, редактору «Современника» Михаилу Достоевскому. А как я был восхищен его жадным любопытством в познании мира! Если сравнивать Чокана с драгоценным камнем, то это настоящий восьмигранник. Не было той области человеческой деятельности, которой бы Чокан не интересовался. Знакомясь с его произведениями, перепиской, я обратил внимание на оригинальный стиль письма. Никакого пафоса, повышенной эмоциональности, есть легкая ирония и при этом меткость, афористичность слога. Не зря говорят: хорошо излагает тот, кто хорошо думает.

Только начав осваивать русский язык (а этот процесс шел у него очень быстро) и русскую литературу, он проникся мечтой - совершить путешествие в глубинные районы Центральной Азии. Вполне в его духе. Ведь чем Чокан привлек внимание представителей омской интеллигенции еще в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе? Любознательностью, стремлением как можно полнее объять окружающий мир. И Чокан, как я понял, не был

аскетом, только и знающим, что корпеть над бумагами. Нет, он был живым человеком, плотью от плоти своего времени. Любил светские тусовки, легко тратил деньги, был неравнодушен к красивым, роскошным вещам. Все это, на мой взгляд, только характеризует его как прекрасную разностороннюю личность.

В том, что Чокан так рано ушел из жизни, думаю, есть некая закономерность. Ведь Пушкин не случайно сказал, что талант до 15 лет жадно набирается мыслей, чувств и знаний, а затем на протяжении отпущенной ему жизни перерабатывает эту информацию. Ни одного из этих «скороспелок» - ни самого Пушкина, ни Лермонтова, с которым так часто сравнивают Чокана, ни самого Валиханова, а если брать XX век, то Есенина и Высоцкого- просто невозможно представить 70-летним. То, что они так быстро сгорают по видимой или незримой причине - это удивительный неписаный закон природы.

Что интересно, 29-летний Чокан не воспринимался мною как человек, намного моложе меня по возрасту. Напротив, я казался себе совсем незрелым в сравнении с этой глубокой, содержательной личностью.

Вот так на волне увлеченности и влюбленности в Чокана я начал работу над фильмом. И сделал для себя еще одно открытие - своего младшего сына, который сыграл в моей картине главную роль. Мы искали исполнителя главной роли по всему Казахстану.

Вначале прошлись по актерам - никто не подходил. Тогда пошли по институтам, искали среди студентов. И снова безрезультатно. Приезжаю как-то из очередной неудачной командировки, а съемочная группа подготовила фотопробы моего сына - третьекурсника театрального института Саги Ашимова! Смотрю на загримированный профиль и вижу - точно Чокан!

До этого Сабира Майканова говорила мне: «Что ты мучаешься? Попробуй своего сына». А я даже не обратил внимания на ее слова. Я к Саги относился как к мальчику-подростку. Какой из него Чокан!

А тут смотрю на фотопробы и вижу - права Майканова. Сделали кинопробы. Показали в ЦК (в те годы утверждение на роли в подобных картинах шло только там). Инструкторы Центрального комитета Компартии Казахстана Аширбек Сыгаев и Куаныш Султанов не одобрили мой выбор. Во-первых, сказали они, вызывает подозрение, что претендент на роль - твой сын, а потом он у тебя полноват, совсем не похож на степного казаха.

Я возразил: лишний вес - так мы исправим, это в моих руках. Самое главное, есть внешнее сходство. С того дня Саги стал каждый день пропадать в бассейне и сауне, а вместе с ним и я, чтобы контролировать процесс. Он вытянулся и сбросил лишние пять-шесть килограммов за три недели. Сделали еще одну экранную пробу. Чтобы не подумали, будто пропихиваю сыночка, я покинул зал, где шел просмотр. Инструкторы ЦК остановились на Саги, хотя пробовались еще три актера.

В процессе съемок я продолжал держать Саги на строгой диете. Английскую соль он глотал ложками до тех пор, пока не открылся кровавый понос. Я не уставал повторять ему: «В твоих глазах должно читаться страдание человека, умирающего от туберкулеза». Чтобы щеки казались впалыми, заставлял сжимать зубы при разговоре. Когда шли съемки в Ленинграде, в три ночи звонил ему в номер и требовал повторить текст роли.

Вся съемочная группа после тяжелого дня выезжала вечером куда-нибудь отдохнуть, но Саги с собой не брали.

- Гулять будем мы, а ты готовься, - говорил я ему. - Повторяй роль. Ты не должен подвести меня. На мне двойная ответственность - за фильм и за тебя.

Иначе я не мог. Многие, а недоброжелателей, как всегда, хватало, ждали провала картины.

Сам Саги в одном из интервью (сентябрь 1999 года) рассказывал: «Как-то после очередного эпизода отец не сдержался: «Черт побери! Дали такую сложную постановку, а я на свой страх и риск решил снимать тебя - как же об этом жалею! Ничего у тебя не получается!». И уехал со съемочной группой на пикник. Я остался в юрте один. Не знал, куда себя деть... Порвал на себе рубашку от горя и проплакал всю ночь. Утром слышу голос отца: «Саги!». Выхожу - голодный, усталый, с красными опухшими глазами. Отец сразу закричал: “Готовьте съемочную площадку. Снимаем больного Чокана!”. А чтобы усилить эффект достоверности и показать обессилевшего, умирающего от туберкулеза Чокана, меня в тот день еще несколько раз погоняли по горам».

В съемочной группе, на глазах у которой все это происходило, пошли сплетни. Дескать, Саги - неродной сын Ашимова, поэтому он так и издевается над парнем. Сын обижался, не разговаривал со мной. Его постоянно мучили голод и жажда, ему хотелось выспаться. Короче, я его чуть не угробил. Но потом, просматривая шикарные сцены, где больной Чокан общается с Достоевским и Чернышевским, Саги сказал: «Ага, спасибо тебе, ты был

прав». К концу съемок его уже не надо было подгонять, он сам стал творчески подходить к своей роли.

Часть съемок проходила в Хиве. Туда мы забирали под мою ответственность около десяти единиц съемочного спецтранспорта. Нам его скрепя сердце дали дней на двадцать. А потом я его самовольно, рискуя партбилетом,отправил товарным составом в Ленинград, где были запланированы основные съемки. Я, конечно, шел ва-банк, но когда вопрос стоит ребром - пан или пропал, надо рисковать. Киношное руководство рвало на себе волосы. Я, по обыкновению, сыграл под дурачка: не знал, не подумал и так далее. А не отправь я транспорт, неизвестно еще, как сложилась бы судьба картины. На чужих студиях не очень-то любят делиться своей техникой. За три месяца работы в Ленинграде мы закончили три серии.

Тогда первым секретарем Ленинградского обкома был друг Кунаева - Романов. Он шел навстречу любым нашим просьбам. Был даже момент, когда ради нашего фильма свернули троллейбусную линию, иначе натура не соответствовала бы историческим реалиям. И доклад Чокана, с которым он вернулся из Кашгарии, мы снимали в том самом зале, где Валиханов когда-то выступал перед членами Российского географического общества

В Ленинграде нам надо было построить квартиры Достоевского и Чернышевского. На наше счастье (звучит цинично, но киношники меня поймут), там сгорел один дом, но стены и комнаты в нем уцелели. Мы дали охране взятку, десять рублей, и построили там декорации. В итоге квартиры героев обошлись нам в копейки. Думал, похвалят меня за сэкономленные деньги, но не тут-то было - чуть было выговор не получил за отступление от сметы.

В Москве, на просмотре в «Останкино», нас забросали вопросами: почему в России не знают этого человека? Кто он такой - этот Чокан Валиханов? Насколько достоверен эпизод, где он встречается с Достоевским? Почему Достоевскому досталась эпизодическая роль?

Я на эти вопросы ответил так. В России Чокана не знают потому, что его имя не отражено в учебниках истории, от малого знания тоже бывают большие печали. А что касается достоверности встреч Чокана с Достоевским, то вот они, его письма, адресованные Чокану. Там, кстати, есть такие слова: «Валиханчик, ты мне ближе, чем родной брат». А уж относительно того, почему Достоевскому отведена эпизодическая роль, то, извините, фильм вообще-то не о нем, а о Чокане Валиханове.

- К тому же Достоевского великим признали сейчас, а тогда он был всего лишь каторжником, - помнится, сказал я с вызовом.

Дерзил я потому, что чувствовал: еще немного и, придравшись к мелочи, фильм могут положить на полку.

Мы предполагали выпустить «Чокана Валиханова» на экраны в 1983 году. После просмотра в Госкино СССР картиной уже заинтересовались на зарубежном кинорынке. Был заключен предварительный договор на прокат. Но мы показали отснятый материал Кунаеву, он внес несколько предложений - включить в фильм приезд Чокана в Верный, его встречу с генерал-губернатором Колпаковским, женитьбу и смерть... И нам пришлось дописывать сценарий и снимать четвертую серию. На это ушло около двух лет, договор с зарубежными прокатчиками за это время был аннулирован. Тем не менее съемки картины «Чокан Валиханов» шли в целом как по маслу. Так, видимо, было угодно Всевышнему.

Один интересный момент. Когда мы сдавали каргину в Казахстане, умер академик Маргулан, научный консультант нашего фильма. На поминальном обеде выступил с речью Габиден Мустафин, его глубокие философские мысли взволновали и затронули каждого из нас. Жаль, что никто из присутствовавших не записал его слов. Мне запомнилась только финальная часть речи. Говоря о покинувшем этот бренный мир академике, Габиден сказал: «Біз де атымызды ерттеп отырмыз» - «И я тоже сижу на оседланной лошади». На следующий день Мустафин умер... Я не знаю, что это было, - совпадение или предчувствие?

И еще один случай, связанный со съемками «Чокана Валиханова». В одном из эпизодов лошадь ни в какую не слушалась Саги, мы не могли взять ее крупным планом, как того требовал сценарий. И я, разозленный упорством животного, со всего маху ожег его камчой. Через некоторое время ко мне подходит Саги: «Ага, она плачет». Смотрю, и в самом деле, у лошади скатываются по морде крупные слезы... Кто знает, может быть, все, что случилось позже с моей семьей, когда мой дом опустел в считаные годы, - это и есть проклятие той лошади? Ведь недаром бытует поверье, что среди этих животных, а еще лебедей и джейранов обитают священные существа, чья кара бывает страшной. Лошади вообще занимают особое место в жизни степняков. Ахан-серэ, рассказывают, построил сауну для своего Кулагера, а когда его конь испустил дух, то похоронил его как родного сына и... сошел с ума после этого.

... Сейчас, когда нет уже ни Мади, ни Саги, мне очень больно: почему же я был так неласков с сыновьями? Ну что мне стоило лишний раз погладить по голове или приобнять, пока были маленькими? А когда стали взрослыми самостоятельными мужчинами, я мог месяцами не видеть их, не вспоминать о них целыми днями. Но вот их не стало, и они снятся каждую ночь. Особенно Саги Его голос я долго слышал как наяву. Однажды, это было в больнице, я едва не проспал очень важную процедуру. Но ровно в восемь услышал громкий голос младшего: «Ага, вставай!».

Может, это и покажется кому-то глупым суеверием, но я убежден, что мои мальчики - жертвы чьих-то недобрых и завистливых глаз. Яркие, красивые, здоровые парни, они оба никогда не болели. Мади попал в больницу единственный раз в жизни с банальной, казалось бы, болячкой - замучила изжога. Я был в командировке, когда узнал, что его с приступом увезли на «скорой». А когда прибежал в больницу, сын успокоил меня: «Ничего страшного, ага». А сам, оказывается, еле сдерживал рвоту. Он терпел до тех пор, пока за мной не закрылась дверь. В тот момент мой мужественный сын думал не о себе. Он жалел меня, боялся, что со мной что-нибудь случится.

Месяца через два я было забеспокоился - что-то слишком долго он лежит в больнице после операции на поджелудочной железе, но врачи обнадежили. Дескать, дней через 20 поставим на ноги.

А потом было уже поздно. Нет, я пытался что-то сделать, поднял на ноги всех, кто мог чем-то помочь. Добился, чтобы Мади повезли в Германию, но врачи во главе с академиком Алиевым остановили. «Бесполезно», - сказали они. Мади скончался в тот же вечер - 5 января 1999 года. Он уже ничего не слышал и, возможно, не видел, но последний его взгляд до сих пор перед глазами. Он словно хотел сказать: «Что теперь с тобой будет, отец?!».

С той поры я узнал, что такое давление. Когда оно в день смерти Мади подскочило до 220, врачи уже стали бояться за мою жизнь.

Из интервью с Саги Ашимовым (сентябрь 1999-года): «Я вам расскажу сокровенное.

Когда нынешней зимой умирал после неудачной операции мой старший брат, отец спросил у него: «Мадиша, ты, наверное, сильно устал?». Брат уже не мог говорить, но нашел в себе силы написать на листке бумаги: “Когда рядом со мною отец, я просто не имею права уставать”...

Саги вообще никогда ни на что не жаловался. Вечером 17 октября пришел после работы ко мне. Я его еще упрекнул: «Что ж ты домой не идешь? У тебя ведь семья». Аон мнетаксулыбкой: «Агашка, я хочу побыть с вами - с тобой и апашкой».

Но я в тот вечер ушел в гости, моя тогдашняя супруга Гульбану с сыном Олжасом уехала к подруге. Саги после нашего ухода, как рассказывала потом моя мать, долго принимал ванну, потом она ему постелила в гостиной, он лег спать. А в шесть утра раздался страшный крик моей матери: «Ойбай!».

Мой мальчик умер во сне. Случилось это 18 октября 1999 года. Врачи сказали - сердце, давление, а я до сих пор не верю, что он недомогал. Для меня его внезапная смерть по-прежнему остается загадкой.

В детстве сыновья, как и все дети, часто дрались между собой, но, став взрослыми, очень дружили и любили друг друга. Уже после похорон мой друг Акселеу Сейдимбек рассказал, что Саги в тот холодный январский день, когда хоронили старшего брата, в слезах пообещал у могилы: «Мадишка, я тебя одного не оставлю».

Акселеу его выругал: «Не смей говорить такие слова! Ты хочешь убить отца?!».

...День похорон Саги я помню смутно. Что-то говорил за поминальным столом, когда вышел из ресторана, былочувство, что умираю. Вочередной раз подскочило давление, перепуганные врачи вкололи двойную дозу лекарства. Давление упало с 220 до 90. Шел, а земля казалась ватной Все дорогие мне люди ушли раньше меня. Я остался один. Как вынести это, как принять непоправимое? Но Всевышнему было, видимо, угодно, чтобы я не только выжил, но и начал жизнь заново.

Холодная Зима 1986-го

16 декабря 1986 года мы с режиссерами Кадыром Жетписбаевым и Сериком Жармухам-бетовым улетели в Москву. Я сдавал картину «Полынь», они - «Турксиб». О том, что в Алма-Ате что-то произойдет в этот и последующие дни, я не то что не знал - не придавал значения некоторым настораживающим моментам. Меня, конечно, возмущало то, что на состоявшемся накануне пленуме ЦК, который шел всего 18 минут, сняли Кунаева и поставили во главе республики никому неизвестного человека по фамилии Колбин. Но как человек глубоко аполитичный я не зацикливался на размышлениях на эту тему.

Возвращаясь 16-го в 11 утра из киностудии, на площади Брежнева я видел небольшую толпу людей. Но голова была занята другим - как побыстрее собраться в дорогу и успеть в аэропорт. Забежал домой, тут как раз Саги пришел с репетиции. Вместе с ним были его друзья. Сын сказал, что они собираются на площадь. Эта информация опять проскочила у меня мимо ушей. Я думал только о том, как не опоздать к самолету.

Прилетели в Москву, а вечером в гостинице нашего постпредства слышим по радио страшные новости в Алма-Ате бесчинствующие хулиганы, накачанные алкоголем и наркотиками, прикрываясь националистическими лозунгами, убивают мирных людей - беременных женщин, стариков и детей, поджигают машины. Первая мысль- Саги! Он же говорил, что пойдет на площадь. Кинулся звонить, а связи нет. Ее не было до 22 декабря. Улететь домой тоже было невозможно- все гражданские рейсы отменены, в Алма-Ату вылетали только самолеты с военными. Позже говорили, что в казахскую столицу были отправлены несколько спецдивизионов, где служили одни сироты Перед солдатами без роду и племени была поставлена задача - подавить бунт.

Было тревожно и страшно, но я все равно не верил, что власти пойдут против народа. В Москве отношение к нам, представителям Казахстана, в те дни резко изменилось. Даже старухи-вахтерши, которые работали в постпредстве, шипели нам вслед: «Бандиты!», в ресторанах нас не хотели обслуживать.

Когда наконец 23 декабря мы прилетели домой, то первое, что я услышал от людей на улицах: как же вы, Асанали-ага, могли пойти против своего народа?!

Оказывается, 17 декабря в газетах вышло обращение к народу, где известные в республике люди осуждали события, происходившие 16-17 декабря на площади Брежнева. Среди прочих подписей была и моя.

Я, естественно, кинулся писать протесты, но никто их не публиковал. Я требовал, чтобы мне организовали встречу с общественностью Но удалось выступить только перед коллективом АХБК. Эту встречу мне помогли организовать хорошо относившиеся ко мне люди из ЦК

Саги, к счастью, уцелел в тех событиях благодаря другу нашей семьи - офицеру КГБ, который стоял в оцеплении. Он по праву старшинства просто прогнал моего сына с площади.

О том, насколько же страшно в те дни было в столице, можно судить по Азербайжану Мамбетову. Когда я вернулся в город, он лежал в больнице с травмой головы Как только услышал об этом, я пошел его навестить. Поговорить нам толком не удалось, у палаты стояла вооруженная охрана Оказывается, Мамбетов вместе с Жаманкуловым на машине актера 16 декабря приехал на площадь. Будь я в те дни в городе, наверняка поехал бы с ними. Меня на это подвигло бы мое природное любопытство Так вот, Жаманкулов, едва они приехали, куда-то быстро исчез, Азербайжан остался на площади. Солдаты-манкурты, которые, как заведенные, крушили все налево и направо, ударили его саперной лопаткой. С проломленной головой народный артист СССР, лауреат Госпремии, член бюро ЦК Компартии Казахстана, депутат Верховного Совета упал в арык. Потом его, окровавленного, в полубессознательном состоянии, в одном ботинке (другой где-то затерялся) закинули в машину и вывезли за город...

С той поры в жизни Азербайжана началась черная полоса. Его после выздоровления то и дело вызывали на многочасовые допросы. Готовилось исключение из партии. В один из дней он, по натуре вспыльчивый и независимый, не выдержав морального и психологического давления, а главное, оскорблений, написал заявление об уходе из театра. Позже Мамбетов возвращался в театр, а там заклубились новые издевательства. Теперь уже травлю организовал человек, которого он некогда принимал на работу....

«Брось, не обращай внимания. Противник должен быть достойным тебя, иначе ты сам измельчаешь с ним вместе»,-пытался я отговорить режиссера от склоки с новым директором театра, в которую он ввязался. Однако Азербайжана уже трудно было остановить...

Единственным светлым пятном в эти годы была награда «Халык; Kahарманы», которую Мамбетов получил после того, как поехал поднимать театральное искусство в Астане. Но что это высокое звание, если творческий человек, так много сделавший для национального театра, был сломлен?

В те декабрьские дни я очень зауважал Жубана Молдагалиева. Поэт-фронтовик, выступая на собрании Союза писателей, где принимал участие новоиспеченный первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, глядя в глаза Колбину, во всеуслышание заявил: «Я жалею, что не погиб на фронте. Уж лучше это, чем видеть, как в мирное время власти так жестоко расправляются с народом».

Мне кажется, что в те декабрьские дни как нельзя ярко проявился характер нашего народа: терпеть до последнего, а потом разом встать перед вопросом «быть или не быть?». Декабрь 86-го дал мощный толчок формированию национального самосознания и уважения к самим себе, обострил нашу историческую и человеческую память. Такие точки есть в истории каждого народа. Не случайно их называют маркерами, которыми обозначены самые важные направления его дальнейшего пути. Для нас это стало началом независимости.

Это не мое вино
(история моего назначения директором театра)

Предложение возглавить Театр имени Ауэзова свалилось как снег на голову. Однажды вечером мне позвонил домой заместитель министра культуры Аширбек Сыгай с уговорами стать директором и одновременно художественным руководителем театра. Я не дал согласия. Директорство меня не прельщало, я был доволен своей актерской работой, к руководящему креслу не рвался, да и не был к нему готов. Об административной и репертуарной политике, не говоря уже о финансовых вопросах, я имел весьма смутное представление. Перефразируя Сабиру Майканову, я бы сказал, что это было не мое винО. Да и перед Мамбетовым было неудобно.

Месяца через два или три Сыгай позвонил вновь. Теперь он стал бить по моему самолюбию. Вахтанговский театр возглавляет Михаил Ульянов, Большой драматический театр - Кирилл Лавров...

- Чем вы хуже их? - наседал на меня замминистра. - Что вам стоит попробовать, хотя бы временно возглавить театр?

В общем, он, надавив на нужные струны, дал мне уговорить себя. На доводы типа «Азербайжан мне этого не простит» показывал собственноручно написанное Мамбетовым заявление. Ануар Молдабеков, мой бескорыстный и честный друг, возможно, удержал бы меня от этого шага, дал бы какой-нибудь дельный совет, но его рядом уже не было. Годом раньше он ушел из жизни.

И с той поры моя жизнь в любимом мною театре превратилась в ад. Я был слишком мягок и демократичен, с моей стороны было много панибратства с актерами, разговоров по-свойски «за жисть». Отсутствие жесткости, дистанции сыграло со мной злую шутку. Я еще и сделать ничего не успел, как появилась театральная оппозиция. Возглавил ее молодой тогда еще актер, мой, как говорится, заклятый друг. Пошли письма-доносы в ЦК. Аргументы

при этом были смешные. Дескать, Саги Ашимов получил Госпремию республики за роль Чокана Валиханова в одноименном фильме только потому, что за него ходатайствовал отец. И вообще, надо бы разобраться, как сам Ашимов умудрился получить звание народного артиста СССР. «Мне смешно от того, что он носит это звание», - сигнализировал «главный оппозиционер» в своих письмах наверх.

Люди, подписывавшиеся под этими доносами, общаясь со мной сегодня, чувствуют себя очень неуютно, в их глазах читается вина. Но я их простил и ни словом не упрекнул, потому что осознание вины - уже признак того, что имеешь дело с человеком пусть заблудившимся, но Достойным. Но если человек, становясь актером не на сцене, а в жизни, норовит бессовестно оболгать, перевирает факты, делает подлости, в спорах на профессиональные темы использует нечестные приемы, но при этом ведет себя так, будто все это в порядке вещей, то нет такому прощения. И таких людей при всей миролюбивости моего характера, нежелании идти с кем-то на конфликты я не прощаю и руки не подам до конца жизни.

Впрочем, письма-доносы в ЦК были еще цветочками. Главное испытание ждало меня впереди. В 1988 году Театр имени Ауэзова выехал на гастроли в Москву. Мне бы настоять на их отмене, но я не сделал этого - недальновидность тому виной или неумение слушать свой внутренний голос, не знаю. Возможно, не будь этих гастролей, все постепенно вошло бы в свою колею: приглашал бы в наш театр на договорной основе известных российских режиссеров, изменил бы репертуарную политику и наряду с кассовыми, на потребу дня легкими спектаклями делал хотя бы раз в год серьезные «фестивальные» постановки.

Мои смутные предчувствия оправдались. Столица нас приняла настороженно. Сказались декабрьские события 1986 года: на нас смотрели как на националистов, разрушающих братский Советский Союз. Не было поддержки Министерства культуры республики - обычно его представители загодя организовывали московскую прессу, презентовали театр, готовили зрителей. С театром я выезжал один.

В Москве нас ждали пустые залы и убийственные рецензии московских критиков, которых, полагаю, очень хорошо подогревали представители доморощенной театральной оппозиции из Алма-Аты. Московские режиссеры Олег Ефремов, Марк Захаров, Георгий Товстоногов были удивлены: «Как?! Азика сняли? Да ведь в Казахстане, кроме него, и режиссеров-то нет». Это и на самом деле было так. Азербайжан был

блестящим режиссером-постановщиком, все, что появлялось после него, лишь бледное ему подражательство.

Европеец по менталитету, яркий и выразительный постановщик, Мамбетов сделал революцию в национальном театре, вдохнул в него новую жизнь. Застывшую каноническую трактовку классических образов он заставил сменить на более жизненную, осовременил ее, первым начал выводить актеров в зрительный зал, применять световые эффекты... Зритель

- и не только казахский - был покорен этими новшествами.

Что и говорить, при Мамбетове в середине 60-х и начале 70-х годов состоялся творческий взлет Ауэзовского театра, он вошел в четверку лучших театров Союза. На этой почве выросли и я, и Ануар Молдабеков, и Фарида Шарипова... Но чтобы достичь этого, Мамбетову пришлось ломать традиции актерского театра, политику которого определяли такие личности, как Калибек Куанышбаев, Елубай Умурзаков, Серке Кожамкулов, Шакен Айманов, Хадиша Букеева, Сабира Майканова.. Мамбетов, обновляя театр и придавая ему новое звучание, должен был идти на неминуемые жертвы. Он прекрасно понимал, что на одном-двух актерах постоянного репертуара не построишь, что театр

- искусство коллективное. Кроме того, он думал о перспективах подрастающего поколения, новых аймановых и жантуриных, которые могли бы подхватить эстафету старшего поколения и, не повторяя их, засверкать по-новому.

В силу этого Мамбетов, став главным режиссером Театра имени Ауэзова, вынужден был выбирать: либо работать во имя театра и поднимать его, либо пойти на поводу у актеров-личностей. В последнем случае ему пришлось бы шагать по проторенной дорожке и не думать о тех преобразованиях, которые уже шли в ведущих театрах Союза (в московских театрах, в частности, творческую политику определяли уже не большие актеры - их время постепенно уходило, а режиссеры) Мамбетов выбрал первое...

Те, кто его критикует как режиссера, почему-то забывают, что звания многим актерам Казахского театра драмы принесли именно постановки Азербайжана Мамбетова. Да, он бывал жестоким на репетициях, но это было продиктовано необходимостью. Совсем еще молодой режиссер говорил именитым актерам, что за пределами театра он готов отдать им душу, но сцена - это их рабочий станок, и здесь они должны пахать до седьмого пота.

Что касается конфликта с Нурмуханом Жантуриным, чей уход многие ставят ему в вину, то Азекену не вставать бы на дыбы, а Нуреке перетерпеть немного, и тогда из этого союза наверняка вышло бы великое сотворчество. Но, увы, две незаурядные личности не смогли найти общего языка. Они оба этот разрыв переживали очень остро. Вопреки обывательским разговорам Жантурин не держал зла на Азербайжана. Он говорил: «Я ушел из театра, но я сам выбрал этот путь».

Когда в середине 90-х часть коллектива Театра имени Ауэзова заявила, что Мамбетов устарел и театр должен пойти по новому пути, то он, ответив на это статьей «Я устал бороться с пигмеями», ушел из театра, хлопнув дверью. В этот раз уже навсегда.

.. Но тот первый уход, случившийся в 1988 году, Мамбетов переносил особо тяжело. Как?! Театр, где он царил 30 лет, театр, который он вывел на большую орбиту, выкинул его за борт? Этого он простить не мог. В общем, у поистине большого режиссера месть оказалась маленькой. Желая показать, что Ауэзовский театр без него ничто, он без сожаления подставил и меня, хотя лично на меня обижаться ему не за что.

Я ведь, как только сел в кресло директора, сразу дал понять ему, что не претендую на его место в театре и что его кабинет всегда ждет хозяина. При этом подчеркивал, что мне его не хватает (это и в самом деле было так) в театре. Когда он изъявлял желание ставить спектакль, никто ему в этом не только не препятствовал, наоборот, всячески приветствовал и поощрял.

.. Суть появившейся в «Правде» статьи (а эта газета в те времена, как говорится, расставляла все точки над «I») сводилась к короткому гастроли Казахского академического Театра драмы имени Ауэзова в Москве были провальными. Следовательно, руководство надо немедленно поменять.

Я сразу уехал на Сахалин сниматься в фильме «Маньчжурский вариант» Игоря Вовнянко. Чувствуя, что мне плохо, Майра тоже поехала со мной.

- Не переживай, я давно хотела, чтобы ты ушел с этого проклятого директорства, - успокаивала она меня.

А в Алма-Ате в это время все кипело! Камал Смайлов, заведующий отделом культуры ЦК, звонил мне каждый день, чтобы задать один-единственный вопрос: когда приедешь?

«Как только закончу сниматься», - отвечал я.

На следующий же день после приезда со съемок меня вызвали в ЦК. В зале, где проходило внеочередное бюро ЦК, собралось все руководство республики во главе с Колбиным и артисты Театра имени Ауэзова.

Все были настроены не только снять меня с руководства театром, но и объявить выговор по партийной линии. И тут за меня неожиданно вступился человек, от которого я меньше всего этого ждал.

- Зачем человека наказывать дважды? - сказал Колбин. - Давайте уж обойдемся без выговора, просто снимем его с должности.

Что удивительно, те, с кем я долгие годы проработал на одной сцене, не сказали ни слова защиты в мой адрес. Хотя чему удивляться, если и Мамбетов не дождался доброго слова от тех, кто получал высокие звания, играя именно в его спектаклях. Он, помнится, в те черные для него дни выступил в прессе со статьей, где с нотками сожаления и разочарования спрашивал: «Где вы, мои народные артисты?!».

А я тогда окончательно понял, что на людей моей профессии в трудную минуту рассчитывать нельзя. Нет, актеры - не предатели по натуре, мы просто слишком зависимые люди, нашими чувствами в силу нашей впечатлительности очень легко манипулировать.

Сабира Майканова, единственный человек, который, не страшась опалы, мог бы протянуть мне руку помощи или сказать слова поддержки, уже не имела былого влияния в театре Наш многолетний парторг тяжело переживала, видя, как труппа на глазах распадается на группировки. Я уверен, что последовавший через несколько лет инсульт был спровоцирован этим раздраем. А театральный фестиваль в Киргизии, где Мамбетов без объяснения причин заменил Сабиру-апай в спектакле «Материнское поле» на другую актрису, стал только его косвенной причиной.

...Словом, проработав чуть больше года театральным начальником, в конце 1988 года я без сожаления (и к большой радости семьи) вернулся на ту должность, с которой когда-то начинал, -рядового актера.

В верхах к этому времени, видимо, одумались. Пусть без фанфар и триумфа, но Азербайжану Мамбетову вернули его прежнюю должность - главного режиссера, а директором театра назначили Жаманкулова. Они не нашли общего языка. Выживая Мамбетова, директор исподволь выживал всех актеров нашего поколения. После очередного громкого скандала Мамбетов

с присущей ему прямотой поставил вопрос Ребром: «Или я, или Жаманкулов». Наивный, он был уверен, что оставят его. Но, увы! Король казахской режиссуры после 30 лет успеха оказался не готов к испытаниям. Он вынужден был бороться не с другой творческой позицией, а с пигмеем. И пигмей оказался сильнее - только потому, что был гораздо менее профессионален, зато гораздо более неразборчив в средствах. А тут еще роковое совпадение. Министерством культуры пришел руководить человек, которому, я бы сказал, кресло оказалось великовато. Талгат Мамашев явился на собрание в театр с готовым сценарием снятия Мамбетова. Он спросил у Азербайжана: «Вы будете работать в театре?». Тот прилюдно заявил: «С торгашом и аферистом Жаманкуловым не буду». «Если так, то должность худрука мы сокращаем», -заключил министр. Так Мамбетов автоматически стал рядовым режиссером. Крайне амбициозный и самолюбивый, такого унижения он стерпеть не мог, а тут кстати подоспело предложение из Астаны - возглавить Театр имени Калибека Куанышбаева.

После ухода Мамбетова директор театра принялся за меня. Мой репертуар сократили, в театре больше делать было нечего. Я перестал ходить туда-и, как и следовало ожидать, оказался в числе сокращенных.

Райымбеку Сейтметову, который должен был прийти к нам по приглашению Мамбетова из Казахского ТЮЗа, директор тоже указал на дверь. Но не было бы счастья, да несчастье помогло - Сейтметов уехал в Туркестан, открыл на базе университета актерский факультет, а потом и театр.

Кто-то из обиженных Жаманкуловым затеял с ним судебную тяжбу и успешно выиграл ее, кто-то пытался выяснять отношения, взывая к совести, а я предпочел забыть на десять лет дорогу в театр. А потом в мою семью зачастила смерть, и мне стало не до театральных интриг.

... Что касается действующих актеров, то хочется заметить, что, например, из Тунгышбая мог бы получиться эстрадный артист. Он был на своем месте, начиная с Кудайбергеном Султанбаевым развлекательную передачу «Тамаша», которая, в общем-то, цепляла зрителя. Открой он в свое время театр сатиры, на мой взгляд, получилось бы что-то толковое и интересное, но этот человек, уповая на эффектную внешность, стал рядиться в ханские одежды. Однако образа того же Абылай-хана так и не смог создать, получился типаж, не больше (хотя, по большому счету, эффектно сыгранный типаж - тоже неплохо. Ведь именно этим когда-то прославились Савелий Крамаров и Сергей Филиппов).

Образ - это глубже, объемнее, чем типаж, он сродни выношенному полноценному ребенку. А у творческих людей бывают и «выкидыши». Я так называю роли, за которые бывает стыдно.

Аие, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!

С должности директора и художественного руководителя я ушел с легкостью. Я был готов к этому с того самого момента, как сел в это кресло, но, оказывается, не был готов к тому, чтобы бороться за свое честное имя. Ведь во всех доносах, которые шли наверх, только одно соответствовало правде - я действительно способствовал, чтобы мой сын Саги стал лауреатом Госпремии республики за исполнение главной роли в моем фильме «Чокан Валиханов»: я снял свою кандидатуру в его пользу.

В те отчаянные дни, когда я готов был сломаться, фактически находился на краю обрыва, меня спас Цезарь. В спектакле Кадыра Жетписбаева «Юлий Цезарь», где у меня главная роль, я как бы проигрывал кусочек своей жизни. Ведь и меня, как и моего героя, павшего от руки своего ученика Брута, предали друзья и коллеги. «Чем я не римлянин», - подумал я и даже как-то повеселел от такого сравнения.

Подготовка к спектаклю началась еще до отъезда на Сахалин на съемки «Маньчжурского варианта». Вернувшись оттуда, я слег в больницу: хворал, а, может, просто пытался убежать от самого себя. На душе скребли кошки, надо было что-то делать, чтобы окончательно не впасть в депрессию. В театр идти не хотелось Дом, который я много лет считал родным, стал теперь холодным и враждебным.

Тогда, переборов себя, стал репетировать в одиночку. Соседи по палате, к счастью, попались толковые. Раздал им тексты, и, как могли, они подыгрывали мне, когда я работал над образом Цезаря. В общем, за 10 дней рольбыла прояснена, я, кажется, сумел понять своего героя: он хотел завоевать весь мир и сумел бы это сделать, да подвела малость - окружение предало.

Теперь предстояло самое трудное - позвонить режиссеру. В душе копошилась трусливая мыслишка: а вдруг откажет? что тогда?

Кадыр Жетписбаев на мой нарочито бравый, а на самом деле робкий тон, которым я спрашивал: «Ну что? Допустишь меня на прогонную репетицию? Я готов», - ответил просто и коротко: «Приходи».

Мой приход вызвал в театре легкий шок. Даже те, кто сочувствовал мне, думали, что после такого-провальных гастролей, разгромной статьи в «Правде», после снятия с должностей директора и художественного руководителя -Ашимов еще долго будет приходить в себя. А я шел и приветливо улыбался всем, хотя поджилки, признаться, тряслись.

Зашел в свою гримуборную, переоделся и - в репетиционный зал. По замыслу толпа должна встречать моего героя восторженным: «Цезарь! Цезарь!». Играя этот эпизод, из глубины сцены вышел нарочито замедленным, но твердым шагом, не спеша поднялся на авансцену. Со стороны массовки и актеров, играющих второй план, раздалось громкое «Цезарь! Цезарь!». Молчали лишь Брут - мой заклятый «друг» - и несколько стоящих рядом с ним актрис. Я посмотрел на них в упор и сказал, обращаясь к режиссеру: «Пока эти не скажут то, что им положено по роли, я не выйду». Ушел, снова медленно вернулся - все закричали еще громче, и только эти несколько во главе с моим «другом» нехотя шевельнули губами. Тогда я медленно подошел к нему, и Брут, явно струсив под направленным в упор взглядом, громко закричал: «Цезарь! Цезарь!». А я, задев ему лицо распростертой пятерней, поднялся на авансцену.

До сих пор я благодарен теперь уже покойному Кадыру Жетписбаеву. Понимая мое положение (от первого выхода в тот момент зависело многое) и, видимо, чувствуя исключительность момента, режиссер терпеливо сносил мои «причуды».

А дальше все прошло на одном дыхании - я играл как пел! Ведь я вложил в роль боль и отчаяние, которые мне пришлось пережить в последние месяцы. Жетписбаев был счастлив. Я понимал режиссера: спектакль получился! «Вот что значит Мастер! - сказал он, делая жест в мою сторону. - Выходи завтра на генеральную репетицию, премьеру будешь играть ты». «Спасибо», - ответил я скромно, а сам был готов летать от радости. Как же! Я победил самого себя, страх и неуверенность, поселившиеся в душе в последние месяцы, куда-то испарились. Актер, который репетировал Цезаря два с половиной месяца, поняв, что премьеры ему не видать, полез в драку с режиссером.

«Юлия Цезаря» посетил первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Колбин. В перерыве ко мне в гримуборную прибежали радостные Мамбетов (Азербайжан к тому времени уже вернулся в театр) и заместитель министра культуры Канат Саудабаев: «Геннадию Васильевичу понравилось. Он сказал, что Ашимов - настоящий Цезарь!». Вот так Колбин, который месяцем раньше снял меня с директорства, признал меня как актера.

Этот спектакль стал переломным в моей жизни. В дальнейшем удары судьбы я воспринимал не так остро и болезненно и в отличие от Азербайжана не дал себя сломать. Тот период вообще сделал меня очень жестким. Я понял, что в театре никому нельзя верить. Никто, кроме тебя самого, в отчаянные минуты не поможет.

Говорите: счастливчик, баловень судьбы? А я ведь сам делаю себя таким. Как? А очень просто - не даю поводов жалеть себя. Я не люблю этого. Мне больше по душе, когда мною восхищаются и пытаются подражать.

Назад, в будущее!

В театр я вернулся через 10 лет - когда его возглавил Есмухан Обаев. Перед этим раздумывал: если вернусь когда-нибудь на сцену, то с чем? И опять мне на помощь пришел мой ангел-хранитель. Обаев, приглашая вернуться в театр, сообщил, что Рубен Андриасян хочет поставить на нашей сцене драму Гауптмана «Перед заходом солнца» со мной в главной роли. Перед этим главный режиссер Театра имени Лермонтова приглашал меня сыграть на его сцене короля Лира.

Заманчивое, конечно, предложение. Чувствуя, что мне когда-нибудь придется столкнуться с Пиром, я, даже уйдя из театра, подспудно репетировал эту роль. Она соответствовала и моему возрасту, и состоянию, но в спектакле, задуманном Андриасяном, нужно было играть на русском. И я засомневался: вместо того, чтобы создавать на сцене образ, должен буду думать над тем, где ставить ударение. Я не отважился на такой риск, а Андриасян не решился поставить на сцене русского драматического театра спектакль на казахском, хотя это было бы очень оригинально.

И вот он предложил мне главную роль в спектакле «Перед заходом солнца». Я согласился не раздумывая. Роль стоила того, ведь Маттиас Клаузен - это современный король Лир. Никогда не забуду первой встречи с партнерами. Всех их я видел первый раз: и Бахтияр Кожа, и Дулыга Акмолда, и другие пришли в театр уже после меня. Актеры обычно являются на репетицию кто в чем, в общем, в затрапезном виде. А тут все были одеты с иголочки. Меня это тронуло -они ждали встречи со мной, для них это было не рядовое событие. А первая встреча очень много значит для актера. Станиславский не зря говорил: главное - уметь достойно выйти на сцену и уйти с нее.

Наш вход в этот спектакль получился теплым. Дальнейшая работа пошла на той же волне. Во время репетиций никто не позволял себе входить и выходить из зала, как это бывало раньше.

Как же все эти годы я, оказывается, скучал по сцене! Возвращение можно сравнить с тем, как усталый путник долго шагал, изнемогая от жажды, по пустыне, и вдруг впереди блеснул родник! Он к нему с жадностью припадает и никак не может напиться. И у меня, когда я приступил к репетициям первого своего спектакля, было такое же ощущение.

«Перед заходом солнца» мы с Андриасяном репетировали с февраля по октябрь 2002 года. Такой долгой работы над спектаклем в Ауэзовском не было со времен Мамбетова. Азербайжан, в свою очередь, следовал системе Немировича -Данченко, который горьковскую пьесу «На дне» репетировал, например, около двух лет, зато спектакль потом 40 лет не сходил с мхатовской сцены.

Андриасян тоже собирался выйти с премьерой месяца через два-два с половиной. Но я не сторонник так называемых вводов, когда актер после трех-четырех репетиций выходит на сцену, имея за плечами лишь хорошо вызубренный текст, но не образ, созданный в результате кропотливой работы. Насколько я знаю, в истории театра был всего лишь один случай удачного ввода: это великая Мария Ермолова в спектакле «Гроза» по Островскому.

В общем, я дал понять режиссеру, что не тороплюсь. Это был единственный вопрос, в котором мы не сошлись. Во всем остальном было взаимное уважение и согласие. Мне импонировали его традиционность, приверженность реалиям жизни и неприятие модного эпатажа при постановке спектаклей. Советуясь со мной, он спрашивал: «Мастер, как ты смотришь, если этот эпизод мы сделаем вот так?». Я ему, в свою очередь, предлагал свои варианты. В спектакле, к примеру, есть эпизод, когда главная героиня, не выдержав враждебного отношения к ней детей своего возлюбленного, убегает. Маттиас Клаузен бросается за ней, но потом все же возвращается в гостиную. И тут наступает актерская, иначе говоря мхатовская, пауза. Минутное молчание на сцене равносильно вечности, а тут и две минуты, и три... Андриасян, чтобы помочь мне, хотел заполнить паузу музыкой. Я попросил этого не делать. Акцент на паузе, считаю, удался, потому что я чувствовал дыхание зала.

Таким же минутным акцентом на паузе когда-то покорил публику Калибек Куанышбаев. Зрители плакали, когда в драме «Ахан серэ» по Габиту Мусрепову его герой, немой палуан Мылкау, не понимая, чего от него хотят, с покрасневшими от слез глазами тихо, почти беззвучно мычал, глядя в зал.

Роль старого немца Маттиаса Клаузена, который полюбил молодую девушку и был любим ею, мне близка и понятна. Я играю как бы самого себя в определенный период моей жизни. Ведь и я пережил моменты, когда люди, которые называли себя родственниками, были не только категорически против моей последней женитьбы, но и всячески препятствовали ей. Им казалось чем-то сверхъестественным то, что я претендую на нечто большее, чем спокойная старость.

В эту роль я вложил всю палитру красок-белых, черных, окрашенных в полутона, все чувства и переживания, которые мне пришлось испытать в последние годы. Я был счастлив, когда режиссер после удачной премьеры, обращаясь ко мне, сказал: «Мой Жан Габенбай, ты оправдал мои надежды!».

После премьеры мне говорили, что я в роли Маттиаса Клаузена прост и органичен настолько, словно это мой двойник. Но я к этой простоте шел оврагами, буераками и окольными путями. На первых читках пьесы это была абсолютно чужая мне роль, слова звучали натужно, все было до крайности схематичным. Напряжение спало не сразу. Потом нужно было привыкнуть к костюмам, которые носил этот старый немец, к интерьеру его дома, чтобы чувствовать себя в нем хозяином. А кактяжело и мучительно я подбирал грим! Сначала покрасил бороду в рыжий цвет. Не то! И только оказавшись в Москве, я смог, посоветовавшись с мастером-гримером, подобрать нужный тон.

Долгие месяцы репетиций были компенсированы тем, что, играя Маттиаса Клаузена, я чувствовал и зал, и партнеров, у меня была та самая свобода мысли и мышц, которая позволяет актеру быть королем на сцене и держать, что называется, зрителя в кулаке.

За пять лет, что идет «Перед заходом солнца», я выходил на сцену десятки раз, но волнение перед спектаклем не оставляет меня, как и в день премьеры. По этому поводу вспоминается такой случай. Однажды я увидел, как Серке Кожамкулов, волнуясь, расхаживает из угла в угол в ожидании своего выхода на сцену в драме Мухтара Ауэзова «Енлик-Кебек». Меня он заметил, только когда я обратился к нему с вопросом: «Сер-ага, вам-то уж что волноваться? Вы же играете бия Еспембета 40 лет подряд! Да и роль эта эпизодическая».

- Зритель за эти годы поменялся, - был ответ.

- А вдруг нынешние не примут моего героя?

Я играл своего Маттиаса с разными партнерами. Были и сильные, и слабые актерские составы, но неизменным при этом оставалось одно: зритель уходил со спектакля, даже если это психологическая драма, где в финале звучит «Реквием» Моцарта, с добрым настроем. Для этого я использую самые различные уловки -вплоть до баловства. Например, выйдя к зрителю на поклон, наклоняю как можно ниже голову партнерши, а сам, скрестив ноги, опираюсь локтем на ее согбенную спину. Это и наш казахский юмор

- молодая жена должна кланяться как можно ниже, и наказание за нечеткую игру.

Хорошая шутка, я уверен, очень нужна на сцене. Она разряжает слишком большую серьезность, которая, по-моему, страшнее, чем глупость. Недаром считается, что шутовство - это высшее понятие для актера.

Буду ли я и дальше продолжать создавать глубокие психологические образы, подобные Маттиасу Клаузену? Наверняка нет. Надо уметь уходить вовремя. Цепляться, желая доказать, что еще могу, будет не просто смешно - это чревато ошибками, а они простительны только в молодости.

Могу быть хорошим консультантом, в силах еще поставить мини-спектакль, сыграть в кино, если предложат хорошую содержательную роль, подходящую мне по возрасту, но на театральной сцене я в полном одиночестве, мои партнеры ушли из жизни.

Кто сказал, что, у казахов нет, хорошей драматургии?

Обычно в литературе и искусстве все идет от простого к сложному, от примитивного к великому. У нас же, как мне кажется (дай бог, чтобы это оказалось не более, чем брюзжанием старого актера), все идет к нулю. Могу поспорить с кем угодно, но я убежден, что хорошие режиссеры в Казахстане перевелись как биологический вид. Если они есть, то почему пьесы и повести Мухтара Ауэзова или Габита Мусрепова, готовые, по сути, сценарные произведения, остаются без внимания? Тем более что в нашем театре с успехом прошли не готовые к постановке пьесы, а инсценировки. Например, «Кровь и пот» по трилогии Абдижамила Нурпеисова, «Материнское поле» Чингиза Айтматова и «Путь Абая» Мухтара Ауэзова.

А устное народное творчество казахов -вообще источник восторга заезжих режиссеров! Американцы, которые работали над фильмом «Кочевник», знакомясь с нашей историей, с завистью говорили, что у нас материалов - непочатый край! И в первую очередь имели в виду наши эпосы «Алпамыс», «Ер-Тостик», «Кобланды»... Но наши режиссеры объявляют их немодными,

ныне к той же категории они отнесли и Чингиза Айтматова, который стал иконой XX века не только для Центральной Азии, но и Европы.

Не спорю, современная драматургия нужна. Но сколько бы конкурсов ни объявляли на лучшее драматическое произведение, такого, чтобы можно было ахнуть, нет. Призовое место еще ни о чем не говорит. Если один из ишаков придет на скачках первым, он ведь скакуном не станет. На сцене такие спектакли держатся от силы два-три года, а потом о них благополучно забывает даже сам автор. Талантливое произведение неизбежно произвело бы в обществе бум, и слух о нем разошелся бы мгновенно. И тот, кто спал, проснулся бы, чтобы натянуть башмаки и пойти в театр. Так было в середине 80-х с айтматовским «И дольше века длится день». Все театры Союза ставили по этому роману инсценировки.

Пусть недруги обвинят меня в чем угодно, но я с ностальгией вспоминаю сегодня так называемый тоталитарный советский режим. Лучшее кино и лучшие спектакли создавались именно в те времена, когда был мощный идеологический прессинг и свирепствовала цензура. Ответственность у всех - и у режиссера, и у актеров - была громадная, потому что готовый спектакль или фильм нужно было сдавать ЦК, Министерству культуры и худсовету А сейчас никто ни перед кем не отвечает. Сегодняшнюю ситуацию в искусстве я бы сравнил с тем, как вдруг не стало бы волков и овцы вольготно разбрелись по лугам. Но чабаны давно заметили, что баранина бывает вкуснее и ароматнее, если отару держат в напряжении бродящие где-то рядом хищники.

Театр имени Ауэзова в 90-х годах, во времена долгожданной свободы и независимости, оказался отброшен на много лет назад. За последнее десятилетие не создано ни одного яркого образа. Претендующие на это актеры есть - тот же Бахтияр Кожа, Ерлан Блял, Азамат Суралбаев, Назгуль Карабалина и другие, но нет режиссеров, взять на себя риск создания большого полотна на сцене.

Сегодня настало время режиссеров, стремящихся любыми способами шокировать публику, чтобы она с отвращением слушала, как некто, сидящий на унитазе, издает характерные звуки.

Да, конечно, все жанры хороши, но когда искусство целит ниже пояса, это духовная катастофа. А зритель зомбируется пустотой. Почему мне претит крикливое «новаторство», модные выверты? Все это фокусы - поразить, ошеломить любой ценой, и они заменяют суть. Зачем, пыхтя, препарировать классику? Чтобы сказать, что мы, мол, ничего не знали и не понимали в том

времени? Ерунда! Человек не меняется, он во все времена такой же, и проблемы и ценности в обществе те же.

Все просто: или ты умеешь сказать, что тебя больше всего волнует, или «интересничаешь», привлекая внимание фокусами А главное в искусстве - глубина мысли, естественность и правда, и ничего лишнего.

Кто-то из театральных людей придумал красивый термин «мухоморная культура» -сравнил сегодняшнее «новаторство» с грибами, которые сверкают ядовитой красотой за сто метров. Так вот, мухоморы сегодня в цене. А современным людям некогда думать, некогда смотреть глубокий спектакль, читать серьезную книгу - в общем, искать хорошие грибы. И если раньше, повторюсь, развитие шло от простого к сложному, то сейчас - наоборот.

Как уберечься от этого? Себя могу уберечь, а вот других - не знаю. Не натягивать же колючую проволоку и ставить указатели - туда можно, сюда нельзя. Это тоже глупость. Поэтому все остается, как есть...

Служба и служение

Признаюсь, я чувствую себя оскорбленным, когда организаторы загоняют зрителей в зал. Не по своей воле пришедший на представление человек - не зритель. На мой взгляд, рыночная экономика поставила с ног на уши всех - и публику, и тех, кто служит театру. Все думают, как побыстрее, с меньшими затратами заработать деньги. Базары и торговые центры с кинотеатрами, бассейнами, кафе и ресторанами заменили собой театры, куда раньше ходили как в храм - за духовностью. В былые годы среди зрителей много было таких, кто не до конца понимал, что происходит на сцене, но изо всех сил старался это сделать. Человек, не прочитав нашумевший роман, не посмотрев новую постановку, рисковал прослыть невеждой.

Раньше в зрительном зале я видел серьезных людей-академиков и министров. И назрительских конференциях они не отмалчивались, давали оценку нашему творчеству. Благодаря этому вместе росли и зритель, и актеры.

Сейчас чиновники высокого уровня считают ниже своего достоинства ходить на театральные премьеры. Какой театр?! Они ведь с утра до вечера заняты вопросами государственного устройства. А когда-то новый министр культуры, осознавая, что театр формирует идеологию, после назначения обязательно встречался с коллективом.

В том, что нет обратной связи со зрителем, виноваты и мы сами. Нынешние актеры все чаще прибегают к вводу - сегодня дали роль, а завтра вышел на сцену. Но ввод испокон веков был оправдан только в том случае, когда нужно было выручать театр - билеты проданы, а актер... умер.

Сходят на нет театральная дисциплина и былая актерская пунктуальность. Если мы, актеры, сформированные советской эпохой, чтобы войти в образ, приходили в театр задолго до спектакля, то у нынешних все впритык. Они забегают в гримерку за 15-20 минут до начала спектакля. Я их, конечно, понимаю и сочувствую им: хочется заработать где-то на стороне - на радио и телевидении, в рекламе, повеселить народ на свадьбах. Но ведь такая спешка, не говоря уже о качестве игры, сказывается даже на гриме, неряшливом и небрежном. Какое уж там - держать публику в напряжении, тут бы текст не перепутать.

Как тут не провести параллель с нашими стариками, стоявшими у истоков казахского театра. Сабира Майканова, например, играя в «Материнском поле», приезжала в театр за два часа до спектакля с повышенным давлением. Оно приходило в норму только после выхода на поклон к зрителю. Домой она уезжала похудевшей за эти несколько часов килограммов на пять. Костюмерши говорили, что после «Материнского поля» платье на Майкановой можно было выжимать.

Давно замечено, что после удачного спектакля актеры становятся добрее, мягче и человечнее. Я лично в такие моменты готов встретить с распростертыми объятиями даже своего заклятого врага - дайте только время выйти из образа. Но перед спектаклем стараюсь ни с кем не общаться, а перед самым выходом на сцену молюсь духу деда Ыскака Прадара и никого вокруг не замечаю. Однажды был со мной курьезный случай. Спектакль начинался в половине седьмого, я вышел из дома уже после обеда. Пока шел с пересечения улиц Фурманова и Хаджи Мукана до театра (он располагался тогда в здании нынешнего Казахского ТЮЗа), меня сопровождал один парнишка - то вперед забежит, то сзади топает. Я на это мельтешение не обращал внимания до тех пор, пока не услышал робкое: «Ага!».

- Ну что тебе? Автограф, что ли, нужен?

— Да нет, я не за автографом. Вы брюки забыли застегнуть.

Хорошо смеется тот, кому терять нечего

Политикой я принципиально не занимаюсь - оберегаю свою профессию. Недаром говорят: если человек стал политиком, надо знакомиться с ним заново. Есть ли у них за душой что-то святое? Далеко не у всех. Облить человека грязью, уничтожить его - в порядке вещей. Каждый из нас чувствует себя незащищенным в обществе, где правят такие господа. Идешь по улице - могут безнаказанно дать пощечину, спрятался в особняке - гебя могут «заказать», и никакие каменные заборы и видеокамеры не спасут, если ты кому-то мешаешь творить беззаконие и произвол.

Но опять же не случайно говорят: если ты не займешься политикой, она займется тобой. Как бы я ни сторонился этой сферы, все же однажды ввязался. В начале 90-х шли выборы в Верховный Совет республики, мне предложили баллотироваться от Джамбула. Семь или восемь соперников я уверенно опережал по популярности. Народ на встречи приходил охотно, каждый клялся, что будет голосовать за меня. Но однажды утром я прочел в местной газете статью о себе. Один из моих конкурентов сообщал такие «факты», о которых я и сам не подозревал. Оказывается, в театре и кино я уже не востребован, потому-то и решил попробовать себя в политике, в личной жизни я почти преступник, и вообще, не мешало бы меня посадить на годик-другой за всяческие «злоупотребления». Когда я встретился с этим «гробокопателем», то первое, что сделал, -посмотрел на него в упор. Думал, он покраснеет и начнет хотя бы извиняться. Куда там! Прохиндей выдержал мой взгляд и нагло произнес: «А что вы хотели, Асеке? Это борьба. Кто как умеет, тот так и выживает».

Наконец наступил день выборов. До самого вечера я лидировал с большим отрывом. И вдруг, когда до финиша оставался час-полтора, вперед с космической скоростью вырвался тот самый прохиндей. Бюллетени за него кидали пачками.

В жизни я так не смеялся, как тогда! Единственными пострадавшими в этой ситуации оказались простые избиратели, а я был доволен! Теперь я знал, что такое «честные альтернативные выборы».

С той поры я редко хожу на выборы. На повторную просьбу баллотироваться в парламент ответил: «Нет, спасибо. Я уж лучше пешком постою». Что я там буду делать, если даже пройду? Заниматься с утра до вечера болтовней - это не мое дело. Чего стоят наши законодатели, видно хотя бы по тому, как они «поработали» над многострадальным проектом закона о кино: все вокруг да около, в общем, куда повернешь, туда и выйдет. Никакой конкретики.

Сейчас кое-кто пытается обвинять меня в чрезмерной осторожности. Но откуда она пришла, эта осторожность? Оберегая свою профессию от внешних потрясений (а сейчас еще и семью - у меня ведь дети маленькие), я не лгу, но часто скрываю то, о чем думаю. Мир вокруг очень хрупок, многое в нем меня не устраивает, но пусть уж лучше так, чем рисковать безопасностью дорогих мне людей. Было время, я шел по жизни, не оглядываясь на других. За эту гордыню мне пришлось заплатить дорогую цену. А теперь я, считай, начал жизнь как бы с нуля. И мне очень важно успеть увидеть, как сделает свои первые шаги мой маленький сын, как он пойдет в первый класс, переступит порог института...

Друг мой, третье мое плечо (Ануар Молдабеков)

Мы с Ануаром в один год пришли в театр, вместе росли как актеры, помогая друг другу оттачивать сценическое мастерство, вместе бывали в компаниях - дневных и ночных. У нас и судьбы чем-то схожи. Отца своего Ануар не знал, родная мать его оставила, рос у дяди. Его тоже выгнали из консерватории за съемки в кино, и он окончил позже двухгодичную школу-студию при театре. Потом уехал в Караганду, переиграл в областном театре всех героев-любовников и в 1964 -м вернулся в Алма-Ату.

Ануар на год моложе, а потому до конца жизни почтительно называл меня Асеке. Нас многие пытались рассорить. «Зачем ты работаешь под него? Ты не хуже Ашимова», - нашептывали ему театральные интриганы, и он, бывало, поддавался. Но мне как старшему хватало ума сказать в такие минуты примиряющие слова: «С чего нам ссориться? Ты играешь Яго, я - Отелло, ты - Жантыка, я - Кодара, ты - Танирбергена, я - Еламана... Что нам с тобой делить? Но если ты пойдешь на поводу у злопыхателей, мы оба умрем как актеры, нас съедят поодиночке. Я без тебя никто, и ты без меня тоже».

Азербайжан Мамбетов, бывало, шутя говорил: «Вашей дружбе придет конец, когда я дам вам одну роль». К счастью, нам с Ануаром не пришлось делить в театре одного героя. А то кто его знает, как повернулись бы события. Таких случаев, когда друзья разбегались в разные стороны, в театре было немало.

В кино мы тоже вместе снимались. В «Крыльях песни» он играл поэта, я - революционера, а когда работали в «Кыз Жибек», именно Ануар помог найти мне знаменитый бекежановский грим -придумал бакенбарды, переходящие в бородку.

Все ждали нашей ссоры, когда на роль Еламана в картине «Кровь и пот» утвердили не меня, а Ануара, но обиделся я не на него, а на Мамбетова. Все-

таки при всем моем уважении к Азербайжану, незаурядному театральному режиссеру, не могу не признать, что в нем сидит маленький садист. Возможно, это следствие его сурового, бедного на материнскую ласку детства. Насколько мне известно, Азербайжан рано остался круглым сиротой, потом он долго кочевал по интернатам и общежитиям. А у таких людей, как я заметил, сердца бывают жесткими. Они с легкостью забывают то хорошее, что объединяло их с тем или иным человеком.

Когда Азербайжан задумал экранизировать «Кровь и пот», я не сомневался, что Еламан, с образом которого я сроднился на театральной сцене, будет мой. Мамбетов остался доволен кинопробами, я начал готовить киношную версию своего героя. Мечтал, что будет создана киноэпопея под стать «Тихому Дону», а мой герой будет даже помасштабнее Григория Мелехова, каким его представил Петр Глебов. И вдруг ... поворот на 360 градусов! Московский сорежиссер картины Юрий Мастюгин «зарубил» меня на худсовете, а Мамбетов и не думал отстаивать.

Но я нашел в себе силы перебороть разочарование и продолжал считать Мамбетова своим другом. Правда, каюсь, на его 75-летии не мог удержаться, чтобы не спросить:

- Азеке, за те 50 лет, что мы знаем друг друга, я вас когда-нибудь предавал?

- Нет, - ответил он.

- Зато ты меня (я к нему в зависимости от обстоятельств обращаюсь то на «вы», то на «ты») предавал дважды.

Экранизация романа «Кровь и пот» получилась средненькой. Ануар из-за откровенно слабой режиссуры не смог полностью реализовать свой актерский талант. А жаль. Материал нурпеисовской трилогии по масштабу сравним даже не с «Тихим Доном», а с «Хождением по мукам» Алексея Толстого. Какие там характеры! Не говоря уже об Еламане-этом стихийном революционере, чего стоят, например, такие колоритные персонажи, как конокрад Кален, Судрахмет или Каракатын. Но ни Мамбетов, ни его московский коллега не смогли поднять такой материал. И это вполне объяснимо: Азербайжан - сильный театральный режиссер, но в кино у него не было ни опыта, ни, как я подозреваю, призвания, а москвичу материал трилогии был чужд. Для него «Кровь и пот» - то же самое, что для французских кинематографистов «Анна Каренина»: их попытка экранизировать знаменитый роман получилась, на мой взгляд, блеклой и неправдоподобной.

Словом, потеря роли, которую я считал своей, не рассорила нас. Слишком много хорошего было между нами, чтобы разом перечеркнуть дружбу.

Был момент, когда в театр зритель ходил только для того, чтобы увидеть наш с Ануаром дуэт. Играли мы, к примеру, в «Козы Корпеш и Баян-сулу» - пыль стояла до потолка, столько было безудержной фантазии и экспромта, такая заразительная энергетика! Вообще лозунги типа «Искусство принадлежит народу» взяты из жизни. В нашем театре был, рассказывают, в послевоенные годы случай на спектакле «Амангельды»: на сцену поднялся офицер и сел возле Шакена Айманова, исполнявшего главную роль. На тихие увещевания пройти на свое место военный, вытащив табельное оружие, заявил, что по инструкции командира нельзя оставлять без охраны. Не оставалось ничего другого, какзакрыть занавес, чтобы провести с впечатлительным зрителем просветительную работу.

А уж на гастролях в районных центрах такие случаи бывали сплошь и рядом. Едва затевался бой между персонажами «Козы Корпеш и Баян-сулу», как ребятишки выскакивали на сцену, пытались нас разнять, воровали наши бутафорские пики. Однажды наш театр, будучи на гастролях в Чимкенте, выехал с «Козы Корпеш» в один из сельских клубов. В зале всего сто мест, а билетов, как водится, продали раз в десять больше. И мы решили играть на улице. Декорации установили прямо у стен клуба, машины, на которых привезли хлеборобов, выстроили вокруг «сцены» полукругом.

В тот день мы, не выходя из образа, импровизировали как могли. В одной из сцен я, Кодар, в богатырских доспехах, с пикой в руках ищу интригана и сплетника Жантыка - Ануара Молдабекова, вечно сеющего вражду между моим героем и Корпешем. Его нигде нет. Не оставалось ничего другого, как кричать громовым голосом: « Жантык, где ты? Выходи!».

И тут приоткрывается дверца одной из машин, оттуда высовывается Жантык-Ануар. «Ау, Кодар-мырза, вы меня ищете? Я здесь», - отвечает он так, словно герою, жившему в XII веке, положено сидеть в машине, и опять закрывается в кабине. Дальше - хлеще, в одной из сцен он появился верхом на добытом где-то ишаке. А тут еще Карабай - Идрис Ногайбаев, решив подыграть ситуации, стал по-пластунски пробираться под одной из машин... Да и я в пылу всеобщего веселья поймал громадного жука и стал пугать им главную героиню - красавицу Баян. Та визжит, зритель хохочет! В общем, хлеборобам страшно понравилась наша игра. Они так и говорили: «Какой хороший спектакль! Приезжайте еще». Я и сам признаю: это был один из лучших спектаклей в моей жизни.

Сейчас, вспоминая эти веселые моменты, готов плакать от тоски по ушедшему другу. Какими же мы были заводными! Не боялись казаться смешными. Своей пластикой, темпераментом, молодым озорством мы с Ануаром взорвали академическую сцену Ауэзовского театра и совершили свой маленький переворот.

Завтруппой у нас был некий Карас Ахметович. В молодые годы у нас с ним шла нешуточная война, но с высоты сегодняшних своих лет я думаю о нем с теплотой. Караса Ахметовича театру ныне не хватает. Его требовательность не давала актерам расслабиться Перед этим суровым фронтовиком, человеком поистине сталинской закалки, не терпящим малейшего отступления от правил, трепетал даже бесстрашный Сер-ага Кожамкулов. Если наш завтруппой узнавал, что актер тайком снимается в кино или бегает на халтуру, подрабатывая озвучкой или на дубляже, то кары в виде строгого выговора, а то и увольнения было не избежать, за малейшее нарушение дисциплины (например, опоздание на репетицию) - рапорты начальству.

Нас завтруппой чаще других таскал на ковер к начальству. Однажды, играя в спектакле «Козы Корпеш и Баян-сулу», я увидел, как Карас Ахметович, стоя у занавеса, опять по привычке разносит меня и Ануара. Разгоряченный, ведь Кодар, мой герой - степной батыр, - никому не дает спуску, я запустил в завтруппой кинжал - пусть и бутафорский, но изготовленный из железа. Он пролетел в каких-то миллиметрах от головы Караса Ахметовича. Завтруппой стал белый как полотно, а до меня только тут дошло, что я едва не совершил тяжкий грех...

С того момента Карас Ахметович стал сникать.

А вскоре подоспел другой случай, окончательно сбивший с него начальнический кураж. Как-то нас с Ануаром решили угостить домашними яствами приехавшие с каникул девушки из школы-студии при театре Пришли с полными сумками снеди, мы закрылись в отдельном кабинетике, который мне выделили как члену месткома, и стали пировать. Вели себя, казалось бы, ниже травы, тише воды, но все-таки расшалились. Одна из девушек вскочила на спинку дряхлого кожаного дивана, и... тот развалился. Девушка упала, ударилась головой о стену, потеряла сознание. Хочешь не хочешь, пришлось вызвать «скорую». Карас Ахметович, естественно, тут как тут. Потирая руки, он быстренько собрал комиссию и чуть ли не с лупой в руках начал искать «следы преступления». Расстроенный, что ничего, кроме обломков дивана, не нашел, перед начальством он все представил так, будто мы с Ануаром специально собирались убить девушку. В общем, подсудное дело.

В кабинете главного режиссера, куда нас вызвали, уже сидели наши «богини» - Хадиша Букеева, Шолпан Жандарбекова и Бикен Римова во главе с парторгом театра Сабирой Майкановой - А что, нам уже и дружить нельзя со своими будущими коллегами? - сказал я вызывающе на требование объяснить, как это мы с Молдабековым оказались в одной комнате с молоденькими студентками. А дальше и вовсе пошел ва-банк, поскольку терять было нечего. В общем, от страха во мне проснулся тигр.

- Мы о ваших «подвигах» наслышаны, -намекнул я вершительницам наших с Ануаром судеб на грехи их молодости. - В нашем возрасте вы и не то, оказывается, делали.

Мамбетов, чувствуя, что пахнет жареным (да и не кстати было раздувать скандал - я только сыграл главную роль в спектакле «На чужбине», на носу была сдача «Дон Жуана», где я опять же в главной роли), поторопился заявить, что разборки подождут, а сейчас всем пора на репетицию.

А «богини» и не спорили, молча вышли из кабинета. Молодость у наших народных артисток и на самом деле была бурной, безупречной репутацией славилась только Сабира Майканова. Лет через пять наша чистая как слеза парторг скажет мне: «А ты молодец, что поставил апаек на место».

Последующие десять дней я яростно репетировал. И вот день премьеры - спектакль прошел на ура. Представители ЦК и Министерства культуры, пожимая руки Мамбетову, в один голос заявили о моей работе: появился актер, чья игра должна поднять театр на новый уровень.

На партбюро нас тем не менее вызвали. Первым зашел я «Богини» были уже готовы к растерзанию блудных актеров, зато Мамбетов, прикрывшись газетой, хихикал, его наши с Ануаром выходки явно веселили.

- Чем ты в дальнейшем оправдаешь свой проступок? - словно подсказывая мне ответ, спросил он.

- Своим трудом! - выпалил я.

Азербайжан, явно не слушая возмущенный

шепот женщин, захохотал во весь голос.

- Иди, иди! - махал он рукой в мою сторону, вытирая слезы носовым платком.

Выхожу, а за дверью - дрожащий Ануар. Подученный мной и ободренный подсказкой Мамбетова, он повторил мой ответ. Так мы и выкрутились из ситуации, которая чуть было не выросла до размеров вселенского греха. Сложись обстоятельства по-другому, возможно, нашей актерской карьере мог бы прийти и конец. Любой театр знает немало случаев, когда изначально талантливые актеры ломались и не доходили до финала: не хватало характера выдержать натиск, который прикрывался ханжески благопристойными словами, хотя за ними пряталась усталая ревность к молодости и успеху

Во мне театр, напротив, разбудил дремавшие доселе задиристость, высокие амбиции и протестные настроения. Но без Ануара, без его крепкого плеча, которое я всегда ощущал, пока он был рядом, я бы, наверное, протестовать не отважился. Когда не стало друга, я тоже хотел уйти из театра. Без Ануара я уже не мог играть в нашем любимом спектакле «Козы Корпеш и Баян-сулу»: если бы и вышел на сцену, то слезы задушили бы и я просто сорвал бы спектакль. Когда я все же решился на такой шаг - оставить театр, то среди прочих причин была и эта боль - моих былых партнеров никто не мог заменить. Уходя, я так и сказал: мне не с кем играть. Нет Ануара, нет Идриса Ногайбаева и Нурмухана Жантурина (его я пригласил в театр на следующий же день после назначения меня директором. И Жантурин вернулся - через 20 лет! Почему-то этот замечательный актер недолюбливал меня, когда я только пришел в труппу, но под конец его жизни мы сдружились).

Мой недруг фразу о том, что мне не с кем играть в театре, передал труппе так: Ашимов считает ее недостойной себя. Многие после этого стали смотреть на меня косо, а потом, не глядя, подмахнули подсовываемые им письма-доносы.

С Ануаром ушла часть моей жизни. Он был крепче меня телосложением, а потому всегда казался здоровее, но вот ушел раньше. Оказывается, у него был сахарный диабет, который незаметно разъедал его организм. Никто, даже я, не знал об этом.

Ануар должен был играть Амангельды в одноименном спектакле, задуманном мной. Я был уверен: только он сможет создать образ легендарного командира, но ... в этой ситуации решал совсем другой режиссер. Помню, я только вернулся из командировки, услышал горькую весть о смерти Матана Мураталиева, однокурсника по театральному факультету, и первым делом позвонил Ануару, он тогда был председателем нашего профкома. Услышав, что он не может пойти из-за болезни, в сердцах

принялся его отчитывать: «Ты что? Какие болезни? Человек умер!». И тут взяла трубку его жена. Она сказала, что у Ануара кровавая рвота.

Накануне он был на съемках в Капчагае. С обедом в тот день запоздали, к вечеру на съемочную площадку вместо еды привезли ящик водки. Разозлившись, Ануар выпил стакан, а потом пошел купаться. Ни того, ни другого при его болезни делать было нельзя. Пока доехали до Алма-Аты, сахар поднялся до критической отметки, «зажглось» горло... После этого он прожил всего неделю.

В реанимацию к Ануару никого не пускали, мне все-таки удалось прорваться к нему. Надо было что-то говорить, но сил не нашлось бодриться. Не смог я, как Айманов у постели Куанышбаева, сдерживая слезы, шутить.

- Какой сегодня день? - спросил Ануар, пристально вглядываясь в стену.

- Среда.

- А-а, два дня, два дня, - в полузабытьи пробормотал мой друг.

Через два дня его не стало. Ему было всего 49 лет.

После его смерти и Мамбетов как-то сник. Сидя в кабинете Азербайжана, мы, чтобы заглушить боль, хлопнули по стакану водки. Потом налили еще, но алкоголь нас не брал, шел как вода. Горе было крепче...

То гульба, то пальба

Знаю, что и пить, и курить, и закладывать за губу насыбай вредно для здоровья, но творческому человеку надо заполнять паузу внутри себя, это помогает в работе. А потом, любое «вредное» занятие, если делается в меру и с удовольствием, идет даже на пользу. Когда, например, после первого акта берешь в руки сигарету и делаешь первую за весь день жадную затяжку, то это ни с чем не сравнимый кайф, который мне, актеру, дает новый импульс.

Так вот, курю я довольно много, а что касается пития, то последние 50 лет делаю это регулярно. Хороших застолий в моей жизни было много. Если исходить из пол-литра в день, то, как подсчитывал Саги, за свою жизнь я выпил примерно цистерну спиртного.

Когда сын сообщил мне об этом, я сперва расхохотался, а потом счел своим отцовским долгом предупредить Саги, чтобы не вздумал подражать мне. Он

парень городской, организм у него нежнее, а я прошел естественный отбор, наработал сильный иммунитет, а потом у меня есть своя система пития.

В студенческие годы я попивал шампанское, его в ту пору в магазинах было как сегодня колы. Серьезно пристрастился к спиртному уже после института - без этого в нашем производстве не обойтись. Многие актеры так и спились, перебирая без меры на банкетах. Но меня уберегли мои ангелы-хранители, алкоголиком я не стал: есть — выпью, а нет, так и не ищу. И похмельные мучения мне неведомы, наутро я всегда готов к работе.

Сразу сделаю оговорку: в день спектакля не пью никогда. Сцена - это святое. В кино - нет-нет, да и случалось.

А по-настоящему пьяным я был всего лишь раз в жизни. Сыновьям в тот день должны были делать обрезание. Чтобы не слышать их плача, я с утра убежал из дома. И весь день гудел с друзьями: кончалась одна бутылка - бежали за другой, а из закуски - только черный хлеб. Я его люблю, кстати. Только такого хлеба, какой выпекали в годы моей молодости, сейчас уже нет. Нурмухан Жантурин и Ануар Молдабеков еще держались, а я к вечеру упал на асфальт замертво.

Сидеть где-нибудь в компании и притворяться, что, дескать, я весь такой правильный, пить давно бросил, а дома потихоньку набираться - этого я не переношу. Ну как не сопроводить ста граммами рождение сына, который появился у тебя без малого в 71 год! А уж нейтрализовать вредное воздействие радиации на здоровье стаканчиком хорошей водки - так это сам бог велел. При этом не надо забывать о хорошей закуске.

Раньше я предпочитал коньяк. Но, как мне сказали специалисты, настоящим можно считать только французский, все остальное-бренди. Я им верю, поэтому и отказался от коньяка, исключение делаю только для рюмочки «Асанали». Несколько лет назад мой хороший приятель, директор винзавода Артуш Карапетян, помню, попросил дать новому коньяку свое имя. Я поставил перед ним единственное условие - коньяк «Асанали» должен быть пятилетней выдержки и только из дубовой бочки.

В последнее время всем спиртным напиткам я предпочитаю самогон. Украинская горилка, грузинская чача, шотландский виски, казахская буза - «национальность» не имеет значения, лишь бы напиток был качественным. Причем русский самогон хорош из граненого 75-граммового стакана, а виски со льдом - из широкого с толстым дном стакана богемского стекла. Лед, подтаяв, сбивает градус, и тогда напиток приятнее на вкус.

С недавних пор в моем доме прижилась «кончаловка». Рецепт этой домашней наливки из смородины с добавлением водки придумало семейство Михалковых-Кончаловских. Очень недурной напиток. По крайней мере, мои друзья всегда просят повторить, а я отвечаю, что хорошего должно быть понемногу

Как человек с опытом, я бы посоветовал старым и молодым мужчинам пить умеренно, умело и с наслаждением. Если следовать этому правилу, то алкоголь, равно как и с удовольствием выкуренная сигарета, идет на пользу, продлевает жизнь. Сам я учился пить у Айманова. Шакен Кенжетаевич мог выпить много, но при этом никогда не пьянел.

- Бала, - сказал он мне как-то после приезда сына, студента операторского факультета ВГИКа, на зимние каникулы, - надо Мурату купить костюм. Пойдем завтра с нами в магазин.

Когда подошли к универмагу, что возле Зеленого базара, Шакен Кенжетаевич свернул к шашлычной. Заказал три порции, чем несказанно осчастливил шашлычника, потом подозвал местного пьянчужку, дал пять рублей и послал за водкой в ближайший магазин. Шашлык уже перед нами, а гонца все нет Прошло полчаса, я говорю: «Шаке, наверное, он пропил ваши деньги».

«Придет!» - уверенно ответил Шакен-ага. И, действительно, на горизонте замаячил алкаш. Усталый и взмокший, он подбежал к нам, прижав к груди бутылку. Водка в те времена продавалась не во всех магазинах, и в тот день ее как раз не оказалось поблизости, пришлось бежать аж в Центральный гастроном.

Шакен Кенжетаевич налил себе граммов 150, выпил, закусил. Потом по 100 граммов налил мне и Мурату, а оставшееся отдал гонцу. Тот был счастлив, но вовсе не потому, что перепала дармовая выпивка: он пил с самим Шакеном Аймановым! Протягивая мне стакан, тесть сказал: «Будешь принимать в хорошей компании сто граммов - вреда для здоровья не будет».

Подтекст я понял так: как попало и с кем попало не лей, знай меру, и если стакан подает отец -это не пьянство. Он просто видит в тебе мужчину. Другой, менее мудрый, наверняка не стал бы пить с сыном и зятем. А Шакен Кенжетаевич этим жестом, во-первых, приподнял нас на одну с собой высоту, во-вторых, показал, что не надо гнушаться общением с простыми людьми

Я со своими сыновьями никогда не распивал на троих. Нет, вру, с Мади мне пришлось пить в одной компании. Он чуть смущался, но хотел показаться в моих глазах взрослым. А я видел в нем не сына, а серьезного и рассудительного мужчину. Саги, конечно же, выпивал, но при мне - ни разу.

Как Зелены пышные кроны, и как одиноки стволы

Накануне 70-летия друзья и поклонники сделали мне подарок - помогли выпустить пятитомник, где опубликованы письма, которые я писал своей жене после ее кончины, воспоминания о сыновьях, дневниковые записи, которые веду со студенческих лет, статьи и рецензии на мои работы в кино и театре, пьеса, написанная в соавторстве с моим другом, писателем и этнографом Акселеу Сейдимбеком.

«Песни Майры» - так называется первая книга, написанная еще в 1993 году, сразу после смерти моей незабвенной жены. Я, помнится, попал в больницу с аппендицитом, после операции дней 20 провел в санатории. Чтобы успокоить душу, которая рыдала, не утихая, я днем и ночью писал письма Майре, спрашивал, как мне жить дальше.

«Однажды, - писал я ей, - ранним-ранним утром, пока все спали, я пришел в то ущелье, где мы с тобой любили бывать вдвоем, вышел на нашу лужайку, где ты, бывало, ждала меня, и закричал во весь голос «Майра! Майра!». Представил, как ты, запрокинув голову, хохочешь надо мной, когда я, стараясь избавиться от лишних килограммов, вперевалку бегаю по лужайке. И мне стало легче, тоска на какой-то миг отступила».

Разговаривая с ней, я вспоминал наших друзей. Чаще всего - старых мастеров казахской сцены, которые любили бывать у нас дома. Блага Умурзаков, Сер-ага Кожамкулов, Калибек Куанышбаев... Майру они называли каждый по-своему - Майкоза, Майкоша, Майко, Макошжан... Они ведь знали ее с малых лет. Не мать, которой вечно было некогда, а она, малолетняя девчонка, встречала их, когда они заглядывали к Аймановым.

Прочитав «Песни Майры», один из писателей заметил: «Кто сказал, что любви не бывает? И что сегодня нет места Кыз Жибек и Тулегену?». Еще недавно я думал, что большая любовь - это большое несчастье. Сейчас готов оспаривать сам себя. Нет, несчастье несет страсть, яростная и неукротимая, отнимающая разум. А любовь - это та нежность и доверие друг к другу, какие были у нас с Майрой.

Когда она умерла, я каждый день ходил к ней на могилу. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то не сказал мне: «Асеке, что вы делаете? Ей ведь тяжело Каждая ваша слеза камнем ложится ей на грудь».

Но Саги эти предостережения не остановили. Однажды, когда ему было особенно плохо, он поехал на кладбище и всю ночь, обняв могильный холмик матери, провел там. При жизни Майры они были очень близки, младший сын всегда поверял ей все свои секреты. Он просил помощи, говорил, что ему плохо без нее.

Я, перепуганный, в сердцах отчитал его: «Что ты делаешь, сын? Ты хочешь уйти вслед за матерью?». Кто знает, может быть, справедливо народное поверье, часто ходишь на дорогую могилу - вскоре уйдешь из жизни, и Майра на самом деле забрала своих мальчиков?

Письма Майре я мысленно продолжаю писать до сих пор. «Майра, почему ты взяла их? - упрекал я ее после смерти сыновей. - Почему ты меня не жалеешь?»

А недавно я сообщил ей, что у меня родился сын.

«Ты ведь не осудишь меня за то, что я решился на этот шаг. Когда не стало тебя, а потом наших сыновей, мы с матерью, твоей любимой свекровью, спрятавшись каждый в своей комнате, тайком друг от друга изливали боль в слезах. Абай, когда в один год ушли из жизни оба его сына, не выдержал - через сорок дней не стало его самого. А я вынес эту боль, потому что не хотел, чтобы шанырак Ашимовых разнесло так, словно в него попала атомная бомба. Мне так хочется, чтобы свет нашего с тобой очага еще долго согревал наших с тобой друзей.

Ты знаешь, я познакомился с малышом Асанали, когда он, еще трехмесячный зародыш, находился в чреве матери. Я удивился словам врачей, что у человека первым формируется сердце, а лотом позвоночник и все остальное. В следующий раз ультразвук показал главный предмет его принадлежности к мужскому полу. Я был безмерно рад - у меня будет сын! И с той поры я стал с ним разговаривать. За месяц до рождения УЗИ вдруг не показало крохотную писульку, и я страшно расстроился.

Мой младший сын родился на моих глазах. Врачи не смогли мне отказать, когда я попросил их об этом. Ты спросишь: зачем я это делал? Но ведь я актер, а значит, должен испытать в этой жизни все - вплоть до того, как человек появляется на этот свет. Я страстно молил Всевышнего, чтобы малыш

родился здоровым, и, не желая рисковать, настоял на кесаревом сечении. Едва врач, подняв новорожденного над головой, произнес: «У вас сын», сердце мое наконец встало на место. Младенцу перевязали пуповину, мать осталась в операционной, а меня отвели в отдельную палату, чтобы положить сына мне на грудь. Крохотное красное тельце коснулось меня, и показалось, что я обнимаю весь мир! Я услышал биение его сердечка, его дыхание».

Вторая книга - это воспоминания о сыновьях. Те малые крохи, которые я запомнил, пока они росли, учились, мужали, становились зрелыми. Оставаясь наедине с самим собой и размышляя о своей жизни, я и оправдываюсь перед ними, и советуюсь. «Как вы могли меня оставить, дорогие мои? - невольно укоряю я сыновей. - Едва я подумаю о вас, как сердце начинает сжиматься от тоски. И я, простите меня за это, стараюсь отогнать мысли о вас, иначе просто не выживу. А ведь на мне лежит огромная ответственность перед Богом и людьми и за ваших осиротевших детей, и за ваших сестренку и братишку. Нет, нет! Никто из них не заменит вас, но я знаю, вы тоже хотели, чтобы на свет появился малыш Асанали. После его рождения мне стало легче жить и дышать. А вы, я это всегда чувствую, хотите, чтобы я жил долго. Поэтому и не зовете меня к себе. Когда я вижу вас во сне, вы всегда уходите от меня. Вы словно хотите сказать: что же станется с еще неокрепшими Ашимовыми, если и тебя не будет рядом с ними?».

«Аманат аркалаган адам» - «Человек, оставшийся выполнять наказ или взявший на себя ответственность за долги тех, кто ушел в мир иной», - говорят про таких, как я. Такую ношу дал мне Всевышний, и я против его воли идти не могу.

Я живу с ощущением, что Мади и Саги смотрят на меня с надеждой откуда-то издалека. Они словно хотят сказать: «Отец, ты ведь сильный, ты все вынесешь». А я им отвечаю: «Верю, что мы с вами встретимся, но хочу прийти к вам с чистой совестью. Тогда я смогу вас наконец прижать к своей груди и сказать те нежные и ласковые слова, которые сейчас говорю маленькому Асанали».

По утрам почему-то Мади вспоминаю чаще, чем Саги. Пронзительный взгляд, которым сын смотрел на меня в тот последний миг, стоит перед глазами, словно это случилось вчера. Сын, уже безмолвный, будто спрашивал: что теперь с тобой будет, отец? А, может, мой старший хотел сказать, чтобы я уберег его детей от тех испытаний, которые выпадали на их с Саги долю за мои грехи? Что ж, я приемлю это.

Когда в один год ушли оба моих сына, я понял: это расплата за гордыню.

Был в моей жизни момент, когда я никого, кроме себя, не признавал. Выдержать ту славу, которая обрушивается на актеров в одночасье, без издержек для души практически невозможно. Я десять лет (с 30 до 40) жил фактически бесконтрольно и неподсудно. В кино и театре - первый, на всяких застольях главный тост мой, в документах надобности не было, даже когда ходил на приемы в ЦК, - охрана и так узнавала. Я, вчерашний аульный мальчишка, который терялся и краснел даже на студенческих вечеринках, утратил ощущение реальности.

Сейчас бы никогда этого себе не позволил, а тогда мог запросто обозвать кого-то из коллег бездарщиной, хлестнуть бранным словом... Шакен Кенжетаевич Айманов, единственный человек, перед которым я пасовал, который мог одним взглядом поставить меня на место, уже ушел из жизни, когда я был в апогее славы...

Но не будь таких ошибок в моей жизни, не было бы ни человека, ни актера Асанали Ашимова, а по большому счету - Судьбы актера. Все-таки я, несмотря ни на что, прожил неплохую жизнь Хотя и говорят, что все мы гости на этой земле, безответственным временщиком, статистом или марионеткой судьбы я не был никогда. Поклоняясь как истинный крестьянский сын земле, я старался быть на ней рачительным хозяином.

Из досье

Асанали Ашимов родился 8 мая 1937 года в селе Жаилма Сарысуского района Джамбулской области. В 1961 году окончил Алматинскую государственную консерваторию имени Курмангазы (актерский факультет). Звания: заслуженный артист Казахской ССР (1970), народный артист Казахской ССР (1976), народный артист СССР (1980). Награды: лауреат Государственной премии Казахской ССР (1972), лауреат Государственной премии СССР (1974).

Фильмография: «Ботагоз» (1957); «На диком береге Иртыша» (1958); «В одном районе» (1960); «Песня зовет» (1961); «Морская быль» (1962)»; «Перекресток» (1963); «Следы уходят за горизонт» (1963); «Крылья песни» (1966); «Тревожное утро» (1967); «Конец атамана» (1970); «Кыз Жибек» (1970); «Транссибирский экспресс» (1976); «Выбор» (1976); «Гонцы спешат» (1978); «Вкус хлеба» (1979); «Серебряный рог Алатау» (1980);

«Провинциальный роман» (1981); «Чокан Валиханов» (1985); «Турксиб» (1986); «Маньчжурский вариант (1988); «Абулхаир-хан» (1993); «Ермак» (1996); «Сага о древних булгарах» (1999); «Дядя, я тебя убью!» (1999); «Дом у соленого озера» (2005).

Режиссер кино: «Год дракона» (1980); «Чокан Валиханов» (1985); «Полынь» (1986); «Козы Корпеш - Баян-сулу» (1993), совместно с И. Вовнянко «Дом у соленого озера» (2005).

Артист театра: «Абай» (1964); «Легенда о моем народе» (1964); «Енлик-Кебек» (1965); «Буран» (1965); «Всеми забытый» (1962); «На чужбине» (1967); «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» (1969); «Кровь и пот» (1970); «Кобланды» (1970); «Восхождение на Фудзияму» (1974); «Козы Корпеш - Баян-сулу» (1975); «Утреннее эхо» (1976): «Завещание потомкам» (1978); «Ревизор» (1978); «Юлий Цезарь» (1988); «Перед заходом солнца» (2002).

Режиссер театра: «Ревизор» (1978);

«Амангельды» (1980); «Есть ли яд, мною не испитый?» (1987); «Акблек» (1993); «Если бы я был султаном» (1993); «И султаны тоже смертны» (1996); «Волчонок под шапкой» (1999).

Написал сценарий к фильмам «Козы Корпеш и Баян-сулу» (1992); «Маньчжурский вариант» (1989).

Абдижамил Нурпеисов, писатель: «Помню, как что ли в 1970 году в свет вышла знаменитая экранизация «Кыз Жибек» режиссера Султана Ходжикова. И там буквально яркой звездой, затмевая юных неопытных исполнителей главных ролей, блеснул великолепный талант истинного казахского батыра, сыгранного Асанали Ашимовым. Он откровенно излучал, как нынче говорят, глубоко отрицательное обаяние, но мощный темперамент, темное роковое чувство хлынули на наши экраны с такой покоряющей неудержимой силой, напором, что фактически его злодей, Бекежан, стал бесспорным кумиром восхищенных зрителей.

Думается, как раз в таких далеко непростых, неоднозначных, трагических даже ролях по-настоящему полновесно раскрывался недюжинный масштаб его актерского дарования.

И таких ролей у него немало. Я думаю, такая творческая биография сама по себе является высшей профессиональной наградой».

Рубен Андриасян, народный артист РК: «Это актер-глыба, который каждую минуту своего существования на сцене заполняеттакой глубиной мысли и чувств, что завораживает зал даже тогда, когда ничего не говорит. Именно так было в спектакле «Перед заходом солнца», где главную роль исполнял Асанали... Более красивого подарка от актера я не получал никогда».

Герольд Бельгер, писатель и переводчик: «Давно знаю славного азамата Асанали. Для меня он не только Актер, Кинодеятель, Автор мемуаров и дневников. Аеще супермен. Воплощение казаха. Яркий представитель нации. Гордый сын земли казахской. Такой личностью стоит гордиться».

Оралхан Бокеев, писатель и драматург: «Настоящее признание Ашимову принесли фильмы «Кыз Жибек» и «Конец атамана». Его Бекежан и Чадьяров - вершина не только его личного актерского мастерства, но и всего казахского киноискусства. Наиотрицательнейшую роль - Бекежана - он сыграл так, что положительный герой был убит не только физически, он просто померк в глазах зрителя: после выхода на экраны фильма «Кыз Жибек» симпатии людей оказались на стороне эмоционального, обнаженного в своих чувствах, а потому искреннего Бекежена. А если говорить о «Конце атамана», то этот фильм и не состоялся бы вовсе, не будь там Чадьярова в блестящем исполнении Ашимова».

Вместо послесловия, или Как стать Асанали Ашимовым

Принципы, которыми я руководствовался в своей жизни, просты и понятны всем.

Первое правило. Человек должен найти свою нишу в основании здания, которое называется жизнь. Если он, как хороший кирпич, войдет плотно, без зазоров, значит, и здание его жизни будет вечным. Так было, когда я строил свой очаг с первой женой. Он у нас получился крепким - мы с Майрой прожили душа в душу 35 лет.

А потом я начал строить дома. Первый из них Божий - мечеть на моей родине в честь деда Ыскака Прадара. На радость людям она вышла пригожей и уютной, и как-то очень хорошо соседствует с дубом, что растет рядом. Тот безвестный человек, кто его посадил лет сто назад, был, безусловно, хорошим человеком. Так думает каждый, кто присаживается отдохнуть под могучую тень одинокого дуба.

Потом я разломал свой старый дом (мне многое здесь напоминало о неприятных моментах в жизни - неудачная третья женитьба, смерть матери в этих стенах) и приступил к строительству нового.

Найдутся, наверное, люди, которые не преминут спросить: откуда «дровишки», то есть деньги? Отвечаю: строю на гонорары от пятитомника и фотоальбома, которые оптом приобрели у меня областные акиматы, а еще на доходы от городской квартиры, которую сдаю иностранцам. Опять же родственники помогают. Один из братьев жены -профессиональный архитектор - спроектировал дом, другой взял на себя внутреннюю отделку. Этот дом адресный - в нем хозяином будет мой младший сын Асанали.

Кстати, строительство я начал с благоустройства двора - посадил деревья и цветы. Это тоже один из моих жизненных принципов-жизнь вокруг должна быть опрятной и красивой.

У одного из русских классиков есть рассказ: заблудившаяся в лесу женщина увидела идущего ей навстречу мужчину. Вначале она испугалась, но, углядев у него в руках цветы, успокоилась: тот, кто влюблен в красоту, не может убить человека.

Название фильма “Кто Вы Господин Ка?” «Цветочник» - по кличке последней картины, где я буду сниматься, не случайное. Цветы - продолжение жизни, олицетворение любви. Среди самых дорогих подарков они стоят особняком. Скромные полевые цветы, сирень, розы... Все это любила Майра - моя первая жена Особенно она обожала сирень. Эти цветы и сейчас рядом с ней - Саги посадил на ее могиле куст сирени, а потом я взял отросток оттуда и пересадил туда, где нашел последнее пристанище сам Саги.

Второе правило. Человек должен активно созидать и искать что-то новое. В фильме «Чокан Валиханов» я придумал такой эпизод. Когда Тезек-торе (Тезек Нуралиев - старший султан Алатауского округа), на сестре которого Валиханов женился будучи уже тяжело больным, спрашивает, что же нужно сделать, чтобы изменить безрадостную жизнь вокруг, Чокан отчеканивает: «Рыть!».

- Что рыть? - пугается Тезек-торе.

- Колодцы, миллионы колодцев. Будет вода, не будет - не важно, главное, не сидеть на месте и неустанно искать что-то. Чтобы пасти барана, потом зарезать его, сварить и съесть - много ума не надо, так можно и самому превратиться в это животное.

Третье правило. Не жить в долг, рассчитывать только на себя. Я в своей жизни занимал деньги всего лишь раз - когда покупал первую в жизни машину. Уж очень был велик соблазн - ездить на своей «Волге», потому и побежали с Майрой к Абдижамилу Нурпеисову.

Сам я частенько одалживаю, а иногда безвозмездно даю деньги. Ко мне в офис, бывает, захаживают бывшие детдомовцы. Им много не надо - тысячу-другую, которую они чаще всего тратят на сладости. Грех им отказывать в этом. Я радуюсь больше, чем они, когда эти дети уходят от меня удовлетворенными.

Недавно ко мне зашла одна из тех, что занимает у меня традиционную сумму - 500 долларов. «Асанали-ага, не думайте, пожалуйста, что я забыла про долг. Как только появятся деньги, я сразу вам отдам». В тот момент я гордился не собой, а тем, что имею дело с человеком совестливым и порядочным.

Четвертое правило. Умейте смеяться и шутить, когда хочется плакать, обуздывать зависть, считать трудовую копейку, но не быть жадным.

Когда меня спрашивают, как ты смог выдержать все удары, что свалились на тебя в одночасье, отвечаю, что мне помогает юмор. В конце концов, мои проблемы - это только мои проблемы. Давая кому-то возможность жалеть себя, продлеваешь тем самым жизнь своим врагам. Когда мне было совсем тяжело и плохо, слезы я показывал только одному человеку - Майре. Помню, я вернулся из командировки в Москву. Умом-то понимал, что ее уже нет и она никогда не встретит меня у порога, и все же, когда дверь открыла

родственница, я молча прошел в нашу комнату и беззвучно зарыдал перед портретом жены.

Смех, юмор и шутка помогают избежать серьезной грозы в доме. Однажды мы с друзьями встречали Новый год в нашей полуторке на улице Фурманова. Апашку, мою мать, с Саги и Мади мы с Майрой отправили к друзьям. Новый год наша актерская компания встретила хорошо. Но радость и веселье были испорчены кражей нитяной авоськи, полной казы и карта. Мать берегла высланное из аула мясо пуще ока. И вот на тебе - кто-то срезал висящую за окном авоську...

Майра страшно расстроилась. Взбучка от свекрови была неминуемой. А я очень кстати вспомнил историю, связанную со смертью брата матери. «Медеубай умер», - сообщил я без всяких предисловий. Мать замерла в шоке, у нее даже слез не было - настолько неожиданным было известие. Придя в себя, она горько упрекнула: «Что же ты не подготовил меня к этой страшной вести? Так мне было бы легче».

«Успокойся, я тебя выручу», - пообещал я Майре.

Утром мать с детьми вернулась домой. Я, несмотря на шум-гам, делаю вид, что сплю, Майра волнуется. Мать первым делом кинулась к окну. Не найдя там мяса, стала искать его на кухне.

- Куда же мясо запропастилось? - спрашивала она у самой себя.

Услышав это, я понял, что пора выходить на сцену.

- Садись, - велел я матери и понес: - Жизнь - штука сложная, если мы будем все принимать близко к сердцу, то можно остаться и без него...

Я так долго тянул резину, что мать не выдержала:

- Кто в этот раз?

- Не кто, а что, - поправил я ее. - Мясо украли.

- Да бог с ним, с мясом, - с облегчением вздохнула мать. - Главное, все живы.

Вышла на улицу, походила, успокоилась и только потом спросила: «А как украли-то?».

Пятое правило. Если хочешь сказать многое -лучше помолчи. Никогда не забуду встречу в одном из областных центров. Я шел с товарищем по улице, как вдруг из небольшой толпы отделилась пожилая женщина, так напоминавшая своим обликом мою мать. Она подошла ко мне, молча встала на колени передо мной и поцеловала мне руку. Я не знаю, почему она это сделала: может, ее трогала моя работа в кино или на театральной сцене, а, возможно, услышала о недавней смерти моей матери.

Шакен Кенжетаевич Айманов никогда не учил как надо жить или играть на сцене, но его молчаливые уроки дали мне больше, чем все институтские лекции вместе взятые. Этому же принципу старался следовать и я. С сыновьями я мало общался, пока они были маленькие, нотации читать мне было некогда, да и не умел я этого, видели меня и курящим, и выпивающим, и неправедным, но, странное дело, они меня боготворили даже будучи уже взрослыми, семейными мужчинами. Недавно перед спектаклем один молодой актер сказал мне: «Ага, я работал на летних каникулах у Мади грузчиком, когда мне было лет четырнадцать. Он вас считал за бога».

Видя, что я сник после этих слов, он вышел из гримерной. Минут через пятнадцать вернулся: «Простите, что я вас расстроил перед спектаклем». «Что ты, - сказал я ему. - Ты, напротив, настроил меня на образ».

Когда ушла из жизни Майра, и Мади, и Саги страшно переживали за меня. Я это чувствовал по вскользь брошенным тревожным и любящим взглядам, по тому, как они старались не оставлять меня одного. Когда я вскоре женился на Гульбану, ни единым словом не упрекнули, хотя я чувствовал: мачеха была им не по душе.

...Мне нередко приходится слышать такой вопрос: как стать Асанали Ашимовым? Вначале пытался что-то формулировать, найти какие-то нужные слова. А сейчас отвечаю: никак. И рассказываю одну степную притчу. Степного мудреца спросили однажды: как вы стали таким мудрым в окружении глупых, завистливых, ленивых людей? «Я учился у них», - ответил мудрец